

В. Д. ЖИГУНИН

МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВ
В 280—220 гг. до н. э.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1980

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского Совета
Казанского университета*

Научный редактор — профессор **А. С. Шофман**

В монографии рассматривается история сложного, напряженного и малоизученного периода международных отношений — III века до н. э. Показана освободительная борьба греков против македонского засилья, ожесточенные захватнические войны эллинистических государств за территории, богатства и рабов. Дана характеристика армии, дипломатии, международного права в III в. до н. э. В монографии исследуются также теоретические вопросы международных отношений.

Монография предназначена для научных работников и студентов исторических факультетов университетов, пединститутов.

Ж $\frac{10603-018}{075(02)-80}$ 14—80 0504010000

© Издательство Казанского университета, 1980 г.

ВВЕДЕНИЕ

Во все ускоряющемся ритме история человечества совершает свой бег от эпохи к эпохе, а вместе с нею формируется и память о прошлом, возрастающее значение которой ощущается столь сильно в наши дни. Эллинизм — рафинированное понятие, введенное И. Г. Дройзенем, — неподвластен забвению. Две тысячи с лишним лет отделяют современность от эллинистического времени, но люди отдаленных лет III в. до н. э. живут среди нас, среди будущего, которого они не могли себе даже вообразить. Ценность исторического опыта не исчерпывается каким-либо определенным отрезком истории; напротив, только *вся* история в ее бесконечном многообразии (и, благодаря этому, закономерном единстве) является источником исторического опыта. Поэтому обращение к изучению эллинизма в данной книге не есть дань моде или результат любви к фактам. Модой и фактами увлекаются буржуазные исследователи, «геронческий» век науки которых давно прошел. Марксистско-ленинская историография ставит историю на службу преобразованию мира, и ничто не может ускользнуть от внимания исследователя, признающего основой своего историзма одиннадцатый тезис о Фейербахе. Эллинизм же слишком заметное явление, чтобы нуждаться в подробном обосновании практико-политической самоценности его для опыта передовых сил XX века.

Тем не менее на один аспект актуальности эллинистической истории до сих пор не обращали, на наш взгляд, достаточно внимания. Много говорилось историками о пресловутом римском «империализме», о соотношении между Римом и Востоком. Но, по-видимому, обаяние концепции Полибия было так велико, что вопрос о римском завоевании эллинистического Востока отождествляется с исследованием времени, в которое

Рим непосредственно втянулся в международную борьбу Балканских и иных государств. Между тем, правильнее, на наш взгляд, другое мнение: начало римской экспансии нельзя понять, не изучив направления международной борьбы эллинистических государств в период, когда о существовании Рима эти государства знали только понаслышке, когда они самодовольно были заняты лишь собой и ничего не хотели ведать о ничтожных делах окраин ойкумены. Подобно тому, как классическая Греция, раздробленная на множество полисов, погибла под ударами Македонии, так и классический эллинизм, выразивший себя в бесчисленном количестве больших и малых государств, был разрушен извне Римом. Классический эллинизм (можно еще сказать: развитой эллинизм) III в. до н. э.— один из важнейших всемирно-исторических феноменов, подготовивших появление Римской империи и создавших условия для ее существования. На примере международной эллинистической системы III в. до н. э. отчетливо прослеживаются некоторые как весьма общие, так и специфические закономерности международных отношений, в особенности, конечно, закономерности поляризации и интеграции политических сил, движения в сфере дипломатии и международного права, соотношения личного и всеобщего моментов во внешней политике рабовладельческих государств.

Все вместе взятое представляет, по существу, перечисление тех наиболее существенных проблем, которые составляют предмет исследования в настоящей монографии. По необходимости монография должна иметь, так сказать, «дуалистическую» структуру. Кажется важным предпослать конкретному анализу международной политики эллинистических государств 70—20 гг. III в. до н. э. сжатый очерк некоторых теоретических положений из области марксистской теории международных отношений. Раздел, в котором эти положения излагаются, ни в коем случае не следует рассматривать как нечто «чужеродное». Ниже будет показано, что методологические аспекты истории международных отношений имеют еще много резервов для размышления, особенно, когда речь идет о рабовладельческой формации. Ведь само основное производственное отношение этой формации (отношение рабства) весьма и

весьма специфично: оно в значительной мере есть отношение «международное» для обществ, где большинство рабов были чужеземцами, варварами.

Итак, III столетие до нашей эры... Эпоха, достойная внимания и энтузиазма исследователей. И, как потом увидим, эпоха, населенная интереснейшими политическими деятелями, обуреваемая неукротимыми страстями царей и холодным деспотизмом цариц. Эпоха Зенона и Евклида, Эратосфена и Архимеда, гениев и ничтожеств. После гибели Александра Македонского и развала его державы должна была наступить некоторая стабилизация во внутренней и международной жизни народившегося эллинистического мира. Новые веяния в экономике и социальной жизни полностью утвердились, «крайности» Востока и Запада временно были преодолены и сняты в единстве монархии и полиса, патриархального и античного рабства, философии и науки, Греции и Азии. Этот всеобщий синтез давал видимость прочности, успокоения, но тотчас разоблачал сам себя, обнажая свои классовые основы в ожесточенной борьбе бедности против имущих. Однако пока он существовал, жила и международная система эллинистических государств, во всем ее своеобразии. Сравнительно благополучно развивалась «мировая» торговля, шествовала неисповедимыми путями дипломатия, ширпились культурные связи. Но росли и масштабы войн, их разрушительная и безжалостная энергия. Падало величие одних государств, возрождалось могущество других. За полвека эллинистический мир проделал столь напряженный путь политической истории, какой редко встречается в практике международной жизни добуржуазных обществ.

Рассуждая о насыщенности эпохи классического эллинизма, о ее значимости для будущей истории Рима и Европы, можно было бы, конечно, ожидать, что эта эпоха столь же солидно, в соответствии с ее истинным местом в истории, отражена в источниках. Тут нас, однако, ждет разочарование. Исторические труды современников III века до н. э. — Филарха, Дурида Самосского, Иеронима Кардийского, Телета и других — совершенно исчезли, сохранившись только в отрывках среди сочинений более поздних писателей¹. Взятые из вторых рук, сведения этих историков имеют зачастую искаженный характер, противоречат друг другу. Почти невоз-

можно выделить политические тенденции историков, писавших в III в. до н. э. Исключением могут быть здесь разве только сочинения Филарха, симпатизировавшего демократии и спартанскому реформатору Клеомену, и Иеронима Кардийского, бывшего приближенным династии Антигонидов. Другой существенной особенностью источниковой базы по истории III в. до н. э. является невероятная раздробленность материала по самым различным видам источников. Максимальная концентрация информации содержится в повествовании Юстина «Эпитома сочинения Помпея Трога», выдержанном в духе христианского морализаторства и выхватывающем из языческой истории только события, имеющие тенденциозно отрицательную окраску. У Юстина немало путаницы, но это единственный автор, дающий связную историю «темного» пятидесятилетия — 70—20 гг. III в. до н. э. Весьма многочисленные сведения содержатся в «Биографиях» и «Моралиях» Плутарха, особенно в биографиях Пирра, Арата, Клеомена, Агиса. Известное значение для истории III в. до н. э. имеют сведения Павсания, из «Описания Эллады» которого мы узнаем о главных событиях Хремонидовой войны. История Селевкидов вкратце излагается у Аппиана и Иосифа Флавия. Биограф античных философов Диоген Лаэртский сообщает важные факты, имеющие отношение к политической истории III в. до н. э. Можно было бы упомянуть и о хронологических материалах Евсевия, и о военно-политических сведениях Полиэна и Фронтинана, о разнообразных, но весьма случайных данных, содержащихся у Ливия, Диодора, Страбона, Луккиана, Стефания Византийского, Афиней, Стобея и др. Но это перечисление по существу всей позднеантичной историографии мало что может засвидетельствовать и заставляет лишь еще раз пожалеть о невозвратимой потере оригинальных источников, созданных в III в. до н. э. При всей не критичности и развлекательности Филарха, Дурида, Агафархида, Нимфида и других писателей утрата ничем не может быть возмещена. Наш основной историк по истории эллинизма — величайший и строгий Полибий — мало что может дать тому, кто занят «темными» десятилетиями; повествование Полибия начинается как раз с 220 г. до н. э., а предыдущих лет мегалопольский гений касается лишь мельком, кроме,

пожалуй, эпохи Клеоменовой войны, по которой он вместе с Плутархом дает основной материал².

Столь сложный характер историографической традиции заставляет прибегать к дальнейшему расширению источниковой базы. В распоряжении историка не могут не быть поэтому некоторые литературно-художественные тексты: например, эпиграммы, идиллии Феокрита, гимны Каллимаха³. Особенное значение для политической истории III в. до н. э. приобретают надписи, некоторые из которых поистине незаменимы. Такова, например, надпись, представляющая собой текст договора Афин со Спартой накануне Хремонидовой войны, или надпись Делоса того же времени. Некоторые из надписей Малой Азии позволяют существенно уточнить внешнюю политику Пергама (например, документы из Кизика) или внешнюю политику Селевкидов⁴. Среди документального материала исключительный интерес представляют хроники (Паросская хроника, Линдская храмовая хроника), письма царей или городов (в частности, письмо Птолемея II в Милет, письма Антиоха и Селевка II городам Малой Азии и т. д.). Документы этого рода имеются не только на древнегреческом языке, но и на языках восточных народов (клинописная хроника Вавилона). Даже надписи индийского царя Ашоки могут послужить разрешению некоторых загадок истории эллинистической внешней политики⁵.

Свой вклад в исследование истории III в. до н. э. может внести и папирологическая документация. К сожалению, громадные архивы, вроде архива Зенона в Египте, дают в этом отношении весьма немного. Но даже это немногое позволило в последние десятилетия по-новому осветить ряд вопросов III в. до н. э. Например, папирус Ларсена, опубликованный в 1942 г., раскрыл обстоятельства морского соперничества между Македонией и Египтом. Папирус, опубликованный Вольяно в 20-е годы нашего века, дал возможность расшифровать (хотя и не до конца) внешнюю политику эллинистических государств пригеллеспонтского региона в начале 70-х годов III в. до н. э. Нет, пожалуй, нужды говорить об огромном значении гуробского папируса или надписи из Адулиса, достоверно раскрывающих причины и ход Третьей Сирийской войны⁶.

Давно доказано, что без данных эпиграфики и па-

пирологии написать связную историю III в. до н. э. невозможно. Но столь же невозможно написать ее без нумизматики и археологии. Монеты Антигонидов позволяют выяснить судьбы морской политики Македонии, монеты Селевкидов дают основу для понимания их завоевательной деятельности во время Первой Сирийской войны. Нумизматика Фессалии обогащает наши сведения о походах Пирра Эпирского и т. д.⁷ Еще более разительное значение имеют некоторые материалы археологии. В последние годы благодаря раскопкам в Аттике удалось лучше понять обстоятельства и ход Хремонидовой войны и особенно действия египетских войск во время этой войны⁸.

Благодаря надписям, папирусам, монетам, археологическим памятникам материал источников по III в. до н. э. из года в год растет. Поэтому одни гипотезы рушатся, другие подтверждаются. Наука эволюционирует, и весьма трудно обозреть в данном кратком «Введении» даже основные ее этапы. Буржуазная историография лишь в XIX в. всерьез занялась критическими исследованиями эллинизма и выдвинула такие крупные фигуры, как И. Г. Дройзен, с его гегельянским пониманием времени «эпигонов». Господство эмпиризма и модернизаторства наложило свою печать на сочинения Белоха, на ранние труды Тарна, Фергюсона. Грандиозный материал, обработанный этими историками, позволил в начале XX в. создать ядро построений, которые образовали историю эллинистической внешней политики. В еще меньшей мере оценочная функция исторической науки была присуща Низе, Керсту, Гольму. Но в той или иной мере империалистическое преклонение перед величием завоевательной политики царей эпохи эллинизма, сближение эллинизма с XX столетием были присущи всем перечисленным писателям. Культурологическое и этатистское толкование деятельности Антигона Гоната, Птолемея II, впервые воссозданное Дройзеном, превратилось в буржуазном антиковедении в своеобразную традицию. Неприязнь к народным движениям, снисходительность (в лучшем случае!) к реформатору Клеомену явились выражением классовых установок исследователей, при всем их стремлении избежать оценок и остаться на позициях «объективизма»⁹.

После 1917 г. эмпирические тенденции и мотивы еще более усиливаются, проникают в американскую, французскую, итальянскую историографию истории III в. до н. э. Они характерны для «Кембриджской древней истории», для сочинений Де Санктиса, Олло и других. В рамках проблемы «римского империализма» был, однако, поднят вопрос, разделивший историков на два лагеря «романистов» и «эллинистов». Олло выступил одним из ведущих сторонников «теории» о «неагрессивности» Рима в его борьбе с эллинистическими государствами. Противники Олло — в основном английские и немецкие античники (напр., Уолбенк) — проводили мысль о «неагрессивности», оборонительной позиции эллинистических государств в борьбе с Римом. Безудержная идеализация «великих» политических деятелей эллинизма, произвол в истолковании источников, гиперкритицизм были весьма характерны для буржуазного антиковедения в 20—30 годы нашего века. Тоталитарно-фашистские идеи также не преминули отразиться в реакционном немецком антиковедении¹⁰.

В послевоенный период зарубежное буржуазное антиковедение характеризуется борьбой либеральных и консервативных традиций. Важное значение приобретают исследования истории III в. до н. э. в монументальном труде М. Ростовцева «Социальная и экономическая история эллинистического мира». Это произведение было написано еще до 2-й мировой войны, с модернизаторско-циклических, реакционных позиций, но его влияние успело отразиться во многих трудах западных историков. В основном с либеральной точки зрения рассмотрена эллинистическая история в поздних сочинениях В. Тарна, в работе Э. Виля, скрытый консерватизм в обрамлении откровеннейшего эмпиризма характерен для некоторых историков ФРГ (Бенгтсона, Хайнена). В основном в послевоенный период не появилось крупных общих трудов по политической истории эллинизма, кроме труда Виля. Но получили широкое распространение узкоспециальные исследования, вроде просопографических работ или сочинений о политике Пергама. Наибольшее значение в этот, как и в предыдущие, период имела эмпирическая обработка буржуазными историками новооткрытых материалов, например, большой вклад здесь внесли Момильяно, Бенгтсон,

Хайнен¹¹. И тем не менее общая схема построения внешнеполитической истории III в. до н. э., выработанная еще Дройзеном, до сих пор остается в зарубежной историографии незыблемой. Эта схема служит ныне оправданию новых форм неокOLONиализма, господства «Запада» над «Востоком», идей псевдоуниверсализма и тойнбианского циклизма. Следует отметить, впрочем, еще одну особенность современного буржуазного антиковедения. Оно в целом консервативно не только в отношении методологии, но и методики исследования. По-прежнему новации социологии, теории международных отношений, политологии почти не проникают в глухую крепость «академической» и респектабельной буржуазной науки об эллинизме III в. до н. э. Поэтому вопрос о закономерностях внешнеполитической эволюции даже не ставится. Историю пишут почти так же, как в «благословенные» времена Дройзена. Впрочем, если Дройзен еще стремился усмотреть в эллинистической истории хоть какую-то логику, пусть идеалистическую, — то многие современные исследователи на Западе хранят по поводу логики эллинистической истории гробовое молчание. Мы не говорим в данном случае о Тойнби, который, впрочем, создал концепцию эллинизма, имеющую мало общего с собственно эллинизмом.

Такова по необходимости крайне схематичная картина эволюции зарубежной историографии истории III в. до н. э. В отечественной дореволюционной историографии было сделано немало попыток изучения эллинизма, его политической истории. В этой связи следует подчеркнуть значение трудов В. Г. Васильевского, А. Н. Шукарева, А. В. Никитского, Ф. Ф. Соколова. Ф. Ф. Соколов в начале XX века создал школу отечественных эпиграфистов, многое сделал для выяснения темных страниц истории III в. до н. э., главным образом, на материале надписей и папирусов. Результаты исследований Ф. Ф. Соколова отражены были в ряде статей, не утративших своей ценности и в настоящее время. Особый интерес, представляют его выкладки о мятеже Александра, сына Кратера, в Греции, о Третьей Сирийской войне и т. д.¹² Особенно значительные усилия по изучению истории III в. до н. э. предпринимали историки-античники дореволюционной Казани: Ф. Г. Мищенко, М. М. Хвостов¹³. Первый из исследователей стоял на прогрессивных по-

зициях и в своем обширном введении к переводу Полибия дал оригинальную трактовку «федеративного движения» в эллинистической Греции. Второй затронул, пожалуй, впервые в мировой историографии, некоторые проблемы международных экономических отношений в эпоху эллинизма.

И все же буржуазное антиковедение и на Западе, и в России не решило великой «загадки» III в. до н. э. Его главным пороком было идеалистическое понимание истории, эмпиризм, неприятие закономерностей исторического процесса. Выход из тупика буржуазной науки невозможен, если оставаться в русле ее методологии. Но обращаясь к марксистско-ленинской трактовке истории, можно составить глубокое, последовательное, всестороннее понимание эллинизма и его международных отношений. Базой для этого служат труды Маркса, Энгельса, Ленина, их высказывания о рабовладельческой формации, об эпохе Александра как эпохе внешнего расцвета Греции и т. д. Теоретические установки марксистско-ленинской философии использовала советская историография, создавая новую концепцию эллинизма. Важнейшими вехами в исследовании эллинизма в советской литературе явились работы А. Бергера, А. Б. Рановича, А. Г. Бокщанина, К. К. Зельина, дискуссия 50-х гг. об эллинизме, различные статьи Я. А. Лещмана, Н. Н. Пикуса, впоследствии монографии и статьи Т. В. Блаватской, А. И. Павловской, Е. С. Голубцовой, М. К. Трофимовой. Проблемам эллинистической Македонии и политики Александра Македонского были посвящены работы А. С. Шофмана. Вопросы истории эллинизма коснулись в своих сочинениях Д. И. Цибукидис, А. Эйне, И. С. Свенцицкая. Трудно перечислить всех авторов, которые хотя бы косвенно затронули проблемы эллинизма в работах последних лет¹⁴. Во всех этих работах формируется общая марксистская концепция эллинизма. Но в целом многое в этой концепции остается пока неясным и спорным. В частности, как отмечалось выше, далеко не исследован комплекс вопросов, относящихся к III в. до н. э., особенно к истории внешней политики. Между тем природа источников по III в. до н. э. такова, что подступиться к социальной и экономической истории, на наш взгляд, по-настоящему невозможно без уяснения вопросов международ-

ных отношений. Не просто эмпирическое изучение международных отношений, а именно прослеживание их закономерностей, основных тенденций и линий позволит перейти к характеристике целостности социально-экономических условий эллинистических государств, выделить этапы развития эллинизма в III в. до н. э. Поэтому помимо ценности собственно анализа закономерностей международных отношений III в. до н. э. представляет интерес также и методически исходное значение этого анализа для изучения всех остальных сторон истории эллинизма. Наряду с факторами актуальности данной монографии, сообщенными в начале «Введения», этот последний момент входит как составная часть оценки целей и задач поставленной темы, определяет структуру и динамику последующего повествования. В нем мы не стремились отразить международные экономические связи, а также международные культурные отношения и сосредоточили внимание на вопросах внешней политики, как наиболее существенных аспектах проблемы на данном уровне развития пауки. Хронологические рамки исследования — 280—220 гг. до н. э. — определяются нашим пониманием периодизации эллинизма.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЭЛЛИНИЗМ

§ 1. Некоторые общие вопросы теории

В. И. Ленин писал: «...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы»¹. Этот важный тезис диалектики познания всецело относится и к исследованию истории международных отношений, что наглядно продемонстрировали критические работы советских ученых в последние годы². В марксистской литературе уделяется все возрастающее внимание положительному рассмотрению теоретических вопросов в данной области, хотя, разумеется, область настолько громадна и сложна, что можно говорить лишь о первых шагах той дисциплины, которой даже нет пока устойчивого наименования: социология международных отношений, теория международных отношений и т. д.³

Особенно недостаточно, на наш взгляд, разработаны принципы анализа международной жизни во взаимосвязи с той или иной социальной формацией. Между тем здесь заключена основа историзма в понимании международных отношений. Непозволительно говорить о «международных отношениях вообще», подобно тому, как нельзя говорить об «обществе вообще». Несторический подход к международным отношениям неизбежно ведет к их модернизации, а этот «грех» непростителен не только тогда, когда речь идет о «внутренней истории», но и в еще большей мере антипатичен, когда начинают писать о войнах, дипломатии, внешней политике и т. д. В особенности страдает от подобной модернизации и прочих теоретических неясностей исследование международных

отношений докапиталистических эпох. Можно ли безоговорочно отождествлять, к примеру, торговую конкуренцию государств в древнем мире с «борьбой за рынки сбыта»? Допустимо ли говорить о наличии международного права в древности так же, как говорится о нем в нашу эпоху? Можно ли именовать своеобразные проявления и функции рабовладельческой дипломатии претенциозными терминами «шпионаж», «диверсии», «давление» или иными определениями? Мы вовсе не утверждаем, что во всех случаях нельзя. Но необходимо выработать ясный критерий научной точности и строгости в употреблении понятий. Здесь обстоит дело примерно так же, как и с античной культурой. Справедливое мнение о ней высказал А. Ф. Лосев: «Кардинальный вопрос всей теории античной культуры — это вопрос о существенной связи взаимоотношений рабовладельческой формации с возникшей из нее культурой»⁴. Но какие внутренние связи существуют между формацией и международными отношениями? Вопрос был бы сравнительно легко разрешим, если бы речь шла о взаимоотношениях народов одной и той же формации. Но дело как раз в том, что в истории было не исключением, а правилом состояние, когда одновременно существовали и взаимодействовали между собой страны разных формаций. Истоки этой неравномерности и порожденные ею специфические закономерности международных отношений требуют, в первую очередь, объяснения.

Поэтому, имея в виду в дальнейшем рассмотреть черты международных отношений эпохи эллинизма, мы попытаемся здесь изложить в тезисном плане некоторые общие вопросы.

Рассмотрение международных отношений невозможно без уяснения природы субъекта этих отношений — племени, народа, страны, нации, государства и др. Сама множественность терминологии для определения субъекта международных отношений свидетельствует о нечеткости, имеющей, в известном смысле, гносеологический характер. Но независимо от того, какой термин употребляется, в него вложен один общий смысл: субъект международных отношений представляет собой некоторый социальный организм. Важное свойство социального организма — координатность, т. е. пространственно-временная определенность. Пространственно-

географическую и временную локализацию имеют поэтому и производительные силы, в конечном счете определяющие характер социального организма. В понятие производительных сил включается, следовательно, и территориальный аспект, без которого трудно представить себе, например, производительные силы земледелия. Географическая зональность как бы продолжает свое существование в снятом виде в территориально-комплексном развитии производительных сил и соответствующих им социальных организмов⁵. Поэтому, кстати, и возможна историческая география, связи которой с теорией международных отношений являются весьма глубокими⁶.

Констатируя пространственную и временную определенность каждого социального организма, можно рассматривать человечество в целом как совокупность социальных организмов различных типов (формаций, способов производства), взаимосвязанных между собой, в частности, по законам исторической географии. Самое разнообразие этих социальных организмов обусловлено различием производительных сил в разных территориальных пунктах земного шара на различных этапах истории. Строго говоря, в любой исторический период можно наблюдать своеобразный «рост» производительных сил по мере перемещения из одной пространственной зоны в другую. Эта наблюдаемая закономерность отражает «векторность» пространственного прогресса человечества, перемещение центра исторического развития в пространстве.

Как известно, на данный феномен неоднократно обращали внимание классики марксизма-ленинизма применительно к различным эпохам. Ф. Энгельс по поводу основного противоречия рабовладельческой формации писал: «Всякое основанное на рабстве производство и всякое основывающееся на нем общество гибнут от этого противоречия. Разрешение его совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным (Греция была покорена Македонией, а позже Римом). До тех пор пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока наконец (Рим) не происходит завоевание

таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства»⁷. Зависимость перемещения центра социального развития от естественно-географической базы, как составной части производительных сил, подчеркивал и К. Маркс: «Раз дано капиталистическое производство, то, при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня, величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда и в особенности от плодородия почвы. Однако отсюда отнюдь не вытекает обратного положения, что наиболее плодородная почва является наиболее подходящей для роста капиталистического способа производства. Последний предполагает господство человека над природой. Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала»⁸.

Динамика пространственных перемещений «центра» исторического развития составляет, в частности, основу для выделения таких понятий, как «Восток» и «Запад». Мы полагаем, что дивергенция «Востока» и «Запада» свойственна в основном эпохе классового общества и обусловлена меридиональной закономерностью распределения уровней производительных сил различных антагонистических обществ. Для понятия «рост производительных сил» имеет значение фактор разнообразия, в особенности когда речь идет о производительных силах самой природы. А ведь именно такие производительные силы служили основой прогресса человечества в добуржуазные эпохи. К. Маркс отмечал: «Если мы отвлечемся от большего или меньшего развития общественного производства, то производительность труда окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, к его расе и т. п., и к окружающей человека природе»⁹. Разнообразие естественных условий, обязанное своим существованием закономерностям географии Земли, как раз и породило переход с Востока на Запад, а на известных этапах и переход с Запада на Восток как переходы от низшего к высшему. Для фазы начала дивергенции Запада и

Востока важно в этой связи указание Энгельса: «...С наступлением варварства мы достигли такой ступени, когда приобретает значение различие в природных условиях обоих великих материков (т. е. Старого и Нового света.— В. Ж.)... Вследствие этого различия в природных условиях население каждого полушария развивается с этих пор своим особым путем, и межвые знаки на границах отдельных ступеней развития становятся разными для каждого из обоих полушарий»¹⁰. Ф. Энгельс далее указывает, что на «Западе» (т. е. на американском континенте) первобытные племена не пошли дальше средней ступени варварства и отстали от народов «Востока» (т. е. восточного полушария), так как «восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для разведения видами злаков, кроме одного; западный же материк, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих — только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим, — маисом»¹¹.

Прогрессивное движение центров цивилизации с Востока на Запад или с Запада на Восток, разумеется, имело относительный характер, и кроме того, постоянно сопровождалось существенными широтными перемещениями¹². Не учитывая этого сложного движения, вряд ли возможно усмотреть какую-либо закономерность во взаимоотношениях различных социальных организмов, т. е. в международных отношениях. Далее мы убедимся в этом на примерах из древней истории. Но дело не только в движении, которое описано выше. Речь ведь пока что шла о географическом перемещении систем социальных *отношений*. Называть этот процесс «перемещением» можно столь же условно, как и, к примеру, считать особым движением бег солнечного зайчика по стене или «бег» волны по поверхности вод. Гораздо убедительнее выглядит представление об внешних перемещениях, имеющих место в реальном географическом пространстве, но носящих исторический характер: переселения народов, завоевание (т. е. экспансия) территории. Перемещения этого рода, впрочем, тесно связаны с движениями центров исторического развития и также имеют свои особые закономерности.

Значение последних исключительно важно для выяснения международных отношений.

Рассматривая динамику человечества как совокупность социальных организмов, можно, таким образом, увидеть и сильные, и слабые колебания социосферы (это понятие вводится социологами по аналогии с геосферой или биосферой), различить «бури» и «штормы», «погоду» и «климат». Международная жизнь подвержена постоянной и весьма сложной динамике. Она лишь на первый взгляд кажется статичной. В действительности «атмосфера» международной жизни имеет столь же строгие, хотя и непростые, закономерности, как и атмосфера Земли, изучаемая метеорологами.

Международная жизнь в рассмотренном выше смысле представляется как нечто самостоятельное, имеющее свою собственную историю. Но эта самостоятельность, конечно, весьма ограничена. Маркс относил международные отношения к разряду производных, перенесенных, непервичных¹³. В. И. Ленин неоднократно говорил о примате внутренней политики над внешней и вместе с тем о тесной взаимосвязи обеих политик¹⁴. Каждый социальный организм обладает специфической внутренней активностью, определяющей его поведение в международной среде; к которой он не только приспособляется, но и способен изменить. Другое дело, что эта активность не доводится до конца и не может быть доведена до конца в условиях докоммунистических способов производства. Всегда сохраняется комплекс непредвиденных последствий в международных отношениях эпохи «предыстории»; всегда сохраняется стремление эксплуататорских классов подчинить себе, своим эгоистическим ближайшим интересам международные отношения. По этим причинам поведение народов и государств в мировом сообществе носит, в конечном итоге, стихийный характер; закономерности международных отношений пробивают себе дорогу через это стихийное, отчужденное поведение. Эксплуататорские классы поддерживают возникшую на заре истории разобщенность народов, сохраняя ее в рамках государств с замкнутыми границами. Не допуская народы к ключевым звеньям управления внешней политикой, эксплуататорские классы тем самым монополизируют как цели, так и средства международного общения. И все же

развертывающаяся в антагонистических обществах классовая борьба оказывает немалое воздействие на внешнюю политику. Посредством борьбы против эксплуататоров трудящиеся массы способны во все большей степени вмешиваться в стихийный процесс международного общения, корректируя его в прогрессивном направлении. Внешняя политика победившего рабочего класса в странах мирового социализма представляет собой великое продолжение и высшую ступень тех гигантских тысячелетних усилий, которые предпринимали народные массы в борьбе за контроль над международной жизнью, за мир против войны, за единство против разобщения, за независимость против тотального рабства.

Но, разумеется, не только классовая борьба выступает как «внутренний» движущий фактор внешних сношений. В еще большей мере таким фактором является сама производительная деятельность народов, постепенно освобождающая человечество от естественно возникшей разобщенности, разнородности его популяций, от подчиненности этих популяций конкретным природным условиям. Уже капитализм создал универсальные производительные силы и одновременно породил универсальное общение. «...Крупная промышленность сделала конкуренцию универсальной... создала средства сообщения и современный мировой рынок, подчинила себе торговлю... Она впервые создала всемирную историю, поскольку поставила удовлетворение потребностей каждой цивилизованной страны и каждого индивида в ней в зависимость от всего мира...»¹⁵. Однако универсальное общение при капитализме носит в высшей степени противоречивый характер, поскольку происходит в рамках внутреннего и международного антагонизма. Только коммунистическая формация, опираясь на новый подъем мировых производительных сил, снимает это противоречие.

Указывая, что международное общение до появления мирового социализма носило преимущественно стихийный характер и что силы становящейся всемирной истории лишь через этот стихийный процесс пробивали себе дорогу, нельзя не отметить тех форм, в которых данная стихийность себя выражала. Субъекты международных отношений — племена, нации, госу-

дарства и т. д. — находились друг с другом, главным образом, в отношениях борьбы, соперничества, конфликта. Если же степень разобщенности была слишком велика, чтобы мог возникнуть хотя бы какой-нибудь контакт, то все же в общеисторическом плане соперничество и здесь имело место: оно носило, однако, до поры до времени скрытый для субъектов международных отношений характер. Наглядный пример последнего случая — соперничество народов Нового и Старого света, существовавшее в неявном виде многие века и обнаружившееся со всей жестокостью в начале нового времени с открытием «варварской» Америки «цивилизованными» европейцами.

За этой всеобщей международной борьбой как первобытных, так и классово-антагонистических социальных организмов стояла, в конечном итоге, объективно необходимая борьба различных способов производства или их разновидностей. Упомянутое выше перемещение «центров» исторического развития выступает как важный аспект международной борьбы и как ее результат. Тот факт, что существовали некоторые закономерности пространственной динамики международного развития, лишь свидетельствует о наличии общих тенденций развития способов производства и, соответственно, общих линий эволюции мирового сообщества народов.

Если стихийность международного развития выражалась в борьбе, соперничестве, то сама борьба могла выступать, в свою очередь, в разных формах. Важнейшей из них являлась война, но рядом с нею стоят и международные культурно-экономические связи, и дипломатия, и международное право. Эти формы выступают одновременно и как средства международной борьбы. К числу средств этой борьбы следовало бы отнести также внешнюю политику.

Диалектический подход к международным отношениям показывает, что эти отношения историчны, не только по своему содержанию, но и по своим формам. До сих пор в буржуазной науке исследовалась преимущественно история форм международных связей, т. е. внешней политики, дипломатии, войн, права и т. д. Эти формы рассматривались в отрыве от их содержания и потому не могли повести науку к обнаружению закономерностей. Марксистская наука, напротив, обра-

щает особое внимание на содержательный аспект международной истории и стремится глубже и всестороннее объяснить его, выводя соответствующие формы из их содержания.

§ 2. Эллинизм и закономерности международных отношений рабовладельческой формации

Одним из сложных аспектов теоретического исследования являются международные отношения в древнем мире. Взаимосвязи между социальным развитием общества и международными отношениями древности прослеживаются с полной определенностью. Проблема «движения центров» мировой истории, переселений, военно-экономических экспансий также имеет свое специфическое значение для древних народов и государств. Но существуют и некоторые «чисто древние» ракурсы теории международных отношений, обусловленные спецификой первобытной и рабовладельческой формаций.

Во-первых, исследуя вопрос, мы неизбежно сталкиваемся с дискуссионной проблемой: когда возникли международные отношения? В одних случаях генезис международных отношений относят к эпохе появления классового строя, в других — ко времени появления человека и общества.¹⁶ Нам представляется, что ближе к истине сторонники второй точки зрения, поскольку этнографический материал явно свидетельствует о зачатках дипломатии, войн, экономических контактов между первобытными племенами. Разумеется, международные отношения в первобытную эпоху были весьма своеобразны, но ставить вопрос об их существовании и закономерностях, видимо, необходимо. Нас эта проблема интересует лишь в связи с существованием первобытной периферии рабовладельческих обществ и ее взаимодействия с этими обществами¹⁷. Международные отношения в древности обуславливались в значительной мере законами отношений между общностями двух формационных типов — первобытной и рабовладельческой. Но система международных отношений включала в себя также: 1) отношения между племенами первобытной периферии; 2) отношения между рабовладельческими государствами. Разумеется, ведущее, определяющее значение в системе международных отношений имели отношения между рабовладель-

ческими государствами, как представителями передовой общественной формации. На какой же основе эти отношения строились? По-видимому, корни своеобразия международных отношений в рабовладельческом мире кроются в самом явлении **рабства** как особого производственного отношения. Хорошо известно, что в странах древнего Востока господствовало эндогенное, патриархальное рабство, в странах античности возобладало рабство экзогенное, классическое¹⁸. Поэтому международные отношения рабовладельческой эпохи имели особую специфику на каждой из трех крупных стадий древнего мира. Во-первых, можно наблюдать стадию отношений между древневосточными государствами с патриархальным рабовладением; во-вторых, можно наблюдать стадию отношений между античными и патриархально-рабовладельческими (восточными) государствами; в-третьих, можно наблюдать стадию отношений между античными государствами с классическим рабовладением. Вторая форма характерна для времени, когда древневосточный мир сходил с арены истории, а античный мир поднимался. На каждой из этих стадий существовали особые системы государств, особые формы отношений между государствами и особые тенденции развития системы международных отношений. Отношения, порожденные эпохой древневосточного рабства, существенно отличались от отношений, существовавших в эпоху *перехода* к полному господству античного рабства, а эти последние — от отношений расцвета античного времени. Упрощенная схема истории древности отражает все эти тенденции в логическом ряду: Восток — Греция — Рим¹⁹. При этом в понятие «Греция», естественно, включается также эллинизм. Законы движения производительных сил, смены форм рабовладения и т. д. неизбежно обусловили «перемещение центров» рабовладельческой формации от стран с меньшим разнообразием естественно-географических и исторических условий к странам с большим разнообразием «среды». Но это «перемещение центров» формации было всякий раз и перемещением центров международной системы государств, а следовательно, означало появление новой системы государств вместо старой. Система государств и их взаимоотношений в XV в. до н. э. на Ближнем Востоке; система государств эпохи Нововавилонского царст-

ва и Позднего Египта; система государств Греции в V в. до н. э.; система эллинистических государств и т. д. — все это только выхваченные из длинного исторического ряда примеры. Эволюция международных отношений в древности была именно эволюцией систем государств, подчиненной законам развития рабовладельческой формации.

При господстве эндогенного рабства не существовало коренных потребностей во внешнем контакте государства с соседями; древневосточные государства долго еще сохраняли присущую им изоляцию. Правда, они вели внешние завоевания, но это было лишь установление изолированности на более высоком уровне. Целью завоеваний являлось в основном увеличение вещного богатства, частью которого считался и человек. Поэтому завоевание на Востоке есть одновременное расширение границ, создание «мировой империи». Незрелость рабства отгораживала одну страну древнего Востока от другой, подобно тому как первобытное племя отгораживалось от другого племени. Тут мы имеем дело с своеобразными пережитками первобытных международных отношений на Востоке.

Наоборот, при господстве экзогенного рабства в античных странах картина иная. Остановимся на этом подробнее. Экзогенное рабство способно оторвать личность от средств производства, от своей общины, включить, инкорпорировать ее в чужеродный ей организм рабовладельческого государства. Это *предполагало* различные формы международных отношений, посредством которых рабовладельческие государства решали проблему обеспечения себя рабочей силой. Основной формой международных отношений являлись войны, выражавшие собою не что иное, как внеэкономическое принуждение раба к труду, насильственную экспроприацию мелкого собственника и превращение его в раба. Отсюда необходимость, неизбежность самых активных международных контактов в античном мире. Античные международные отношения всегда несли в себе возможность перерастания в отношения **рабства**. Всякий античный народ рассматривал своих соседей как потенциальных рабов. Эллина и римляне считали варваров прирожденными рабами, о чем недвусмысленно писали Аристотель и ему подобные²⁰. В реальных отношениях

между античными народами постоянно проскальзывала тенденция к порабощению: например, отношения Афин к их союзникам в Афинской Архе V в. до н. э. Рим угнетал провинции рабскими методами. Любопытно, что в международных отношениях античной эпохи существовала своеобразная лестница статусов, подобная словесной лестнице внутри рабовладельческого государства. Юридического равенства народов в античном мире не было и быть не могло. Если и существовали зачатки равенства, то они были весьма неразвиты²¹.

Поскольку основное производственное отношение античных государств, покоившееся на экзогенном рабстве, выступало как международное отношение, то до известной степени «чисто внутреннего» в античных социальных организмах не существовало, равно как и «чисто международного». Следовательно, понятие «границы» для античного государства нельзя абсолютизировать. Точные границы античных государств, как правило, трудно определимы, и это объясняется тем, что зависимость тех или иных территорий падала при движении от ядра государства к периферии, постепенно сходя на нет. Столь тесное переплетение и взаимопереход «внешнего» и «внутреннего» являлись объективной предпосылкой широких завоеваний и создания эфемерных громадных империй в античную эпоху. Их громадность поражает воображение, но нельзя забывать, что они держались только на внеэкономическом (рабского типа!) принуждении провинций к существованию в единстве с центром²². Географически огромные, эти империи продолжали оставаться, по существу, лишь совокупностями разнородных, почти независимых друг от друга, автаркичных общностей. Вполне понятно, что эти конгломераты общностей рассматривали свое единство либо в зеркале господствующей личности (царя, деспота, тирана), либо господствующей группы (напр., афинского демоса). Подобно этому и христиане были «едины во Христе». Единство христиан есть единство чисто идеологическое, а единство народов в античном государстве было единством идеолого-политическим, с некоторыми зачатками экономических связей.

Все вышесказанное, конечно, не означает, что в международных отношениях античности все было зыбко

и неопределенно. Черты определенности международных систем, безусловно, существовали. Но это была **иная** определенность, чем в новое время; это была определенность, подчиненная **иным** законам.

Рассмотрим теперь случай, когда имеют место отношения между государствами античного и древневосточного типов. Здесь принципы международных отношений, свойственные двум формам рабовладельческого строя, должны были столкнуться и образовать нечто новое, как «равнодействующую» различных тенденций. Процесс *смены* древневосточной системы международных отношений античной системой был чрезвычайно сложен. Он породил такие состояния, когда *уже* не была возможна патриархальная межгосударственная изоляция, но *еще* не наступила всеобщая возможность экспансии и деструкции границ. Этот процесс имел свои приливы и отливы. Попытка широкой экспансии античного типа была предпринята еще греками эпохи колонизации, но создать международные отношения нового типа во всем тогдашнем «мире» греки не могли. Поэтому автаркия сохранилась, и конец V и IV в. до н. э. проходили под ее знаком. Новая попытка экспансии античного типа — походы македонских царей Филиппа и Александра. Их жажда завоеваний, дошедшая до идеи мирового господства, была не чем иным, как стремлением к возможно более полной ликвидации различий «внутреннего» и «внешнего». Но античный способ производства еще не был столь развит, чтобы такое радикальное состояние наступило. Поэтому автаркия была реставрирована: империя Александра распалась, едва родившись. «Восток» одержал победу над «Западом». Эллинизм III в. до н. э. — это конец длительного переходного периода международных отношений, когда совершенно ясно обозначается необходимость образования «мировой державы», в которой сливаются полностью «внутреннее» и «внешнее». Система государств III в. до н. э. одержима острейшим противоречием: с одной стороны, «Восток» продолжает одерживать победу над «Западом» в той мере, в какой усиливается автаркия, а с другой — «Запад» побеждает по мере усиления консолидации. Подобные тенденции отражаются в реальных отношениях восточных и западных государств эллинистического мира, ведут к постоянному

изменению соотношения сил, к колебаниям и качаниям, которым, казалось бы, нет конца. На самом деле, из множества таких колебаний рождается некая тенденция развития, обеспечивающая перевес «Западу», т. е. уже, в конечном итоге, Риму. Наступает эпоха полного господства античных рабовладельческих отношений и во «внутренней», и в «международной» сфере²³.

Для объяснения ситуации, сложившейся в международных отношениях древности вообще и III в. до н. э. в частности, необходимо учитывать, наряду с отмеченным выше, также следующие моменты. Система государств, поскольку она в древности существовала, не была изолированным или абсолютным бытием. Она всегда являлась составной частью (подсистемой) более сложной системы и могла, в свою очередь, состоять из собственных подсистем. В полном смысле этого слова, такого комплекса, как «всемирная система народов», в древности не существовало, а если он и существовал, то лишь как система, элементы которой связаны друг с другом естественными, а не социальными связями, т. е. посредством таких «естественных мостов», как океаны, пустыни и т. д. Это, скорее, отношения социальной изоляции, чем отношения связи. Они усугублялись отношениями самоизоляции, присущими таким примитивным общностям, как первобытные племена. Как бы то ни было, выделять понятие «всемирная система» применительно к древности можно лишь с очень большой условностью²⁴. Подчиненными этой системе подсистемами будут уже выступать некие «местные системы народов»: например, та или иная группа племен в определенном регионе или группа государств, поддерживающих между собой более прочные связи, чем с государствами или племенами других «местных систем». Наконец, «местную систему» можно тоже раздробить на подсистемы или на отдельные государства.

Развитие международных отношений — это не только развитие отношений между отдельными государствами, но и между системами государств. По необходимости, рабовладельческие общества объединялись в несколько «местных систем», консолидировавшихся вокруг местных центров. Например, независимо от Ближнего Востока и Европы развивалась международная система государств в древнем Китае, позднее — в цент-

ральной Америке²⁵. Но тенденция и здесь была вполне определенной — к упрочению связей между автономными системами вплоть до попыток объединения систем. Так произошло с двумя системами государств III в. до н. э.: Восточно-Средиземноморской и Западно-Средиземноморской. Сначала они развивались автономно, однако с конца III в. до н. э. слились в единую международную Средиземноморскую систему государств, ядром которой стал Рим.

Изучение автономии международных систем открывает и новую проблему: связи государств или систем государств могли быть не прямыми, а опосредованными. Каждое государство (и тем более племя) знало в основном своих соседей, с ними оно и поддерживало контакты. Но воздействуя на соседей, данная общность являлась как бы центром возбуждения некоторой волны, которая через соседей передавалась более отдаленным общностям, в том числе и тем, которых данная общность никогда не знала и с которыми не соприкасалась. Эта цепная реакция связей была весьма характерна для древнего мира. Она характеризует субъекты международного общения (государства древности) с объективной стороны и со стороны их активности относительно «внешней среды». Действуя на международной арене, государство (и его руководители) даже не подозревало о тех последствиях, которые его действия вызовут в отдаленных частях ойкумены. Тем более не могло оно подозревать об отдаленных последствиях действий каких-то неведомых народов для самого себя. Политика строилась на основе субъективных догадок, почиталась как деяние судьбы и была искусством, — хотя уже греческие философы и историки говорили о необходимости изучения политического опыта²⁶.

Одним из выражений автономии системы государств и цепной реакции действий государств этой системы является, в частности, международная система держав Восточного Средиземноморья в III в. до н. э. Наряду с государствами, определявшими судьбы тогдашнего «мира», было и множество мелких государств — полисов эллинистического типа. Ни один, даже самый гениальный политик не смог бы «проиграть» в своей голове всю сложную «игру» многочисленных борющихся в тогдашнем эллинистическом мире сил. Отсюда ясна

важность интуитивного постижения выбора, в рамках которого проходило принятие внешнеполитических решений. Особо важное значение приобретала единоличность принятия решения либо царем, либо лидером правящей верхушки греческого полиса. Поэтому политика персонафицируется, начинает совпадать со структурой правящей личности. Впрочем, обусловленность поведения такой личности многими факторами — тоже бесспорный для эпохи эллинизма факт.

Все, что выше было сказано о древних международных отношениях, позволяет лучше понять внешнюю политику древних государств и, в частности, малоизвестную внешнеполитическую историю III в. до н. э. История эллинизма началась завоеваниями Александра Македонского, вызвавшими к жизни центробежные процессы эпохи диадохов. Но с концом эпохи диадохов завершается важный процесс сложения эллинистических государств и начинается стадия классических международных отношений эллинизма.

ГЛАВА II

СРЕДСТВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

§ 1. Армия и флот

Внешняя политика любого государства невозможна без соответствующих средств и материальных предпосылок. В древнем мире, при господстве рабовладельческой формы производственных отношений, главным средством внешней политики была, несомненно, война, как открытое проявление насилия и порабощения. Армия в рабовладельческом мире имела специфическое, но вместе с тем выдающееся значение. Эллинизм в этом отношении не представляет какого-либо отклонения от общей закономерности древнего мира.

Источники сообщают немало сведений об армиях эллинистических государств. Солидный вклад в исследование этого вопроса внесли французский историк Лоней, английский античник Тарн, его соотечественник Гриффит и другие. В советской литературе вопросом об армиях античных народов занимается Л. П. Маринович¹. Но эллинистическим армиям специального исследования у нас пока не посвящено. Между тем эллинизм дал немало и в аспекте военной теории, и в конкретных проявлениях стратегии и тактики армии и флота.

В настоящей работе мы можем представить лишь краткий очерк об эллинистической армии III в. до н. э., оставив в стороне многие вопросы. Характеристика этого феномена должна начинаться, очевидно, с анализа численного состава, этнической и классовой принадлежности воинов различных государств. Древние авторы не часто дают статистику, и если приводят ее, то крайне недостоверно. В войсках Антигона Гоната, на-

пример, в первый год правления его в Македонии было некоторое количество галатских наемников, которое можно подсчитать из данных Полиэна, разделив общую сумму оплаты этим наемникам (тридцать талантов) на сумму оплаты каждому наемнику («один золотой» статер). Получается приблизительно 7500 человек². Тот факт, что у Антигона в те годы было еще не менее 2000 воинов, засвидетельствован и другим местом у Полиэна, где сообщается о наемном двухтысячном войске под руководством фокейца Аминия³. О наличии 4000 галатских наемников в войске Птолема II во время I Сирийской войны говорит Павсаний⁴. Для того времени относительно войны Антиоха I Сотера с галлами Лукиан свидетельствует об огромном по численности войске галлов, в котором было только конницы около 20 000 и пехоты «24 ряда». Сколько всего было галлов, Лукиан не сообщает; не говорит он, к сожалению, и о численности войска Антиоха⁵.

Наиболее детальная статистика войск для времени 70-х III в. до н. э. содержится в связи с описанием вторжения галатов в Грецию и Македонию. Павсаний называет такие числа: у галатов при вторжении в Грецию было 152 000 пехоты и 61 200 всадников. У греков было при Фермопилах 10 000 пехотинцев-гоплитов и 500 всадников из Беотии, 3000 пехотинцев и 500 всадников из Фокиды, 700 воинов-пехотинцев из Локриды, 400 гоплитов из Мегар; этолийского войска больше всех, но тут Павсаний точно дает только число тяжеловооруженных гоплитов из Этолии — 7000. Наконец, названо 500 всадников, 1000 пехотинцев из Афин, а также по 500 воинов от Антигона Гоната и Антиоха. Общую численность войска греков из этой статистики определить, конечно, невозможно, не говоря уже о крайне преувеличенных данных о войске галатов⁶. Другие античные авторы (Диодор, Юстин) приводят такие же преувеличенные числа армии галлов⁷.

Отрывочные сведения статистического характера можно получить из описания событий борьбы Пирра за господство в Греции. Плутарх, например, сообщает, что у Пирра при переходе в Пелопоннес было 25 000 пехотинцев, 2000 всадников и 24 слона. Этого войска было, якобы, достаточно, чтобы подчинить себе весь Пелопоннес⁸. И тут, вероятно, античный автор не оши-

баются: действительно, нормальная численность армий того времени, рассчитанных на большую войну, вряд ли была больше нескольких десятков тысяч человек. Не исключение в данном случае и те армии, о которых нам ничего не известно; мы, например, не знаем о численности состава армий эллинистических государств в Хремонидовой войне, III Сирийской войне, Деметриевой войне. Но вряд ли в этих войнах использовались войска более солидные, чем в Клеоменовой войне 20-х гг. III в. до н. э., о которой нам как раз хорошо известно от Полибия и Плутарха. В битве при Селласии Антигон Досон имел: в фаланге македонян — 10 000 воинов, пельтастов — 3000, конницы — 300, агрианов — 1000, галатов — 1000, наемников — 3000 пехоты и 3000 конницы, столько же ахеев пеших и конных, мегалапольцев — 1000, беотийцев — 2000 пехоты и 200 конницы, эпитронов — 1000 пехоты и 50 конницы, иллирийцев — 1600. Общая численность войска Антигона была около 30 000 человек⁹. Численный состав подразделений спартанского войска античные авторы не сообщают, говорится лишь, что в это войско входили лакедемоняне, союзники и наемники, и составляло оно 20 000 воинов¹⁰. Впрочем, Плутарх отмечает, что лакедемонян было 6000¹¹.

Некоторое представление о количественном составе и структуре египетского войска в конце 20-х — начале 10-х годов III в. до н. э. дает один подробный фрагмент Полибия, сообщающего о подготовке Птолемея IV к Четвертой Сирийской войне: «Еврилох из Магнесии был начальником трех тысяч воинов так называемого у царей агемата; под начальством беотийца Сократа находились пельтасты; ахеец Фоксид и сын Фрасея Птолемея, с ними Андромах из Асиенда обучали вместе фалангу и эллинских наемников. Начальниками фаланги были Андромах и Птолемей, а наемников — Фоксид, причем в фаланге числилось около 20 500 воинов, а наемников было до 8000. Придворную конницу в числе семисот, а равно конных воинов из Ливии и туземных обучал Поликрат; он же и командовал ими; число их доходило до трех тысяч. Фессалиец Эхекрат прекрасно обучил конных воинов из Эллады и все полчище наемной конницы числом до 2000 человек и во время войны оказал величайшие услуги. Но никто не обнаружил столько ревности в занятиях с подчиненными, как Кно-

пия из Алларии, под начальством кого были все кротяне, тысячи три человек; в числе их насчитывалась тысяча неокротян, командование коими он поручил Филону из Кносса. Три тысячи ливиян, во главе коих стоял баркиец Аммоий, они снабдили македонским вооружением. Войско египтян тысяч в двадцать человек подчинено было Сосибью. Далее, был отряд, составленный из фракиян и галатов, причем колонистов и потомков их было до четырех тысяч человек, а вновь набранных до двух тысяч человек; им командовал фракиец Дионисий»¹². Эти статистические материалы подтверждают, что даже египетская армия в численном отношении не превосходила сколько-нибудь значительно армий балканских государств. Вероятно, то же самое следует сказать и о селевкидской армии. Сравнивая армии крупнейших эллинистических государств, можно отметить, что они были крайне пестрыми по этническому составу и, помимо ополченческих отрядов, включали значительное количество наемников.

Социальная природа эллинистического наемничества принципиально была та же самая, что и наемничества эпохи кризиса греческих полисов вообще: обнищание и разорение мелких производителей, вынуждавшее их искать прибежища на регулярной военной службе за деньги. Марк указывал: «Денежное хозяйство было там (в Римской империи.— В. Ж.) вполне развито, собственно, только в армии, оно никогда не охватывало весь процесс труда в целом»¹³. Это замечание относится, конечно, не только к Риму, но и ко всей античной древности вообще и подтверждает, насколько большое место Марк отводил отношениям найма в армии. Действительно, при всей скудости источниковой базы по III в. до н. э. материалы источников поистине насыщены сведениями о наемниках в армии.

Для 70—20 гг. III в до н. э. особенно актуален был вопрос о галатских наемниках. Причины галатского наемничества нельзя объяснить только процессом разорения мелких производителей (т. е. галатских общинников). Большое значение в развитии этого наемничества имел интерес галатской знати к обогащению, реализовавшийся примерно такими же методами, какими впоследствии пользовались вожди германских племен на службе у римских императоров. О вторжении гала-

тов в эллинистический мир в нашей работе будет специально сказано. Здесь же необходимо сосредоточить внимание на одном из важнейших последствий этого события — на изменении характера эллинистических армий.

О боевых качествах галатов, как воинов, античные писатели сообщают кратко, но энергично. Вот, например, как пишет об этом Ливий: «Галлы... это дикое племя, обойдя с оружием в руках почти весь земной шар, выбрало себе место жительства среди самой кроткой породы людей. Их высокий рост, длинные и рыжие волосы, громадные щиты, весьма длинные мечи, кроме того, их пение при начале сражения, завывание и пляска, и страшный стук оружия, когда они по какому-то обычаю своих отцов ударяют в щиты,— все это рассчитано на то, чтобы внушить ужас... По опыту, уже известно, что если выдержать первый их (галлов) натиск, в котором они истрачивают вследствие своего пылкого характера и слепого гнева все свои силы, то их члены ослабевают от пота и усталости, их оружие колеблется»¹⁴. Элиан подтверждает сведения Ливия: «Кельты, говорят, самый отважный народ. Героями своих песен они делают доблестно павших на войне. На битву отправляются увенчанными, а одержав победу, водружают трофеи из честолюбия и для того, чтобы на греческий лад оставить потомству воспоминания о своей доблести. Бегство кельты считают таким позором, что не выходят из своих домов, даже если те рушатся, обваливаются или горят и сами они объаты пламенем. Многие из них выдерживают натиск бурного моря, а иные с оружием в руках бросаются против него и противостоят волнам, потрясая обнаженными мечами и копьями, словно могут устрашить или ранить их»¹⁵.

Даже те авторы, которые писали по источникам, враждебно настроенным в отношении галатов, все-таки признают отвагу и мужество этого племени. Например, Павсаний пишет: «Брени не был глуп и — для варвара — был искусен на выдумки всяких военных хитростей»¹⁶. Он же добавляет о поведении галатов в бою: «На врагов они кидались, охваченные слепой яростью и безрассудным гневом, как какие-то дикие звери. Даже изрубленных секирами или мечами, пока они не переставали дышать, не покидало это неистовство; поражен-

ные стрелами или дротиками, они не теряли своей смелости, пока жизнь не покидала их. А некоторые, вырвав из своих ран дротики, которыми они были ранены, кидали их в эллинов или пользовались ими как оружием для рукопашного боя»¹⁷.

Все перечисленные качества галатов были, конечно, продуктом пережитков первобытной сплоченности, общинно-коллективного героизма эпохи «военной демократии». Все эти качества народных масс умело использовали эллинистические правители, привлекая галатов в качестве наемников. Вместе с тем в источниках мы находим и характеристики галатской знати, ее вождей. Главным их качеством античные авторы считают алчность. Тот же Павсаний, отмечая побудительные мотивы похода галатов на Элладу, пишет: «Тогда Брени усиленно стал уговаривать и на общих собраниях всех галатов и каждого из их начальников в отдельности двинуться походом на Элладу, настойчиво указывая на слабость эллинов в данный момент, на то, что будто бы в общественных казначействах у них много сокровищ, а еще больше в храмах приношений и чеканного серебра и золота. Таким образом, он действительно убедил галатов двинуться на Элладу»¹⁸. Вероятно, и эти качества галатской знати использовали эллинистические цари, привлекая галатских вождей в качестве своих наемников.

Первым такой шаг, вероятно, совершил Никомед Вифинский. Он заключил с галатами договор, о котором мы будем говорить в одной из последующих глав. Одним из условий договора явилась помощь галатов Никомеду в разгроме мятежника Зипета. В результате, «он (Никомед) овладел страной и истребил ее жителей, а галаты разделили между собой остальную добычу»¹⁹. После Никомеда галатов стали привлекать в качестве наемников также и другие эллинистические цари. Широко пользовался услугами галатов Антигон Гонат. С их помощью он разбил в Македонии одного из своих соперников, претендента на македонский трон Антипатра²⁰; галаты были в войске Гоната, когда он вел борьбу с Пирром Эпирским²¹; галаты активно участвовали в войске Антигона Гоната во время Хремонидовой войны²². Наконец, и при пресмниках Гоната (в частности, при Антигоне Досоне) македонское войско включало

в себя галатские подразделения²³. Пирр Эпирский во время своей недолгой войны на Балканском полуострове после неудачного похода в Италию, успел включить в свое войско галлов²⁴. Даже у царей Востока появились галаты-наемники. О наличии таковых у Антиоха I косвенно свидетельствует эпиграмма в честь галата Брикко (подробности о ней дальше). Даже Птолемей II получил несколько тысяч галатов «в подарок» от Антигона Гоната и использовал их на военной службе²⁵. Митридат и Ариобарзан Каппадокийские также имели галлов-наемников, с помощью которых разбили в одном из сражений египтян²⁶.

Наряду с галатами были, конечно, и другие наемники. Например, в войске Антигона Гоната были фокейцы-наемники под предводительством Аминия²⁷. Спартацы часто предлагали свои услуги в качестве наемников. Их войска сражались на Крите²⁸, и даже помогали карфагенянам в I Пунической войне Карфагена с Римом²⁹. Вероятно, в качестве наемников фигурировали представители подавляющего большинства народов, поскольку наемничество имело социально-экономическую основу, общую для всего тогдашнего эллинистического мира. Отношения между наемниками и нанимателями — правителями эллинистических государств — были далеко не идиллические. Наемники часто поднимали восстания, выражали своей протест в самых различных формах. Главной причиной недовольства наемников было в большинстве случаев неисполнение эллинистическими правителями своих обещаний об оплате наемного «труда». Типичный и в то же время наиболее ранний пример такого рода возмущений наемников для периода эпигонов — это случай, происшедший с галлами и Антигоном Гонатом в 277/6 г. до н. э. Об этом случае рассказывает Полиэн: «Антигон, при назначении платы наемному войску галатов, находившемуся под предводительством Бидирия, обещал каждому воину по золотой македонской монете и в обеспечение этого жалованья дал заложников из благородных мужей и отроков. После того произошло сражение с Антипатром. По окончании его галаты потребовали обещанные им деньги, и Антигон удовлетворил каждого щитоносца условленную платою; но галаты этим не удовлетворились, требуя такую же награду

для безоружных жен и детей своих, кои, по их мнению, должны были воспользоваться правом на получение одинаковой награды. Сумма, которая причиталась одним только сражавшимся, заключалась в тридцати талантах, в сложении же с тою, которая требовалась для не участвовавших в сражении, простиралась до ста талантов. Антигон, видя, что галатское войско удаляется с угрозой, в случае отказа, предать заложников смерти, обещал ему выдать требуемые деньги, как скоро для получения их присланы будут поверенные. Галаты... послали от себя почетных мужей принять обещанную сумму. Антигон, задержав у себя послов, объявил, что он не прежде согласится отпустить их, как по возвращении его заложников. Галаты, для освобождения своих... принуждены были отправить обратно находившихся у них заложников и получили только тридцать талантов»³⁰. Таким образом, бунт был подавлен здесь путем примитивной хитрости Антигона Гоната. В другом случае репрессии Антигона Гоната в отношении возмущившихся галлов-наемников были гораздо суровее. Юстин с крайними преувеличениями сообщает об этом следующее: «В то время, когда Антигон был вынужден одновременно вести войну и с Птолемеем и со спартанцами (во время Хремонидовой войны.— В. Ж.) на него нахлынул еще новый враг — войско галло-греков. Оставив небольшой отряд в якобы укрепленном лагере для защиты от прочих врагов, он с главными силами выступил против галлов. А галлы, узнав об этом, стали тоже готовиться к сражению и заклали жертвы, чтобы получить знамения... Внутренности животных предрекли, что галлов ожидает великое избиение и всеобщая гибель, но это повергло их не в страх, а в ярость, и думая, что угрозу богов можно искупить убийством своих кровных, они убивают своих жен и детей, и тем самым осуществляют дурные предзнаменования, уничтожив своих близких... Итак, точно купив ценой преступления жизнь и победу, галлы, еще обогранные кровью только что убитых родичей, вступают в бой, исход которого оказался для них не лучше, чем предзнаменования... Галлы были изрублены все до одного»³¹. Свирепость расправы Антигона над галлами нельзя скрыть даже длинным сомнительным рассказом

о «нечестивом поведении» галлов в отношении их родичей.

В войске Птолемея II во время Первой Сирийской войны также имело место возмущение галатских наемников, стоившее им жизни: Птолемей, как сообщает Павсаний, «перевез их на пустынный остров на той стороне реки (Нила.— В. Ж.), где они и погибли, отчасти истребив друг друга, отчасти от голода»³². Есть в источниках и более устрашающая версия: Птолемей II попросту утопил всех мятежников в Ниле³³.

В государствах Греции мы находим ту же картину возмущений наемников. Полибий сообщает, что «ахеяне в Клеоменову войну заплатили не все жалованье наемным войскам»³⁴. Вероятно, это имело печальные последствия для ахеян. Точно также у Полибия говорится о наличии наемного войска галатов в эпирском городе Фенике и о предательстве жителей Феники галатами, уступившими город иллирийцам (ок. 230 г. до н. э.)³⁵. Наверняка и здесь шаг наемников был обусловлен проблемами «платежей». Наемников боялись. Даже могущественный приспешник Птолемея IV Сосибий больше всего «боялся иноземцев и наемников»³⁶. И в державе Селевкидов, видимо, не раз случались возмущения наемных отрядов. Так, например, в конце 20-х годов III в. до н. э. от Антиоха III отложились наемники-киррестяне «из-за недополученного жалованья». Они «подняли восстание... и довольно долгое время причиняли ему (Антиоху III) большие хлопоты. Наконец, одним из царских военачальников они были разбиты в сражении, причем большая часть была истреблена, остальные отдались на волю царя»³⁷.

В тех случаях, когда различные жестокие меры и репрессии в отношении наемников не помогали, эллинистические цари бывали вынуждены идти на некоторые уступки. До нас дошел интересный эпиграфический документ: договор пергамского правителя Эвмена с наемными воинами. Договор относится к 40-м годам III в. до н. э. и состоит из трех частей: условий договора, клятвы воинов, клятвы Эвмена. Приведем этот важный источник полностью:

«Требования, на какие согласился Эвмен... Для (наемных воинов...) платить (должны воины) за медимн хлеба 4 драхмы, за метрет вина 4 драхмы; год считать

в десять месяцев; вставного месяца не считать. Те, которые выслужили установленное число лет и стали свободны от службы, должны получить пенсию за проработанное ими время; ее должны получать ближайшие родственники или те, кому войны оставят. Войны, выслужившие пенсию, освобождаются от подати. Кто станет свободным от службы (по выслуге лет) или выпросит (освобождение от службы) должен быть отпущен и свободен от пошлин при вывозе своего имущества. Жалованье, которое Эвмен согласился уплатить за 4 месяца, уплатить по договору и не делать из этого жалованья вычетов.

(Клятва воинов): Закрываю мир в наилучшем разумении с Эвменом... и буду благомыслить ему и его владениям, не буду злоумышлять что-либо против Эвмена, ...не подниму оружия против него, не покину его, но буду сражаться за него и его интересы на жизнь и на смерть. Буду и во всем прочем служить Эвмену благомысленно и безоговорочно со всею ревностью по силе моей. Если узнаю, что кто-нибудь злоумышляет против Эвмена... или в чем-либо ином поступает против него или против его интересов, не допущу этого по силе моей и донесу тотчас или как только могу скорее на делающего что-либо такое Эвмену об этом. И если что получу от Эвмена, город или укрепление, или корабль, или ценность, или другое, что будет поручено, все это сохраню и возвращу правильно и справедливо Эвмену... или кому он прикажет, если он будет исполнять договор. Не возьму от неприятелей письма, не приму посла и сам не пошлю к ним; если же и принесет мне письмо, отнесу его запечатанным и принесшего приведу как можно скорее к Эвмену... или к тому, о ком знаю, что он скорее всего заявит...

(Клятва Эвмена): Я буду благомыслить Парамону и вождям (наемных воинов) и другим, стоящим на жалованье и находящимся в войске... и не бывшим на жалованье, но принявшим участие в мятеже, им и всем их родственникам... пока они будут в нашем войске, и не буду строить им ковы, ни я, ни другой кто по моему наущению. И не выдам неприятелю ни самих их, ...ни выборных (от наемных воинов) никаким способом, никаким домыслом. И не стану против них с оружием...»³⁸

Из этого текста следует, что договор Эвмена с на-

емниками был заключен после мятежа последних. Особо в договоре отмечены вопросы о жалованье наемников, о плате за хлеб и о пенсиях. Это, главным образом, те обязательства, которые берет на себя Эвмен. Он, кроме того, обязывается не наказывать участников мятежа. За все это наемники должны были соблюдать абсолютную преданность своему панимателю и даже обязались доносить Эвмену на всех врагов и злоумышленников. Видимо, только ценой подобных компромиссов эллинистическим царям удавалось стабилизировать положение в своих армиях и достигать внешнеполитических успехов. В противном случае недовольство наемников и других воинов могло иметь самые пагубные последствия для государства.

Теперь несколько слов о родах войск и о методах ведения войны в III в. до н. э. Нет необходимости говорить, что в этот период продолжала сохранять свое значение пехота — тяжеловооруженная, легковооруженная, а также конница. Но подлинно специфическое значение приобрел такой род войск как слоны. Наиболее широкое распространение слоны, конечно, получили в армиях восточно-эллинистических государств. Страбон сообщает, что в обмен на земли вдоль Инда Селевк I Никатор получил от Сандракотта, царя Индии, 500 слонов. В другом месте у того же Страбона сказано, что этих слонов Селевк содержал в Апамсе на Ороште; здесь находилась большая часть его войска, а также «военное управление и конский завод, где было более 30 000 царских кобылиц и 300 жеребцов. Здесь жили и объездчики лошадей; люди обучавшиеся обращению с тяжелым оружием, и все оплачиваемые учителя военного дела»³⁹. Страбон уверяет, что то же самое делали и «позднейшие цари», т. е. преемники Селевка I⁴⁰. Действительно, в 70-е годы III в. до н. э. в войске Антиоха I мы находим слонов. Вавилонская клинописная хроника указывает, что Антиох I для войны с Египтом получил из Бактрии 20 слонов⁴¹. Затем в битве с галатами Антиох использовал по совету родосца Теодота 16 слонов, которые так напугали галлов, что те в беспорядке побежали. Это позволило царю Азии одержать полную победу над варварами. Слоны в этой битве «двигались на подмогу...», «топча встречных, скидывая хоботами на воздух или хватая и распарывая

бивнями»⁴². В конце битвы Антиох якобы заплакал и сказал: «Да будет нам стыдно, воины: только этим шестнадцатипяти животным мы обязаны нашим спасением,— если бы невиданное зрелище не поразило врагов, что мы с вами могли бы против них сделать?» И потом, на победном памятнике, он велел вырезать «только изображение слона и ничего более»⁴³.

Вероятно, из Азии слоны попали в то же время и к царям Европы. Птолемей Керавн использовал в войске слонов⁴⁴. Антигон Гонат также еще накануне битвы при Лисимахии, а затем в первых сражениях с Пирром имел слонов⁴⁵. Любопытно, что Антигон, по словам Юстина, «приказал показать галльским послам слонов, чтобы испугать их непривычным для варваров видом этих животных»⁴⁶. Этот штрих живо напоминает о «слоновой победе» Антиоха. Слоны встречаются и у Пирра, но это были, вероятно, те самые слоны, которых Пирр отнял у Антигона в сражениях за Македонию⁴⁷.

Возможно, во время Хремонидовой войны Антигон Гонат еще содержал в войске слонов. Если относить к этой войне фрагмент Полиэна, рассказывающий курьезную историю о том, как грозные слоны испугались выбежавших на поле боя свиней,— то допустимо считать, что европейские государи имели слонов минимум до конца 60-х годов III в. до н. э.⁴⁸ Какова была дальнейшая судьба этих животных в битвах эллинистических государств III в. до н. э., не ясно. Мы можем только предполагать, что в Сирийских войнах Египта с Селевкидской державой также широко использовались слоны. Антиох III во всяком случае имел слонов в начале своего царствования, о чем свидетельствует Полибий⁴⁹.

В войнах III в. до н. э. использовался военный опыт прошлого. Вряд ли что-либо новое этот период дал тактике пехоты или конницы. Мы знаем в подробностях ход нескольких крупных сухопутных сражений этого времени (битву при Селласии, битву при Мантинее и др.), но все они проходили по «классическим» канонам греко-эллинистического военного искусства. Подробнее о ходе этих сражений и целых военных кампаний будет сказано ниже. Но может быть не «правильные» сражения были характерны для той эпохи, а военные хитрости, о которых мы знаем гораздо лучше, поскольку они инте-

ресовали самих античных авторов. В войнах III в. до н. э. полководцы, например, не гнушались самым примитивным вероломством. Так, Антигон Досон «подверг осаде этолийцев: мучимые голодом, они решили совершить вылазку и умереть вместе. Антигон открыл им дорогу для бегства и, сломив, таким образом, их наступательный порыв, настиг их сзади и перебил»⁵⁰. Не менее жестокой была и другая «военная хитрость», принадлежавшая эпирскому царю Александру: «Эпирот Александр, устроив засаду против иллирийцев, перерядил некоторых своих солдат в иллирийцев и приказал им опустошить свои (т. е. эпирские) области. Когда иллирийцы это увидели, они повсеместно предались грабежу тем беспечнее, что приняли шедших впереди за своих разведчиков. Последние умышленно завели их в трудно проходимые места, где они были разбиты и обращены в бегство»⁵¹. Ни следа древнего благородства или стремления вести «правильную войну» не видно в этих акциях. В обстановке сложной международной политической борьбы, которой характеризуется III в. до н. э., воспитывалась не столько героическая личность полководца, сколько фигура хитрого, тонкого, лицемерного, вероломного политика, который и в военной деятельности был способен на любые средства для достижения цели. Например, даже Антигон Гонат, который показывал себя приверженцем философии стоицизма и которого столь расхваливают за это буржуазные историки, не чуждался самых беспощадных способов военной борьбы. Именно он во время Хремонидовой войны заключил мир с Афинами, а затем вернулся в тот момент, когда «афиняне собирались убирать хлеб с полей, уничтожил все посеы и, замучив афинян голодом, взял город»⁵². Пирр, который в древности признавался «образцом» полководца и кое-кем ставился выше Александра Македонского, не уступал в вероломстве и применении «военных хитростей» другим эллинистическим царям III в. до н. э. Так, Полиэн сообщает, что «Пирр имел обыкновение перед началом войны склонять неприятельских воинов на свою сторону возбуждением в них страха, любостяжания, удовольствия, сожаления, чувства справедливости, законного права, пользы и другими подобными средствами»⁵³. А чего стоит такое наставление Пирра. «Не надо упорно наседа-ть на бе-

гущего неприятеля не только для того, чтобы он по необходимости не сопротивлялся жестоко, но и для того, чтобы и впоследствии он легче решился отступить, зная, что победители не будут преследовать бегущих до полного их уничтожения»⁵⁴.

Предсл и «идеал» подобного полководца и его искусства воплощен в ту эпоху в личности Арата, правителя Ахейского союза. Сами древние сомневались в его военных дарованиях. Действительно, даже Полибий, превозносящий Арата, своего соотечественника и единомышленника, пишет о нем следующее: «Арат во всех отношениях был совершенный государственный муж. Он умел держать речь, составить план и хранить в тайне принятое решение. Никто спокойнее его не умел переносить гражданские распри, привязывать к себе друзей, приобретать союзников; к тому же он был замечательно способен изобретать против неприятеля коварные способы действия, хитрости и козни и осуществлять их при помощи настойчивости и отваги. Очевидных доказательств этого очень много; из них наиболее убедительные известны каждому, кто знает в подробностях взятие Сикиона и Мантисеи, изгнание этолий из города пелленян, а в особенности образ действий Арата относительно Акрокоринфа. Зато этот самый человек всякий раз, когда решался овладеть открытым полем сражения, оказывался неизобретательным в планах, робким в нападении и неспособным глядеть прямо в лицо опасности»⁵⁵.

Древние писатели частенько посмеивались над полководческим «гением» правителей III в. до н. э. Смех явно звучит у великого сатирика Лукиана в вышеприведенном рассказе о «слоновой победе» Антиоха. Невольная ирония чувствуется и в следующей истории: «Этолиец Тимарх, убив командующего царя Птолемея, Хармада, надел по-македонски хламиду и шапку убитого, принятый поэтому по ошибке за Хармада, он был впущен в Самосскую гавань и захватил ее»⁵⁶.

Столь же издевательский характер носит и рассказ об отнятии Антигоном Гонатом Коринфа у Никеи, жены своего племянника⁵⁷, и упомянутый выше рассказ о свиньях, которые испугали слонов в сражении у Мегар и т. д.

Приведенные примеры вовсе не означают, что в

военной истории III в. до н. э. совершенно отсутствовал дух героизма. Мы увидим в дальнейшем великие народные подвиги греков в борьбе с варварами, смелые попытки реформировать войско спартанскими царями-реформаторами Агисом и Клеоменом, придать этому войску характер великой патриотической силы. В частности, «Клеомен, пополнив число граждан самыми достойными из периеков... создал четырехтысячный отряд тяжелой пехоты, научив этих воинов биться вместо копья сариссой, держа ее обеими руками и заменив съёмную рукоять щита ремнем, натянутым из края в край»⁵⁸. Клеомен стремился реформировать и дух своего войска: «Вообще среди всех греческих и царских войск спартанское было единственным, которое не вело и не везло с собою мимов, фокусников, плясуний и кифаристок, но было свободно от всякой разнузданности, шутовства и расточительства»⁵⁹. Основой подобных процессов в армии была социальная реформа в Спарте. В тех случаях, когда велась война освободительная, справедливая, мы и в III в. до н. э. наблюдаем проявление высокого народного героизма и стремления к подвигу. Но все-таки эти факты — исключение. Главным образом, войны III в. до н. э. — это войны захватнические, империалистские (по терминологии В. И. Ленина)⁶⁰. Потому и методы ведения этих войн во многом определялись их содержанием, в конечном счете, интересами рабовладельческой олигархии.

История военного дела в III в. до н. э. была бы неполной, если бы мы не коснулись специфики морской войны и военного флота.

Флот крупнейших эллинистических государств представлял собой весьма внушительное явление военной истории. Яркое описание флота Египта в III в. до н. э. содержится у Афиней: «Филадельф многих царей превосходил своим богатством, во всех своих сооружениях проявлял особенную ревность. Он превосходил всех и числом своих судов. Самыми большими судами были у него два тринадцативесельных, два двенадцативесельных, четырнадцать одиннадцативесельных, 30 девятивесельных, 36 семивесельных, 5 шестивесельных, 17 пятивесельных, а начиная с четырехвесельных до полутриер вдвое больше. Судов, посылаемых на острова и в города, ему подвластные, а также в Ливию, у него было

более 4000... Филопатор, как рассказывает Калликсен... построил тессараконтеру (сорокавесельный корабль) длиной в 280 футов, шириной от борта к борту 38, а в высоту до вышки на носу 48 футов, от вымпела на корме до подводной части — 53 фута. Корабль имел четыре руля в тридцать футов каждый, а самые большие весла верхнего яруса — в 38 футов; весла эти, благодаря налитому в их рукоятки свинцу, были особенно тяжелы в той части, которая находится внутри корабля, но зато очень легки для действия на уключинах. Корабль имел два носа и две кормы, а таранов у него было семь — из них один впереди, другие немного отступя, а несколько у носовых брусьев. Обручей корабль брал 12, и каждый был в 600 локтей. Соразмерность была доведена до высших пределов... Многообразна была и оснастка корабля. Она пополняла отдельные части корабля в случае недостатка. На маневрах Птолемей уместил более 4000 гребцов, для служебных целей 400, экипажа на палубе 2850, да кроме того под скамьями гребцов помещалось еще множество народу и немалое количество провианта. Корабль был спущен в воду первоначально с особого катка, сложенного, как говорят, из леса, которого хватило бы на сооружение 50 пентер (пятивесельных кораблей)...»⁶¹. Этот подробный рассказ приведен нами для того, чтобы показать, что сами древние придавали немалое значение кораблестроительной технике Египта — страны, которая долгое время господствовала в Эгейском море. Сведения Афиней подтверждаются и Феокритом, который в 17-й идиллии пишет: «Для него (Птолемея II) через пучину морскую лучшие в мире плывут корабли»⁶². В распоряжении Птолемея II были также триеры, посланные под командованием Патрокла против македонского царя Антигона Гоната в Грецию во время Хремонидовой войны⁶³.

О флотах других государств известно меньше, чем о египетском флоте. Вероятно, немалое количество кораблей имел Птолемей Керавн, будучи правителем Македонии. В морской битве против Антигона Гоната Птолемей Керавн использовал, по свидетельству Мемнона, корабли Лисимаха. Поскольку Мемнон излагает историю Гераклеи, то он обращает внимание на гераклейские корабли: «Среди них (кораблей Птолемея Керавна) были, между прочим, и присланные из Гераклеи —

и гексеры, и пентеры, и невооруженные. Была и одна октера, называвшаяся леонтофорой и приводившая в изумление величиной и красотой. На ней в каждом ряду гресли по сто человек, так что на каждой стороне было по восьмисот человек, а на обоих тысяча шестьсот. На палубе же находились тысячи двести воинов и двое кормчих. Когда произошло столкновение, Птолмей одержал верх и обратил в бегство флот Антигона, причем мужественнее других сражались корабли, которые были из Гераклеотиды; из самых гераклейских кораблей первенство получила октера-леонтофора»⁶⁴. Длинные (босвые) корабли и грузовые суда для перевозки лошадей и тяжеловооруженных воинов имел в своем флоте Пирр⁶⁵.

Очень сложен, но вместе с тем крайне важен вопрос о флоте Антигона Гоната во времена его царствования в Македонии. О наличии флота у Антигона свидетельствует не только приведенный выше отрывок, но и рассказ Юстина о событиях накануне сражения Антигона с галлами при Лисимахии: Антигон показал галльским послам в числе прочих богатств «корабли с посаженными на них солдатами»⁶⁶. Флот у Антигона, вероятно, возрастал и численно, и качественно. Ко времени Хремонидовой войны у Антигона была достаточная морская мощь, чтобы блокировать с моря берега Аттики и не допустить высадки крупного египетского десанта⁶⁷. К концу 60-х годов III в. до н. э. и в последующее десятилетие Македония усилилась на море и могла померяться силами с Египтом в борьбе за морское господство. О состоянии флота Антигона Гоната в это время известно немного. Из различных источников, относящихся ко времени так называемых битв Андроса и Коса, ясно, что, Антигон имел намного меньше кораблей, чем египетские навархи⁶⁸. Состав флота Антигона в этот период не ясен. В одном фрагменте Афиней говорится о какой-то триере Антигона, которая, вероятно, участвовала в морском сражении и которую Антигон пожертвовал богу Аполлону⁶⁹.

О наличии кораблей у царя державы Селевкидов свидетельствует Мемнон. Во флоте Никомеда опять-таки Мемнон упоминает 13 гераклейских триер. Ничего существенного о флоте Антиоха I, впрочем, Мемнон не говорит⁷⁰. Следует предположить, что государство Се-

левкидов вообще не имело серьезных военно-морских сил в Эгейском бассейне, хотя, как мы далее увидим, наличие таких сил в 50—40-е годы III в. до н. э. нельзя исключить.

Вероятно, уже в исследуемый нами период начинается морское могущество Родоса. Родосцы ведут войну против египетского влияния в Эгейском море и во главе с навархом Агафостратом одерживают морскую победу над египетским флотом при Эфесе. Эфесское сражение — одно из немногих морских сражений, ход которых нам известен: «Родосцы, воевавшие с царем Птолемеем, стояли при Эфесе. Хремонид, начальник Птолемея флота, выступил с этим флотом в намерении дать сражение. Агафострат поставил свои корабли в боевой строй; но по сближении неприятеля повернул корабли назад; спустя же несколько времени возвратился на прежнее место. Неприятель, полагая, что Агафострат не решается вступить в бой, удалился с радостными и громкими песнями в гавань. Тогда Агафострат, сосредоточив корабли свои и двинувшись вслед за противниками, подплыл к ним с двух сторон в то время, как они выходили на берег у храма Афродиты, напал на них вовсе неожиданно и одержал победу»⁷¹. Родосцы, вероятно, весьма заботились об укреплении своего флота, имевшего для них не только военное, но и жизненно важное торговое значение. После землетрясения 20-х годов III в. до н. э. родосцы получили от египетского царя Птолемея III помощь, в частности — «строительного леса на десять пятипалубных и на столько же трехпалубных судов, именно, сорок тысяч обыкновенных локтей четырехгранных сосновых брусьев... три тысячи талантов пакли, три тысячи парусов»⁷². Тысячу талантов смолы и тысячу метретов смолы в сыром виде подарил Родосу Антигон Досон, царь Македонии, несомненно, также для восстановления родосского флота⁷³. Даже Селевк, царь Азии, дал родосцам девять тысяч локтей лесу, по тысяче талантов смолы и волоса и вдобавок десять оснащенных кораблей⁷⁴.

О морских силах греческих полисов и союзов в III в. до н. э. известны, к сожалению, только отрывочные данные. Павсаний, например, утверждает, что в борьбе с галатами афиняне участвовали не только как сухопутные бойцы. У них были триеры, «все, какие только могли

плавать», и с этих триер афиняне поражали галатов с моря стрелами, подвинувшись возможно ближе к месту битвы в Фермопильском ущелье⁷⁵. Флот был также у Этолийского союза. О «подвигах» одного этолийского авантюриста-корсара повествует «стратегема» Полиэна: «Тимарх Этолийский, высадив войско в одну многолюдную азиатскую страну, сжег корабли свои, с той целью, чтобы воины его, из страха к многочисленности неприятеля, не уклонялись от боя»⁷⁶. Ахейский союз, разумеется, располагал достаточно могущественным флотом. Впрочем, мы не имеем сведений об успешных акциях этого флота; напротив, Полибий сообщает один любопытный эпизод из войны этолийцев и ахейцев в 30-е годы III в. до н. э. против иллирийцев и акарнанцев, и из этого эпизода следует, что ахейцы потерпели весьма досадное морское поражение от иллирийских «варваров». Небесполезно процитировать рассказ об этой морской битве, так как в ней иллирийцы применили в некоторой степени тактическую новинку: «Ахеяне и этоляне... сообща вооружили команду десять палубных кораблей ахейян, в несколько дней оснастили их и направились к Керкире... В силу союза иллирияне получили в подкрепление от акарнанов семь палубных кораблей, вышли против неприятеля в открытое море и у так называемых Паксов сразились с ахейцами. Корабли акарнанов и выстроившиеся против них ахейские сражались с равным счастьем и в стычках не терпели повреждений, хотя среди воинов и были ранены. Иллирияне связали свои суда по четыре вместе и так шли на неприятеля. Не заботясь о целостности собственных судов и подставляя бока их под неприятельские удары, они тем самым помогали нападающим; зато ахейские суда, причинивши повреждения иллирийским, зацеплялись за них, теряли способность к движениям, потому что сопряженные вместе иллирийские лодки повисали на носках их. Тогда иллирийцы проскакивали на палубы неприятельских кораблей и, благодаря численному превосходству, одолевали ахейян. Так они завладели четырьмя четырехпалубными судами и затопили со всюю командой один палубный корабль, тот самый, на котором находился каринец Марг... Что касается ахейян, сражавшихся с акарнанами, то, заметивши по-

беду иллирян, они с попутным ветром благополучно возвратились на Родину»⁷⁷.

Наличие армии и флота в распоряжении эллинистических государств давало в их руки важное орудие решения международных споров, а главное — средство функционирования самого рабовладельческого общества. Вооруженные силы эллинистических государств являлись важнейшей частью социального организма, поскольку обеспечивали рост основной рабочей силы — рабов.

Но не только с помощью армии эллинистический мир осуществлял свое международно-политическое развитие. Интересам внешней политики господствующих классов служили также дипломатия, международное право.

§ 2. Дипломатия. Элементы международного права

Дипломатия в эпоху эллинизма существенно изменила свой характер в сравнении с дипломатией классической Греции. Изменились сами задачи дипломатии: она стала служить не широким слоям демоса, а сравнительно узкой прослойке господствующего класса, богатейшим рабовладельцам. В связи с этим должны были трансформироваться методы и формы дипломатии.

Произошли перемены в кадрах дипломатических деятелей. Ведущими представителями этой деятельности становятся цари. Эллинистические цари принимали иностранных послов, вели переговоры, дипломатическую переписку, отправляли своих собственных послов в иностранные государства.

Облик Селевка Никатора как дипломата в последние годы его царствования достаточно ясно охарактеризован у Мемнона. Когда к Селевку пришли послы Гераклеи, «Селевк поносил грозными речами... и устрашал их. Однако один из послов — Хамайлеонт, ничуть не испугавшись угроз, сказал: «Селевк, Геракли сильнее». Однако Селевк не понял этой речи, так как был в гневе, и отвернулся. Послам же казалось, что им не суждено ни возвратиться домой, ни получить там награды за труды»⁷⁸. Проявления грубости, открытой неприязни к противнику были порой свойственны и Пирру-дипломату. Так, Пирр накануне битвы с Антигоном в Аргосе «послал к Антигону вестника, называя царя погубителем

и приглашая сойти на равнину, чтобы сразиться за власть»⁷⁹. Даже Арат и Клеомен Спартанский не чуждались грубости в дипломатии. На ультиматум Арата о том, чтобы Клеомен явился на переговоры один, спартанский царь отвечал, что «это наглое издевательство над ним, и повернул обратно, написав ахейцам письмо, полное нападок на Арата и обвинений против него. Арат, в свою очередь, писал письма, направленные против Клеомена. Они хулили и поносили друг друга с такой яростью, что замаранными оказались даже брак и супруги обоих противников»⁸⁰.

Но все же основное направление эпохи было таково, что она скорее порождала, как отмечено выше, хитрых и лицемерных политиков, нежели «грубо-героических» личностей. Выработались специфические черты дипломатического этикета — среды, в которой протекали переговоры и другие дипломатические акции. Интересное наблюдение о дипломатической деятельности Антигона Гоната приводит Полиэн: «При переговорах с послами Антигон предварительно осведомлялся из записок своих, кто из них и для чего был прежде к нему посылаем. На совещаниях же с ними упоминал о предметах прежних разговоров каждого, и тем заставлял их думать, что он одарен превосходной памятью»⁸¹. Такие приемы, несомненно, служили и целям Антигона в ходе борьбы на переговорах.

Чрезвычайно большое значение на переговорах придавалось красноречию, знанию искусства, широте познаний. Бывало и так, что от этих обстоятельств целиком зависел исход переговоров. Секст Эмпирик приводит рассказ о том, как египетский дипломат Сострат, посланный Птолемеем к Антигону (может быть, Гонату), не мог добиться благоприятных результатов. И тогда льстивый хитрец обратился к Антигону с цитатой из Гомера:

«Сей ли ответ от тебя, колебатель земли черновласый, Зевсу должна я поведать, ответ и суровый, и страшный?»

Или, быть может, смягчишь ты? Смягчimy сердца благородных».

После этого Антигон изменил свою позицию на переговорах⁸².

Столь же большое значение придавалось красноре-

чию и в случае, описанном Авлом Геллием: «Подобное же тройное различие было отмечено в трех философах, посланных от афинян в Рим к сенату и римскому народу для испрошения уменьшения штрафа, который они наложили на них за разорение Оропа... Эти философы были Карнеад из Академии, Диоген Стоик, Критолай Перипатетик... Тогда, говорят Рутилий и Полибий, удивительно было особое красноречие каждого из трех философов. Они говорят, что Карнеад говорил порывисто и быстро. Критолай искусно и обстоятельно, Диоген умеренно и скромно»⁸³. Чрезвычайно искусно пользовался своей образованностью на переговорах Арат Сикнионский. Он регулярно посылал египетскому царю Птолемею II произведения греческого искусства, а когда сам прибыл в Египет на переговоры с Птолемеем II, то просто-напросто обольстил последнего своей любовью к искусству, за что получил подарки в большой сумме денег⁸⁴. Даже грубый «солдатский» царь Пирр с целью обмануть спартанцев, с которыми собирался воевать, использовал в качестве дипломатического приема свое знание спартанских обычаев и обещал послать своих детей на воспитание в Спарту⁸⁵.

Одной из важных черт дипломатического этикета была почти изысканная вежливость дипломатов. Здесь можно привести немало примеров. Обычаем было давать пиры в честь иностранных послов, обмениваться подарками. Так, римские послы, прибывшие в Египет около 212 г. до н. э., «поднесли царю в дар пурпурную тогу и тунику и кресло из слоновой кости, а царице — изящно расшитое платье и пурпурный плащ»⁸⁶. Другие римские послы привезли из Египта также большие дары, но не оставили их себе, а отдали в римскую казну⁸⁷.

Особо утонченным дипломатическим лицемерием, по видимому, отличался Антигон Досон. Когда началась совместная война Досона с Аратом против Клеомена, Досон «Арату уже при первой встрече оказал необычайные почести, а впоследствии, узнав его ум и нравственные достоинства, приблизил к себе на правах друга... Впоследствии Антигон, по случаю больших военных успехов, устроил многолюдный пир в Коринфе и отвел Арату место за столом выше собственного: вскоре после начала пира он распорядился принести покрывало и спросил Арата, не холодно ли ему. Арат отвечал, что

ужасно озяб, и тогда царь велел ему придвинуться поближе, и рабы накрыли обоих одним ковром»⁸⁸.

О том, насколько важны были внешние атрибуты дипломатической деятельности, демонстрирует пример Клеомена, который часто отступал от строгого ликургова аскетизма, когда речь шла о приеме иностранных послов. Вот что рассказывает о дипломатии Клеомена Плутарх: «Обыкновенный, повседневный обед (царю) подавался на столе с тремя ложами, трапеза бывала совсем скудной и чисто лаконской. Если же царь принимал у себя послов или чужеземных гостей, ставили еще два ложа, и слуги несколько украшали обед, но не какими-нибудь изысканными блюдами и не пшенками, а просто сравнительным обилием еды и питья. Клеомен даже выговаривал как-то одному из друзей; когда услышал, что тот, угощая чужеземцев, предложил им черной похлебки и ячменных лепешек, как на спартанских общих трапезах: в подобных случаях, сказал он, да еще с иноземцами, нет никакой нужды слишком строго держаться лаконских нравов. Когда стол убрали, приносили треножник с медным кратером, полным вина, два серебряных ковша вместимостью по две котилы и несколько — совсем немного — серебряных чаш, из которых пил всякий, кто хотел, но вопреки желанию пить никого не принуждали. Никаких услаждений для слуха не было, да и не требовалось. Царь сам направлял беседу и занимал гостей за вином, то расспрашивая других, то что-нибудь рассказывая сам, и серьезные его речи были не лишены приятности, а шутки отличались мягкостью и тонкостью»⁸⁹. Эта картина, хотя ес Плутарх изображает как отклонение от общего правила дипломатического этикета, все же представляет до известной степени модель этого самого этикета III в. до н. э. Даже в отношении к варварам эллинистические цари стремились соблюдать принципы дипломатической вежливости, неприкосновенности послов и т. д. Вспомним снова «прием» Антигоном галатских дипломатов накануне битвы при Лисимахии: здесь и «невероятно пышный пир», данный в честь послов, и нарочитая демонстрация богатств лагеря Антигона и прочие аналогичные атрибуты. Несмотря на казалось бы второстепенный характер всего этого, дипломаты III в. до н. э. никогда не обходились без подобных условностей, видя

в них важное средство достижения успеха на поприще политической борьбы.

Помимо царей, дипломатические функции, как мы видели выше, исполняли и специальные лица из господствующего класса. Вероятно, их все же нельзя считать профессиональными дипломатами. Названные выше персоны были людьми широкой образованности и довольно разнообразной деятельности: Сострат — это, возможно, знаменитый архитектор Фаросского маяка, другие дипломаты — философы. Источники сообщают также случай, когда посольство возглавил историк⁹⁰. Все эти факты свидетельствуют о том, что не было еще сложившейся науки о дипломатии, обучения дипломатии. Очевидно, редкими были и длительные посольства, разве что в отдаленные страны (такие, как Индия).

Скорее всего дипломаты, посланные царями в другие страны, обязаны были затем отчитываться перед царями. Так, посол Пирра Киней, вернувшись с переговоров, которые он вел в Риме, дал эпирскому царю характеристику благородства римлян: «Весь город состоит из полководцев». Когда Пирр удивился, то Киней, поправляя себя, сказал: «Скорее из царей, чем из полководцев»⁹¹.

Какие документы имели при себе дипломаты, мы из источников, к сожалению, не знаем. Остается не вполне ясным и то, какие средства использовались для «финансирования» дипломатических поездок. Но, вероятно, это были средства царской казны.

Формальности дипломатической деятельности станут яснее, если мы отметим, что дипломаты нередко выступали в роли разведчиков в чужих государствах. Ливий, например, сообщает, что Антипатр, правитель Геллеспонта, послал в стан галатов посольство, которое вело «не столько переговоры, сколько шпионаж»⁹². В сущности эту же роль сыграли и послы галлов, побывавшие в лагере Антигона накануне битвы при Лисимахии⁹³. Таких ситуаций было, конечно, великое множество.

Злоупотребления, связанные с дипломатией, иногда вели к нарушениям неприкосновенности послов. Но еще большим злом было развитие тайной дипломатии, обусловленное монархическим характером государственных систем, общей психологической атмосферой придворных интриг, династических заговоров и т. д. Тот

же Киней, бывший не только дипломатом, но и врачом Пирра, «написал тайное письмо римскому сенату, в котором предлагал за вознаграждение отравить царя (Пирра)»⁹⁴. Так сообщает Элиан. Достоверность этого факта вызывает сомнение, но показательно в данном случае могущество тайной дипломатии. Не менее поразительна роль тайной переписки и в одном эпизоде, относящемся на этот раз к самому Пирру: «Когда он (Пирр) по возвращении из Сицилии был разбит, он прежде всего разослал письма по всей Азии и, в частности, к Антигону, у одних из царей прося войска, у других денег, у Антигона же прося и того, и другого. Когда послы вернулись, как только ему были переданы письма, он собрал вместе главнейших лиц из эпиротов и тарентинцев, но *не прочел им тех писем* (курсив наш — В. Ж.), которые он получил, а сказал, что скоро придут вспомогательные отряды»⁹⁵. Тайный характер переписки позволил, таким образом, Пирру обмануть даже своих приближенных, не говоря уже о союзниках.

Впрочем, наряду с тайной перепиской большую роль в III в. до н. э. занимала и открытая переписка. Она являлась в ряде случаев одним из сильных дипломатических средств, особенно когда дело касалось отношений эллинистических царей с теми или иными городами. Ярким примером такой лицемерной дипломатии, сопровождавшейся обещанием «автономии» и прочих благ городам, является письмо Селевка II в Милет, письмо Зеила, царя Вифинии, на Кос и другие документы III в. до н. э.⁹⁶ В ряде случаев, однако, письма такого рода содержали угрозы, ультиматумы и категорические предписания. Таково, например, письмо начальника македонского гарнизона в Афинах Диогена коринфянам с требованием отдать город под власть Македонии⁹⁷.

Главным результатом разнообразных дипломатических акций — переговоров, переписки, заявлений, ультиматумов — были чаще всего те или иные договоры (если, конечно, дипломатическая акция оканчивалась успехом). Точная классификация договоров III в. до н. э. пока вряд ли возможна, поскольку текстов этих договоров и даже сведений с них известно очень мало.

Наиболее распространены были, очевидно, союзные договоры. Таков, например, союз Никомеда Вифинского с Гераклеей, основанный на том, что Гераклея должна

была выступить против Антиоха, и за это Никомед обещал отплатить гераклеяцам помощью в подобных же обстоятельствах⁹⁸.

Аналогичен и союз Египта с Римом в I Сирийскую войну, о чем свидетельствует Евтропий⁹⁹. Сходную основу имел и союз ахейцев и этолийцев в Деметриевой войне, о котором говорит Плутарх¹⁰⁰. Один из текстов подобного договора о союзе (с галатами) дошел до нас в изложении Мемнона. Условия договора были следующие: «Никомеду и его потомкам всегда быть дружески расположенным к варварам, а без воли Никомеда никто из них не должен вступать в союз с кем бы то ни было, кто пошлет к ним послов, но быть друзьями его... и врагами его недругам; быть в союзе с византийцами, если в этом окажется необходимость, а также с тианийцами, гераклеотами, калхедонцами, киерянами и некоторыми другими, которые управляют какими-либо народами»¹⁰¹. Подобные союзы носили кратковременный, чисто военный характер. Ярким образцом договоров о таком союзе является текст союзного договора Афин и пелопоннесцев накануне Хремонидовой войны. Этот договор дошел до нас «в подлиннике». Он представляет собой типичную афинскую надпись и состоит из трех частей. В преамбуле даются хронологические сведения заключения договора. В основной части сообщается об условиях, обстоятельствах и причинах заключения многостороннего военного союза Афин, Спарты, ряда пелопоннесских государств, а также Египта. В заключительной части отмечается: «Утвержден на вечное время тот (договор), который принесли послы; и пусть секретарь пританеи напишет этот договор на медной доске и т. д.»¹⁰² Подробнее содержание этого интереснейшего документа будет изложено в одной из следующих глав нашей книги.

В отдельных случаях союзные договоры выходили за рамки чисто военных обязательств и приводили к столь тесным контактам союзников, что такие союзы можно рассматривать как нечто единое, как союзное государство. Таков, например, объективный результат «клятвенного договора, заключенного при посредстве Антигона (Досона) между ахейцами, эпирянами, фокидянами, акарнанами, македонянами, беотянами и фессалийцами...»¹⁰³ Союзные договоры «более тесные» и

«менее тесные» принципиально не отличались друг от друга, так как в древности не было и быть не могло принципиальных отличий «внутреннего» от «внешнего», «международного».

Непосредственно ближайшими по типу к союзным договорам были мирные договоры. К сожалению, о них мы имеем только упоминания в источниках. Тексты таких договоров отсутствуют. Между тем, мирные договоры занимали, конечно, большое место как относительный итог тех многочисленных войн, которые пылали в III в. до н. э. Интересно отметить, что мирные договоры иногда заключались в присутствии посредников. Например, гераклесы пытались быть посредниками между враждовавшими византийцами и калатианами, Птолемей Филадельф пытался посредничать между римлянами и карфагенянами в Первой Пунической войне¹⁰⁴. Впрочем, надо сказать, что ни то, ни другое посредничество не были успешны.

О конкретных случаях мирных договоров мы будем говорить по ходу анализа политической истории III в. до н. э. Здесь же отметим только один момент: в III в. до н. э. мирные договоры, кажется, столь же часто нарушались, как и заключались. В качестве великих достоинств пергамского царя Атгала названа «верность союзникам»¹⁰⁵. Очевидно, вероломные нарушения мира и союза были рядовым явлением. Действительно, мирный договор с Антигоном нарушил Клеомен Спартанский, предприняв Клеоменову войну; Антиох Сотер нарушил договоры с Египтом, начав I Сирийскую войну; Пирр именем Зевса клялся в дружбе со Спартой и легко нарушил эту клятву, начав военные действия против Спарты¹⁰⁶. Такие случаи можно было бы легко умножить. В сущности, «мир» всякий раз означал зародыш новой войны и в силу своей кратковременности мало отличался от простого «перемирия». Казалось бы, ничего прочного, ничего устойчивого не было в сфере политики и дипломатии III в. до н. э. Но в этом хаосе пробивала себе дорогу историческая необходимость, которую нам предстоит уяснить в дальнейшем, хотя бы в общих чертах.

Последний вид дипломатических договоров (наряду с мирными, союзными) можно было бы назвать «экономическими договорами», отчетливо сознавая, что этот

термин охватит довольно разнообразный спектр договоров. К числу таких можно отнести договоры Византии с соседними городами по поводу денежной помощи в интересах войны¹⁰⁷. Любопытнейший документ представляет из себя одна надпись 80-х годов III в. до н. э., в которой содержится, в частности, следующее: «...Зенон, будучи оставлен незиярхом Бакхоном, когда явились к нему послы, отправленные для переговоров о рабах, убежавших с Иоса на беспалубные суда, созвав триерархов и разобрав дело, вернул рабов...»¹⁰⁸. В истории древней дипломатии это довольно редкий известный нам случай, когда она столь непосредственно служит классовым интересам рабовладельцев. Экономическое по преимуществу содержание имел и договор Гортины с Кавдом (двух критских городов) и переговоры потерпевшего землетрясение Родоса с государствами эллинистического мира¹⁰⁹.

Рассмотрев структуру эллинистической дипломатии в III в. до н. э., мы можем убедиться, что она имела много специфического, много патриархального. Вместе с тем она представляет собою уровень более высокий, чем дипломатия классической Греции и Древнего Востока. Опыт эллинистической дипломатии во многом явился реальной основой всего последующего развития европейской дипломатии¹¹⁰.

Сложное обстоит дело с оценкой эллинистического «международного права». Само это понятие в эллинистической культуре не выработалось, но некоторые принципы международного права существовали. Эти принципы были достаточно устойчивы, и всякое их нарушение вело к международным осложнениям. Вот, например, характерный случай проявления международного территориального права. Когда римляне воевали с царем Антиохом III, этот царь предъявил свои территориальные претензии, апеллируя к исторической традиции. Посол Антиоха к римлянам сказал: «Это возмутительно даже слышать, чтобы Антиох отстранен был от городов Фракии и Херсонеса, которые его прадед Селевк приобрел с величайшей славой, победив на войне и убив в битве царя Лисимаха, и оставил ему в наследство»¹¹. Территориальные права на Македонию тот же самый Селевк Никатор отстаивал если не по наследственным соображениям, то по «нравственным»: «Благодаря своим успе-

хам против Лисимаха Селевк стремился перейти в Македонию, тоскуя по родине, откуда выступил в поход с Александром, и, думая, будучи уже стар, провести там остаток жизни»¹¹².

Нормы международного частного права были в эпоху эллинизма уже весьма сложными. Достаточно вспомнить, например, такой институт, как проксения. Сохранилось очень большое количество эллинистических «проксенических» декретов, особенно из Дельф, Делоса, Афин, а также из других городов. Некоторые права проксенов того времени отмечены, например, в декрете Делоса в честь некоего Гегесистрата: «Так как Гегесистрат, проксен и благодетель города, желает, пользуясь дарованными ему делосцами привилегиями, стать собственником на Делосе и на Ренее, народное собрание постановило: все имущество, какое Гегесистрат приобретет на Делосе или на Ренее, или ввезет туда с собою, не может быть захвачено никем из частных лиц, заключивших или имеющих заключить договор с городом, за исключением тех случаев, если кто-нибудь заключит специальный договор с Гегесистратом»¹¹³. В источниках имеются также сведения о том, что Арат жил в Аргосе у своих проксенов¹¹⁴. Арата связывали также своеобразные «проксенические» отношения с царем Птолемеем II¹¹⁵.

К сфере частного права можно было бы отнести и вопросы о неприкосновенности участников международных игр и состязаний. Такая неприкосновенность в эпоху эллинизма продолжала существовать, но известны и факты ее нарушения. Например, когда Арат присоединил к Ахейскому союзу город Клеоны, он устроил там Немейские игры; его соперник, тиран Аристипп Аргосский, тогда же справил подобные игры в Аргосе, которые Арат считал «незаконными». И тогда «впервые была нарушена дарованная участникам состязаний неприкосновенность, ибо всех, кто был задержан в ахейских владениях на возвратном пути из Аргоса, ахейцы рассматривали как врагов и продавали в рабство»¹¹⁶.

Значительное место в международно-правовых отношениях III в. до н. э. уделялось обмену военнопленными, выдаче останков погибших на поле боя. Например, Филетер, правитель Пергама, за большие деньги «выпротер» тело убитого Селевка Никатора у его убийцы

Птолемея Керавна и совершил обряд захоронения последнего великого диадоха за свой счет¹¹⁷. Известны легенды о выдаче военнопленных римлян, захваченных Пирром. Ливий уверяет, что Пирр «с пленными обращался как со своими гостями и отпустил их без выкупа»¹¹⁸. Цицерон приводит слова самого Пирра по этому поводу, выраженные в виде эпитафии:

«Злата не требую я, и выкупа мне не давайте:

Ведь не торгуя войной, но идя военным походом,
Мы заспорим о жизни мечем, не златом, и вам ли,
Мне ли царить Судьба повелит и что принесет нам,—
Доблестью нам испытать...»¹¹⁹.

Несомненно, в этих словах было столько же лицемерия, сколько и великодушия.

К сказанному следует добавить, что выдача трупов убитых обычно происходила при заключении перемирия: так поступил, например, Клеомен, заключив перемирие с ахейцами¹²⁰.

Одним из необходимых элементов соблюдения международно-правовых норм и обычаев было объявление войны накануне ее начала. При этом считалось совершенно незаконным воевать без повода и основания. Когда Арат однажды во время перемирия попытался начать войну против афинян, это вызвало открытое недовольство даже среди ахейцев¹²¹. Пирр объявил войну Антигону Гонату, «выставляя против него много всяких обвинений, а главное, что он отказался послать ему помощь в Италию»¹²². Полибий прямо говорит, что поиски предлога к войне были действительно необходимы руководителям государств. Этолийский полководец Доримах, например, намереваясь воевать с мессенянами, выдвинул в качестве повода к войне то, что они «обещали ахеянам и македонянам участие в союзе»¹²³.

Международные споры в III в. до н. э. решались зачастую посредством третьей стороны. В частности, спор между Ахейским союзом и Аргосом в 30-е годы III в. до н. э. разбирали мантинейцы. Они сочли ахейцев виновными и приговорили Арата как руководителя Ахейского союза к штрафу в 30 мин.¹²⁴

Таким образом, примеры показывают, что в III в. до н. э. принципы международно-правовых отношений были весьма дифференцированы. У Полибия мы находим некоторые интересные замечания относительно этих

принципов: «Соблюдение общечеловеческих законов почитается обязательным даже по отношению к врагам»²¹⁵. Сходные мысли можно найти и в учении стоиков, рассматривавших всех людей как членов одного и того же человеческого рода. Может показаться, что мы здесь имеем дело с филантропией в духе нового времени. На самом же деле «общечеловеческие законы» носили во времена античности весьма ограниченный характер. Тот же Полибий буквально тотчас вслед за приведенной «филантропической» фразой говорит следующее: «Мантинеяне нарушили общечеловеческие права и по собственному почину совершили нечестивейшее злодеяние... Быть может, кто-либо скажет, что достаточно было бы после победы над ними продать их с женами и детьми. Но по законам войны такой участи подлежат и невинные ни в каком преступлении. Поэтому мантинеяне заслуживали более суровой и более тяжкой кары...»¹²⁶.

«Общечеловеческие законы», равно как и армия и дипломатия, были элементами рабовладельческой системы, служили ее сохранению и развитию. Разумеется, нельзя не видеть во всех этих явлениях и того общего, что присуще праву, дипломатии, армии на любом этапе истории классовых обществ.

ГЛАВА III

НАЧАЛО ЭПОХИ

§ 1. Вторжение галатов

Период эпигонов начался на рубеже 80-х — 70-х годов III в. до н. э. тотальным столкновением мира эллинизма с варварами Европы¹. Дети и внуки полководцев и наместников Александра Македонского, ставшие властителями Египта, Македонии, Пергама, Вифинии, Каппадокии, а также других государств, отказались от борьбы за «мировую империю» и предпочли ориентироваться на «малую политику», сопряженную с трезвым расчетом, осторожностью и умеренностью. Впрочем, среди первых эпигонов были еще некоторое время живы традиции минувшей эпохи. Пирр Эпирский, например, оставался верен идее мирового господства до конца своих дней. Однако жизнь беспощадно разрушала иллюзии прошлого. Народные массы устали от войн, разорительных междоусобиц, необузданного разгула политических страстей. Уже кое-кто начал идеализировать «старые добрые времена» Филиппа и Александра². Но всюду еще пылали мятежи, целые страны поднимались на борьбу за свободу от порабощения.

Царь Азии Антиох I в 280 г. до н. э. начал войну с коалицией греческих городов Северной Эгеиды — Гераклеей, Византием, Киером, Теосом, возглавленными вифинским царем Никомедом. На стороне Антиоха выступил брат Никомеда, мятежник Зипет, а также, может быть, правители Пергама и Каппадокии. Но все усилия сына Селевка были напрасны: флоты Антиоха и Никомеда встретились где-то в море и разошлись, так и не вступив в сражение³.

Беспокойно было и в Греции. Эллины в том же 280 году до н. э. возмутились против Антигона Гоната,

сына Деметрия, правителя некоторых греческих областей. Выступив под предводительством спартанцев, они напали на союзницу Антигона Этолию. Эта акция не обеспечила им успеха, а впоследствии они и вовсе были разгромлены Антигоном. Правда, отдельные эллинские города в Ахайе тогда же освободились от македонской опеки и заложили основу будущего величия Ахейского союза⁴. Все эти волнения, видимо, воспрепятствовали и Антигону и Антиоху всерьез вмешаться в дела Македонии, на которую оба претендовали со времени гибели Селевка Никатора.

В Македонии же, этой многострадальной стране, царствовал тогда узурпатор трона, убийца Селевка Птолемей Керавн. Со всей своей энергией и изворотливостью он отстаивал власть над древней родиной предков. Он, возможно, еще осенью 281 г. до н. э. написал дружественное письмо своему брату Птолемею II в Египет с тем, чтобы не обрести в этом царе врага. В недавнем прошлом конфликт сыновей Птолемея Сотера из-за египетского наследства привел к тому, что Керавн умолял о помощи Селевка для борьбы с братом; но теперь, коварно погубив Селевка и получив владычество в Македонии, Керавн в письме к Птолемею II отказался от своих притязаний на египетский трон. Затем он разбил в морском сражении Антигона Гоната, когда тот предпринял попытку вторгнуться в Македонию. Зимой-весной 280 г. до н. э. Птолемей Керавн заключил мир с Пирром и Антиохом I, помог Пирру в подготовке похода в Италию, куда Пирр и отплыл той же весной. Керавн хитростью и коварством изгнал из Македонии свою сестру Арсиною, вдову фракийского царя Лисимаха, казнил двух младших ее сыновей, а со старшим, Птолемеем, вел затем войну, после того как этот Птолемей бежал к царю Иллирии Монунию⁵.

Но одну опасность и для своего господства, и для подвластной ему страны Керавн недооценил: опасность варварского нашествия с севера. В этом сказалась специфическая ограниченность македонского правителя, чувствовавшего себя всемогущим владыкой цивилизованного государства, потомком великих завоевателей, способным едва ли не одним мановением руки разделаться с любыми полчищами варваров.

Варварская угроза, разумеется, существовала и до прихода Керавна к власти. Но 279 год до н. э. стал в этом отношении определенным рубежом. Весной этого года на северных границах Македонии появились мигранты с запада — галатские (гадльские, кельтские) племена. В свое время галлы сокрушили Рим, держали в страхе всю Италию, а потом обрушились на Иллирию и Фракию. Продолев сопротивление многих народов, они, наконец, подступили к богатым землям эллинистического мира. Весной 279 г. до н. э. передовые отряды галатов впервые опустошили Македонию, не сумев взять лишь укрепленные города. Птолемей Керавн вступил в бой с многочисленным противником и погиб страшной смертью, поплатившись за собственное высокомерие, а войско его потерпело поражение⁶.

Вся господствующая элита Македонии была в панике. И тогда на спасение отечества поднялись народные массы. Нский Сосфен, которого Юстин именует «перодовитым человеком»⁷, созвал ополчение молодежи и прогнал варваров, стяжав себе великую славу. Македония получила передышку, столь необходимую для организации защиты от нового вторжения. Однако македонскую аристократию ничему, очевидно, не научили перенесенные беды. Пользуясь тем, что царский трон после гибели Птолемея Керавна опустел, различные высокородные вельможи, мало озабоченные безопасностью страны, тотчас повели борьбу за власть. В этой усобице, по данным Евсевия и Диодора, участвовали и Мелеагр, брат Керавна, и Антипатр, по прозванию Этесий, потомок Кассандра, и Птолемей, сын Лисимаха и Арсинон⁸. Возможно, один из папирусов Филодема можно трактовать таким образом, что Антигон Гонат летом 279 г. до н. э. тоже вмешался в македонские дела, но вскоре отплыл в Азию, прельщенный более заманчивыми перспективами⁹. В Македонии не прекращались смуты. Народ одного за другим ниспровергал слабых и ничтожных претендентов. Сосфен, которому народное собрание предложило царскую корону, предпочел остаться простым стратегом; он по-прежнему был очень популярен среди македонян, но умер рано, примерно через полтора или два года после описанных выше сражений с галатами¹⁰.

Пользуясь анархией в Македонии, галлы подгото-

вились к новому нашествию. Вожди Бренн и Акихорий возглавили варварское войско. По указаниям античных авторов, оно было громадным: не менее 150 000 пехоты и примерно 20 000 конницы¹¹. Сведения эти, конечно, преувеличены, но численное превосходство галатов над греками и македонянами и в последовавшей войне представляется несомненным. Могущественное войско галатов под верховным командованием Бренна летом 279 г. до н. э. атаковало Македонию, довольно легко опрокинуло ополчения Сосфена и проникло в Фессалию, воспользовавшись предательством части фессалийской аристократии. Стало ясно, что галаты намерены совершить небывалый поход в Элладу. Греки, по словам Павсания, трепетали от страха перед будущим. Вероятно, потребовалось немало усилий, чтобы создать союзное греческое войско, но и оно во много раз уступало по численности дружине варваров. Отряды выставили этолийцы, фокидяне, локрийцы, беотийцы, афиняне. Пелопоннесцы почти не принимали участия в борьбе с варварами, так как надеялись укрыться за укреплениями Истмийского перешейка, защищаемыми братом Антигона Гоната Кратером. Спарта, предавая общие интересы греков, угрожала тем пелопоннесским городам, которые решились было направить воинов в Северную Грецию против галатов. Цари Антиох I и Антигон Гонат хотя и прислали в союзную армию свои ополчения, но они были незначительны: каждое по 500 человек¹².

С такими силами эллины двинулись к Фермопильскому ущелью, предполагая перекрыть дорогу галатам в Среднюю Грецию. Здесь, у Фермопил, ровно через два столетия после замечательных подвигов Леонида и его воинов, снова завязалась смертельная борьба греков с варварами. Все попытки Бренна повторить обходной маневр Ксеркса провалились, и тогда галатский вождь выработал совершенно изуверский план действий¹³. Вот что пишет об этом Павсаний: «Бренну пришла в голову мысль, что если он заставит этолийцев вернуться назад, к себе на родину, в Этолию, то ему легче будет вести войну с остальным эллинским войском. Поэтому, отобрав из войска 40 000 пехоты и около 800 всадников, он ставит во главе их Орестория и Комбутиса... Вновь направив свой путь через Фесса-

лию, они вторгаются в Этолию. Та расправа, которой Комбутис и Оресторий подвергли каллийцев, была самой жестокой и бесчеловечной, о какой мы только когда-либо слышали в истории... Они вырезали всех мужчин, избивая одинаково стариков и младенцев у груди их матерей... Женщины и те из девушек, которые были взрослыми... как только город был взят, успели себя убить; тех же, которые еще уцелели, кельты подвергли всякого рода особым глумлениям со страшными насилиями, как люди, по природе равно чуждые и жалости, и любви»¹⁴. Получив известия о такой расправе, этолийские отряды поспешно снялись из-под Фермопил и ушли на родину. «Изо всех городов, изо всей Этолии... выступило в поход все взрослое население, и даже люди преклонного возраста присоединились к ним под давлением нужды или храбрости. С ними вместе шли в поход и женщины, добровольно взявшись за оружие, еще больше, чем мужья, охваченные гневом на галатов»¹⁵.

В результате всенародной войны Комбутис и Оресторий были изгнаны из Этолии, посрамяв достоинство галльского оружия. Но Бренн у Фермопил все же исполнил свой замысел. С помощью предателей (ими оказались энианы и гераклсоты фессалийские) вождь галатов сумел, наконец, обойти по горным тропам греческие войска и уже собирался ударить с тыла на эллинов. Опасность была замечена греками лишь в самый последний момент. Погрузившись на афинские корабли, они немедленно отступили и тем самым спасли себя от окружения. Общеэллинское ополчение распалось; варварам был открыт путь в Среднюю Грецию¹⁶.

Галаты, наслышанные о великих богатствах Дельфийского храма Аполлона, двинулись в область Фокиды. В защиту Дельф явилось еще меньше воинов, чем к Фермопилам, причем главной силой и здесь были этолийцы. Осенью 279 г. до н. э.¹⁷ у Дельф произошло сражение греков с галатами, описанное в источниках неясно. Кажется, в самый разгар битвы случилось землетрясение, принесшее относительно больший урон галатам, вследствие их многочисленности. Греки воспользовались смятением в стане варваров, отважно ударили на них с фронта и с тыла и одержали победу. Бренн в этом бою был тяжело ранен, а затем покончил с собой. Успели ли при этом варвары ограбить Дельфийский храм,

точно не известно¹⁸. Павсаний и Юстин свидетельствуют, что после поражения под Дельфами галлы начали отступление. Они жестоко страдали от ливней, снегопадов, голода; эллины истребляли их мелкими неожиданными атаками, не вступая в большое сражение и применяя, главным образом, тактику «партизанской» войны. Результатом этой тактики было почти полное истребление завоевателей и изгнание их за пределы Греции и Македонии. Получив в этих странах урок героической народной войны, многие галлы стали возлагать надежды на успешную экспедицию в Азию¹⁹.

Между тем в Азии, в тот самый период, когда галлы опустошали Элладу, все еще шла борьба Никомеда и союзных ему городов с Антиохом. На стороне Никомеда летом 279 г. до н. э. выступил Антигон Гонат, оспаривавший у Антиоха господство не только над Македонией, но и над известными частями Фракии и Малой Азии. Широкие претензии Антигона и Антиоха придали войне на севере Эгейды всеобщее значение. Антиох предпринял какие-то шаги по созданию для себя опоры в Греции и Македонии: мы слышим о его «щедром подарке» — острова Лемноса — Афинам, о союзе с тираном Кассандрейским — Аполлодором²⁰. После более или менее продолжительных военных действий в Малой Азии, — о которых не известно ничего, кроме того, что противники имели громадные войска и сражались долгое время, — Антигон с Антиохом заключили мир²¹. Этот мир датируется, к сожалению, очень неопределенно: вероятнее всего, первой половиной 277 г. до н. э.²² Любопытно, что с периодом рассматриваемых мирных соглашений Антигона и Антиоха приблизительно совпадают два важных события: смерть стратега Сосфена в Македонии и переход галатов в Азию. Участвовал ли каким-то образом Никомед в переговорах о мире в Северной Эгейде, остается неизвестным.

Одним из результатов мирного соглашения Антигона и Антиоха был раздел сфер влияния: за Антигоном было признано право на Македонию, а Антиох, вероятно, приобрел свободу действий в Малой Азии. Попытки, предпринятые В. Тарном с целью уяснения судеб Фракии на этих переговорах двух царей, следует, видимо, признать неудачными. Но не невероятно, что Фракия была разделена, и некоторая малая часть ее, включая

сюда Лисимахию, досталась Антигону. Кроме того, для закрепления македоно-сирийской дружбы, Антигон женился на Филе, сестре Антиоха I²³.

Бесспорно, переход галлов в Азию находился в некоторой связи с изменением международного положения в этом регионе: конечно, не обязательно считать, что мир Антигона с Антиохом к этому времени уже состоялся. Наши хронологические и фактологические познания слишком отрывочны, они требуют крайней осторожности в оценке причинно-следственных отношений между описываемыми событиями...

Изгнанные из Греции и Македонии, галаты снова занялись грабежами во Фракии и, как отмечено выше, довольно скоро задумали переправиться в Азию. На востоке галлы надеялись найти то, что не могла им дать холодная и суровая Европа. Однако на пути в Азию варвары встретили неожиданную преграду — море. Не имея кораблей, они рассчитывали, по крайней мере, осуществить переправу в самом узком месте проливов между Черным и Эгейским морями (у Византия). Для этого им пришлось бы взять могущественный и великолепно укрепленный город. Варвары предприняли отчаянную попытку осадить Византий, но когда увидели, что их усилия не принесут успеха, отправились под предводительством Леоннория и Лутария на Геллеспонт. Здесь они вступили в переговоры с местным правителем Антипатром²⁴, который, быть может, идентичен с Антипатром Этесием, одним из претендентов на македонский престол. В папирусе, содержащем отрывок из письма философа Эпикура к Геродоту, сообщается, что этот Антипатр послал некоего Митру, подвизавшегося в свое время при дворе Лисимаха, в Грецию с целями, враждебными Антигону Гонату. Этот Митра попал в плен к Кратеру в Коринфе, а затем был перевезен в Афины и посажен в заточение в Пирее²⁵. Возможно, Антипатр Этесий, старый соперник Антигона, рассчитывал тем самым возмутить эллинов против сына Деметрия, но, как видно, потерпел поражение²⁶. С этим-то Антипатром галлы и начали диалог по поводу переправы в Азию. Антипатр затягивал переговоры, руководимый какими-то неведомыми политическими соображениями. Часть галлов, предводительствуемая Леоннорием, потеряв терпение, ушла с Геллеспонта,

и вернувшись к Византию, продолжила осаду города. Второй вождь галатов, Лутарий, решил не церемониться с Антипатром, отнял у него пять кораблей и перевез с их помощью отряды, паходившиеся под командой самого Лутария, в Азию. Леоннорий примерно тогда же заключил мир с Византием. Никомед Вифинский присоединился к этому миру, сделал галлов своими союзниками, договорившись с ними о совместной борьбе против мятежного Зипета, а также, быть может, против Антиоха. За эти будущие услуги Никомед переправил войско Леоннория на азиатский берег. Эти события, как свидетельствует Павсаний, случились между летом 278 и летом 277 г. до н. э.²⁷

Вступив в Малую Азию, воинственные галаты прежде всего выполнили условия договора с Никомедом: помогли ему избавиться от Зипета. Затем они направились дальше в глубь страны. К сожалению, об их малоазийских походах не сохранилось почти никаких данных, но можно предполагать, что галаты побывали в Илионе, в Карии, во Фригии, во внутренних областях Малой Азии²⁸. Столкновение этих грозных варваров с Антиохом I было неизбежно. Оно произошло, кажется, в 276 г. до н. э.²⁹ и привело к решительной битве, географическая дислокация которой до сих пор точно не установлена. Битву Антиоха I с галлами обстоятельно описал Лукриан. По его словам, варвары прекрасно подготовились к битве. У них была огромная пехота, 20 000 конницы и 240 серпоносных колесниц. Войско же Антиоха, малочисленное, набранное наспех, никак не могло сравниться с войском галлов. Но некий родосец Теодот дал Антиоху совет ввести в бой слонов, с которыми галлы были незнакомы. Так царь и поступил. В разгар битвы слоны Антиоха внезапно вышли из-за прикрытий и видом своим настолько устрашили галлов, что те в беспорядке побежали. Серпоносные колесницы и конница варваров опрокинулись на их собственную пехоту. Смятение было так велико, что воины Антиоха без труда перешли в наступление и разгромили врага³⁰. Битва прославила Антиоха на всю Азию; за ним с этого времени закрепилось почетное прозвище «Сотер» («Спаситель»), вряд ли им по-настоящему заслуженное³¹.

Антигону, после его возвращения из азиатского похода, также пришлось сразиться с отрядами галатов,

оставшимися во Фракии. Примерно во второй половине 277 г. до н. э., где-то около Лисимахии, варвары окружили лагерь Антигона. Юстин рассказывает, что вначале галлы прислали к Антигону посольство, предлагая ему мир за выкуп. Антигон, не дав определенного ответа, пригласил послов на невероятно пышный пир и всюду нарочито демонстрировал богатства своего лагеря. Послы были поражены! Они вернулись в собственный стан с известием, что лагерь Антигона полон золота и почти не охраняется. Галатских вождей обуяла алчность; тотчас же был разработан план ночного нападения на лагерь Антигона. Заранее предвидя такую возможность, сын Деметрия отвел свои войска в укрытия и, устроив засаду, стал ждать темноты. С наступлением ночи варвары беспрепятственно проникли в палатки воинов Антигона и забрали здесь все, что только было можно; затем они бросились грабить корабли. В этот самый момент гребцы с помощью солдат из окрестного населения учинили галлам жестокое побоище и в конце концов перебили большинство из них³².

Одержав эту победу, Антигон, по словам Юстина, избавился от свирепости соседей; он также снискал себе огромный авторитет среди рабовладельцев Македонии и вскоре был признан царем этой страны. С другими претендентами на трон и с бывшим союзником Антиоха, тираном Кассандри Аполлодором Антигон энергично расправился, что обеспечило ему новых приверженцев как в Македонии, так и в Греции³³.

Итак, галатское нашествие потерпело крах. Молодые эллинистические государства выдержали испытание на внутреннюю и внешнюю устойчивость. Но следует отметить, что главную тяжесть борьбы с варварами пронесли на себе народные массы стран Эгеиды, сумевшие спасти свои отечества от угрозы реставрации деспотизма, в то время как аристократия и цари, в угоду своим корыстным интересам, шли на компромиссы с галатами и долго предавались династической борьбе и междоусобным распрям. Лишь когда мощь варваров была подорвана, монархи Запада и Востока нанесли им последний удар и беззастенчиво присвоили себе всю славу победителей.

§ 2. Первая Сирийская война

Великие опасности и бедствия, постигшие Грецию и Малую Азию, почти вовсе не коснулись Египта. Ни один воин из Птолемеевой державы не сражался против варваров у Фермопил, ни один талант золота богатой египетской казны не пошел на организацию отпора галатам. Напротив, Птолемей II, этот достойный наследник своего хитроумного и коварного отца, обратил все силы к тому, чтобы трудности соперников употребить на пользу Египта. Так, под его контролем без всякой борьбы оказались Киклады, ранее принадлежавшие Деметрию Полиоркету. На Делосе Филокл, правитель Сидона, один из главных приближенных Птолемея II, устраивал пышные празднества — Птолемаиен. Следы египетского господства обнаруживаются на Коссе, на Кипре. Безусловно, ширилось египетское влияние и в Малой Азии, прежде всего в ее южных областях³⁴. Еще с 301 г. до н. э. Египет претендовал на Келесирию, с ее богатыми городами и важным стратегическим положением. Но здесь Птолемеи встретились с непреклонной решимостью Селевкидов удержать Келесирию за собой. Поэтому только ослабление позиций Антиоха Сотера на международной арене в первые годы его правления позволяет предположить, что и в Келесирии египтяне имели возможность усилиться³⁵. Птолемей II все больше притеснял и Кирену; он рассчитывал на полное подчинение западной соседки Египта³⁶.

Эти меры, несомненно, вызывали настороженность и озабоченность других государств. Вряд ли уменьшились их опасения и в связи с темными интригами, происходившими во дворцах Александрии. Именно тогда, некоторое время спустя после своего изгнания из Македонии Керавном, в Египет прибыла Арсиноя, вдова Лисимаха; возможно, в тот же период в Египет явился ее сын от Лисимаха Птолемей. Арсиноя и Птолемей II были родными братом и сестрой, но это не помешало им, нарушив греко-македонские традиции, вступить в брак друг с другом³⁷. Прежняя жена Птолемея II была изгнана из столицы и обвинена в заговоре против жизни царя Египта, затем начались репрессии против других членов царского дома, наверняка спровоцированные Арсиноей³⁸.

Арсиноя, властная и умная женщина, прошедшая великолепную школу интриг при дворе Лисимаха³⁹, теперь стремилась подчинить себе влюбленного брата и овладеть ключами к египетской политике. Но брачный союз Арсиной и Птолемея II был нужен не только Арсине и ее сыну, но и самому царю Египта, рассчитывавшему посредством этого брака приобрести «законные» права на наследие Лисимаха — на те громадные территории, где Арсиной когда-то была неограниченной владычицей, и где сын ее Птолемей мог вернуть себе царское имя под верховным протекторатом Египта. Именно этой перспективе должны были опасаться Селевкиды и их союзники в Малой Азии, присвоившие себе немалую долю бывшей империи Лисимаха⁴⁰. У Антигона Гоната были также основания для тревоги за свой трон, но, кажется, Антигону удалось вовремя заключить с Птолемеем какое-то соглашение о дружбе. Македонский царь крайне нуждался в условиях, которые могли бы способствовать укреплению его власти в Македонии; разорительная война с Египтом была бы пагубна для выполнения этой задачи. В свою очередь и Птолемей II Филадельф (это прозвище он получил после брака с Арсиной) не желал пока видеть в Македонии врага, считая для себя более актуальными проблемы господства на Востоке. Только такими отношениями можно объяснить «подарок» Антигоном Птолемею II 4000 галатов для несения военной службы в Египте⁴¹.

Захватнические интересы Селевкидов и Птолемеев, а также стоявших за ними малых государств привели к крупной войне на Востоке. Она известна в литературе как Первая Сирийская война. Сведения об этой войне в источниках отрывочны и туманны, но вряд ли можно целиком отвергать возможности реконструкции ее хода. Непосредственным инициатором войны оказался правитель Кирены Магас. Он заключил военный союз с Антионом I, женился на его сестре Апаме и убедил царя Азии начать борьбу с Птолемеем Филадельфом⁴². Антиох не смог сразу двинуться в поход; он, кажется, в это время был еще занят войной с галатами. Поэтому Магасу пришлось выступить одному. Он захватил Паретоний, дошел до Хиоса, примерно в 50 километрах от Александрии⁴³. Но здесь Магас получил известие, что у него в тылу восстало кочевое племя мармаридов.

Киренский правитель тотчас вернулся домой. Пытаясь преследовать его, Птолемей II неожиданно оказался в том же положении, что и его незадачливый противник: в Египте подняли мятеж против Птолемея 4000 галатов, присланных Антигоном⁴⁴. Античные авторы сообщают, что по своем возвращении Птолемей II сурово наказал их, отправив на пустынный остров в дельте Нила, где они и погибли. Цели восставших галатов не совсем ясны: в одних источниках сообщается, что они хотели захватить Египет, в других — что они просто собирались ограбить египетскую казну⁴⁵.

Вероятно, на следующем этапе войны развернул боевые операции Антиох Сотер. К сожалению, Павсаний, наш главный источник по событиям Первой Сирийской войны, сообщает о борьбе Антиоха с Птолемеем лишь следующее: «Когда Антиох стал уже снаряжать поход, Птолемей отправил ко всем царям, над которыми властвовал Антиох, своих людей, чтобы они как грабители прошли через земли более слабых, тех же, которые были более сильными, он хотел задержать военными действиями, чтобы тем помешать походу против Египта»⁴⁶. О собственных военных действиях Антиоха свидетельствует «Вавилонская клинописная хроника», где под 36 годом Селевкидской эры (276/5 год до н. э.) обозначено следующее: «В этом году царь оставил свой двор, свою жену и сына в Сардах (Sapardu), чтобы обеспечить прочную защиту. Он явился в провинцию Эбирнари (Сирия) и пошел против египетской армии, которая стояла лагерем в Эбирнари. Египетская армия спаслась бегством от него (?). В месяце адар 24 числа правитель Аккада отправил в Эбирнари к царю много серебра, тканей, мебели и машин из Вавилонии и Селевкии, царского города, и 20 слонов, которых правитель Бактрии послал к царю. В этом месяце мобилизовал главнокомандующий войска царя, которые были размещены в Аккаде, и пошел к царю в месяце нисан на помощь в Эбирнари...»⁴⁷. Итак, главные военные столкновения Антиоха с Птолемеем произошли в весенние месяцы 275 г. до н. э. и, кажется, окончились победой Антиоха (если верить толкованию хроники у С. Смита)⁴⁸. Это позволяет относить начало Первой Сирийской войны — поход Магаса в Египет — примерно к 276 г. до н. э. Успехи Антиоха I в Сирии, возможно,

не ограничивались описанной в хронике операцией. Думается, что тогда же Антиох внезапно захватил Дамаск, занятый египтянами под начальством стратега Диннона⁴⁹.

Если о походах в Сирию мы имеем некоторые сведения, то о войне на территории Малой Азии можно говорить лишь предположительно. Имеется, например, случайное упоминание у Полиэна о взятии Кавна полководцем Птолемея Филоклом⁵⁰. Стефаний Византийский говорит о какой-то борьбе, которую цари Понтийской Каппадокии Митридат и Ариобарзан с помощью галатских наемников вели против египтян; сразившись с египтянами, понтийские цари одержали победу, гнали врагов до самого моря и захватили в качестве трофея якоря кораблей⁵¹. Не исключено, что в данном случае Митридат и Ариобарзан действовали как союзники Антиоха.

Феокрит в 17-й идиллии называет среди малоазийских владений Египта (вскоре после Первой Сирийской войны) Карию, Ликию, Киликию, Памфилию⁵². Некоторые из этих владений полностью или частично могли быть подчинены в Первую Сирийскую войну. Крайне интересно в этой связи решить вопрос о судьбе Ионии. О том, что Египет претендовал на господство в Ионии, свидетельствует письмо Птолемея II в Милет с изложением многих благ и привилегий, даруемых милетянам египетским царем: «Также и теперь, поскольку вы охраняете твердо наш город и нашу дружбу и союз,— ибо мой сын и Калликрат и другие друзья написали мне о той демонстрации доброй воли, которую вы проявили ко мне,— мы, зная это, ценим вас высоко и будем стремиться отплатить вашему народу благодеяниями...»⁵³. Соблазнительно было бы видеть в упомянутом «сыне» названного выше Птолемея, сына Лисимаха, усыновленного Птолемеем II, после женитьбы последнего на Арсиное, и относить письмо ко времени Первой Сирийской войны; высокое положение Калликрата, казалось бы, говорит в пользу этой гипотезы⁵⁴. Но дело в том, что, по свидетельствам ряда надписей, деятельность Калликрата активно продолжалась и в 60-е годы III в. до н. э. Что касается личности «сына», то лишь недавно большинство ученых придерживалось версии, изложенной выше: а именно, что это не кто иной, как усыновленный Птоле-

меем Филадельфом Птолемей, сын Лисимаха, ставший около 267 г. до н. э. соправителем царя Египта, в 259 г. до н. э. возмущившийся против своего «отца» и, наконец, не позже 253 г. до н. э. убитый в Эфесе фракийскими наемниками⁵⁵. В настоящее время эта стройная теория поколеблена новыми фактами. Еще в 1938 г. М. Сегре опубликовал надпись, из которой как будто бы следовало, что Птолемей, сын Лисимаха, никогда не был соправителем Птолемея II⁵⁶. Надписи, обнаруженные недавно при раскопках в Лабранде (Кария), дали Г. Бенгтсону некий повод для предположения, что Птолемей, сын Лисимаха, умер в царствование Птолемея III Эвергета, т. е. гораздо позднее 253 г. до н. э.⁵⁷ Нашу точку зрения по этому сложному вопросу мы изложим в дальнейшем. Здесь же следует отметить, что для характеристики политики Египта в Малой Азии в годы Первой Сирийской войны идентификация личности «сына» и датировка письма Птолемея II в Милет не имеют решающего значения. Решающим является молчание Феокрита о египетском господстве в Ионии в конце 270-х годов до н. э. Трудно представить, что Египет не пытался овладеть областью Малой Азии, одной из богатейших частей бывшей державы Лисимаха, каковою была Иония. Селевкиды и их союзники предприняли, вероятно, какие-то контрмеры в Ионии, с целью не допустить здесь укрепления позиций египтян. Неудачи в борьбе с царями Каппадокии являются наглядным примером трудностей, которые встретил Птолемей Филадельф в Малой Азии, включая сюда, возможно, и Ионию.

О трудностях более серьезных свидетельствует Питомская надпись, сообщающая, что в месяце хатире 12 года своего правления (ноябрь 274 г. до н. э.) Птолемей II явился в Геронополь «со своею женою (она же и сестра его) для защиты Египта от чужестранцев»⁵⁸. Может быть, из этой надписи следует, что ожидалось вторжение войск Антиоха в Египет, и присутствие Птолемея и Арсиной потребовалось, чтобы организовать оборону.

Конец войны нам абсолютно неизвестен. Она завершилась не позднее написания Феокритом своей 17 идиллии, т. е. либо в 273, либо в 272 г. до н. э. Далее мы увидим, что 273 год до н. э. предпочтительнее. Трудно

оценить и общие итоги войны. Успехи Селевкидов весьма вероятны, но говорить об их победе едва ли можно. Скорее всего, в результате продолжительных военных действий было достигнуто примирение с изрядной долей компромисса с обеих сторон⁵⁹. Основанием для такого компромисса, как будет показано в следующем параграфе, должно было послужить радикальное усложнение внешнеполитических позиций как Египта, так и державы Селевкидов в 273 г. до н. э.

§ 3. Последние походы Пирра Эпирского

Длительной борьбой за власть Антигон Гонат добился почетного македонского трона. Этот политик умел достигать своих целей окольными путями, но никогда не утрачивал решимости и необыкновенной энергии. Гартн, создавший образ Антигона на манер «мягкотелого либерала» нового времени, уверяет, что Антигон не хотел господствовать над Грецией⁶⁰. Но это далеко не так. Идеалом Антигона, как о том свидетельствует вся его жизнь, было могущественное македонское государство, способное раз и навсегда лишить *всю* Грецию независимости. Уже в самые первые годы после приобретения македонской короны Антигон владел многими эллинскими городами, которые принадлежали ему по наследству от отца Деметрия Полиоркета; сюда относились Коринф, Деметриада, Халкида, Мегары, Трезен, Эпидавр. Он помышлял и об Аргосе, где нашел себе верных сторонников. Кратер в Коринфе был фактически его соправителем⁶¹. В Средней Греции Македония ориентировалась на установление прочных позиций в Афинах. Афинские льстецы из аристократической партии около 276—274 гг. до н. э. предложили народу принять декрет по поводу жертвоприношений за совет и народ Афин, их жен и детей и за царя Антигона. Особенно отличился некий Гераклит, сын Асклепиада, который во время празднества Великих Панафиней посвятил Афине Нике картины с изображением победы Антигона над галлами⁶².

В Средней Греции соперником Македонии была Этолия. Приобретая большой авторитет после замечательных подвигов в борьбе с галатами, этолийцы начали постепенно подчинять своему контролю соседние среднегре-

ческие племена; орудием этого контроля стала Дельфийская амфикифия. К середине 70-х г. III в. до н. э. этолийцы уже имели два-три голоса в амфикифии за счет присоединения к Этолии некоторых малых народностей⁶³. Интересно отметить, что народы, покоренные Македонией, с 70-х годов III в. до н. э. в амфикифийских собраниях не имели своих представителей. Тарн полагает, что Антигон добровольно покинул амфикифию⁶⁴, Белох, наоборот, уверяет, что Этолия «исключила» македонских «союзников»⁶⁵. Возможно, истина заключена между этими «крайними» суждениями.

В Пелопоннесе известное влияние продолжала сохранять Спарта. Но в этой стране шла непрерывная борьба за власть между двумя виднейшими представителями знати — Ареем и Клеонимом. Внешнеполитическая ориентация обоих правителей была различная. На короткое время возвысился Клеоним, продемонстрировавший антимакедонскую направленность своей стратегии: он вел войну с Кратером и отнял у него Трезен. Кроме того, Клеоним вмешался в дела Крита и, как засвидетельствовано одной надписью, присутствовал при заключении какого-то договора между городами Фаласарной и Полирренией. Но Клеоним, вследствие ряда не совсем ясных причин, был изгнан из Спарты, а заменивший его Арей, казалось, отстранился от балканских дел, всецело погрузившись в критские междоусобицы. Может быть, именно тогда случилось странное, на первый взгляд, происшествие, описанное Павсанием: спартапцы давно готовились захватить Элиду, где у них были свои сторонники, но мессенцы, собрав отряд воинов, опередили спартапцев и безнаказанно овладели Элидой⁶⁶.

Теперь мы переходим к своеобразнейшей политической фигуре своего времени, в известном смысле диссонирующей со всем его духом и направлением. До сих пор выражение «Пиррова победа» остается синонимом разлада между грандиозностью замыслов и нерасчетливой расточительностью средств их достижения. Античные авторы, в особенности Плутарх, донесли до нас правдивый образ Пирра — знаменитого полководца, но политического авантюриста, лишённого чувства реальности. Антигон Гонат сравнивал Пирра с игроком в

кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей.

Одна идея, тем не менее, постоянно руководила Пирром — идея мирового господства, более всеобъемлющего, чем владычество Александра Македонского. Ведя борьбу в Западном Средиземноморье, Пирр думал о Востоке; и когда его дела на Западе привели к политическому краху, он действительно устремился на Восток, но... в Сицилии оставил своего сына Гелена, видимо, надеясь не потерять и Запад⁶⁷. Эти «маятниковые качания» политики Пирра были, конечно, не только продуктом его личных качеств, но и результатом того, что потребность в «мировой империи» выродилась, превратившись в безжизненную утопию. Ее носитель не мог не быть своего рода карикатурой на своих предшественников — Александра Македонского, диадохов. Подобная политика не могла не привести Пирра к гибели, но до самого конца эфирский полководец, ослепленный собственным величием, продолжал борьбу за мировое господство.

Поскольку италийская экспедиция Пирра известна достаточно хорошо, то в нашей работе мы ограничимся рассмотрением лишь действий Пирра после его похода в Италию, т. е. заключительной фазы его жизни и борьбы. Эта фаза началась с того момента, когда Пирр, еще будучи в Италии, обратился за помощью к царям Азии и к Антигону, прося денег и войска для продолжения войны на Западе. Среди «царей Азии» источники называют прежде всего Антиоха. Антигон и Антиох, конечно, отказали Пирру в поддержке, и он тайком от италийских союзников покинул негостеприимную Италию и вернулся в Эфир⁶⁸. Однако он не забыл «обиды», нанесенной ему отказом Антигона и Антиоха, и наверняка считал эту «обиду» удобным поводом для объявления войны обоим царям. Последнее обстоятельство нельзя недооценивать: и Македония, и Селевкидская держава стали врагами Пирра в 274 г. до н. э., т. е. ко времени его возвращения из Италии⁶⁹. Очень важно здесь уточнить отношения между Пирром и Гтолеем Филадельфом. Тарн предполагал, что они были союзниками⁷⁰. Но аргументы английского историка по этому поводу не кажутся достаточно обоснованными. Наоборот, существуют ясные указания источников на воз-

возможность вражды между Египтом и Эпиром. Например, из Евтропия известно, что в 273 г. до н. э. египетские послы побывали в Риме, прося римского союза. Почти тогда же римское посольство отправилось к Птолемею II и было встречено с необычайным радушием⁷¹. Нам представляется, что этот египетско-римский альянс можно объяснить только антиэпирской направленностью политики обоих государств. Что касается Рима, то здесь все довольно ясно. Относительно же Египта следует думать, что, во-первых, Птолемеи опасались прямого вторжения Пирра в Африку, во-вторых, они следовали своей традиционной (со времени диадохов) политике борьбы против всяческих искателей мирового господства, в-третьих, Арсиноя не могла, конечно, терпеть столь нежелательного конкурента своих обширных планов реставрации державы Лисимаха, как Пирр. Не исключено, что Египет был наиболее последовательным врагом Пирра к 273 г. до н. э. Это дает основание предположить, что Птолемей II и Антиох Сотер к этому времени уже закончили Первую Сирийскую войну и даже, может быть, объединились против Пирровой опасности в коалицию, к которой примкнули Рим, часть Греции и Антигон Гонат. Разумеется, эта коалиция остается фактом более или менее гипотетическим.

Возвратившись на родину, Пирр немедленно начал готовиться к походу на Македонию. В 274 г. до н. э. эпирский царь, предъявляя Антигону всевозможные обвинения, вторгся в Верхнюю Македонию, захватил многие города, найдя сопротивление только в Эгах, и в решающей битве нанес Антигону поражение. Галатские наемники Антигона были разбиты, слоны захвачены Пирром, а македонская фаланга целиком перешла на сторону врага. Антигон бежал с остатками войска в Фессалоники, надеясь возобновить войну с помощью вновь набранных отрядов галатских наемников. Пирр между тем овладел Фессалией и в честь своих побед посвятил щиты разбитых македонян в храме Зевса в Додоне. По этому случаю в адрес побежденных была сочинена следующая эпиграмма:

Некогда Азии тучной они ограбили страны,
Рабство они принесли эллинов вольным
землям.

Ныне надменных бойцов-македонян
доспехи храм Зевса,
Между колонн прислонясь, столь сиротливо
блюдут ⁷².

В этой эпиграмме совершенно отчетливо слышится намек на «освободительную» миссию Пирра не только относительно Греции, но и Азии, поработанных македонянами.

Крупные успехи Пирра в борьбе за Македонию вскоре обнаружили свою поверхностность. Галатские наемники Пирра в Эгах надругались над священными могилами древних македонских царей и не были за это Пирром наказаны ⁷³. Сам Пирр, по словам Плутарха, «всячески притеснял жителей», т. е. македонян ⁷⁴. Не лучше вел себя эпирский завоеватель и в Фессалии. Здесь, как рассказывает Лукиан, Пирра всячески развращали льстецы, заставив его поверить в сходство со знаменитым Александром Македонским. И только одна пожилая женщина в городе Ларисе, когда Пирр обратился к ней с вопросом, на кого он похож, с издевательской наивностью ответила: «На нашего повара Батрахиона» ⁷⁵.

Впрочем, попытка Антигона вернуть себе в 273 г. до н. э. власть в Македонии оказалась неудачной: он был разбит в бою сыном Пирра Птолемеєм и опять бежал в Нижнюю Македонию для подготовки к войне ⁷⁶. В неимоверном терпении и упорстве Антигону нельзя отказать; поражения же его объясняются тем, что его господство в Македонии до прихода Пирра было слишком непродолжительно и не успело пустить здесь прочные корни. Но Антигон ждал изменения обстоятельств в благоприятную для себя сторону, и события постепенно оправдывали его надежды, поскольку положение Пирра в Македонии становилось все неустойчивее. Впрочем, сам Пирр вовсе не считал свое положение таковым. Наоборот, действуя в духе авантюристической политики диадохов, он полагал, что им сделано в Македонии вполне достаточно, чтобы перейти к следующей фазе всемирных завоеваний. Юстин по этому поводу пишет: «Пирр, вознесший на такую вершину власти, не довольствуясь тем, что ему предназначено было достичь по предначертанию судьбы, замыслил захват Греции и Азии» ⁷⁷.

Наступила весна 272 г. до н. э. Для вторжения в Грецию Пирр нашел весьма удобный повод: находившийся при Пирре спартанский изгнанник Клеоним, помогаясь власти в Спарте, предложил эпирскому царю совершить поход в Лакедемон и, победив, передать страну ему, Клеониму. 25 000 пехоты, 2000 всадников и 24 слона Пирра переправились в Пеллопоннес. Ввиду ответственности момента, Пирр отозвал из Сицилии Гелена. Как видно из приведенной выше эпиграммы, Пирр, скрывая свои захватнические цели, выдвинул лозунг «освобождения Греции» от гнета македонян, поэтому неудивительно, что у эпирота появилось сразу множество приверженцев в Элладе. «Вся Греция ожидала его прихода»⁷⁸. В Афинах оказалась у власти антимакедонская группировка; Ахейский союз пополнился еще тремя независимыми городами: Леонтином, Эгирой и Пслленой. Афиняне, ахеяне и мессенцы отправили посольства к Пирру, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение. В Мегалополе, Аргосе и, может быть, в Сикионе у Пирра обнаружались сторонники. В Элиде, на Эвбее, словом, повсюду в Греции поднялась волна освободительного демократического движения⁷⁹. Бслох и Тарн предполагали, что даже Этолия стала союзницей Пирра и пропустила его войска через свою территорию в Пеллопоннес⁸⁰. Но это мнение недостаточно обосновано.

В руках македонян оставался, однако, важный стратегический пункт — Коринф, что сыграло решающую роль в ходе последующей войны с Пирром.

Итак, ближайшей целью похода Пирра в Пеллопоннес была Спарта, но публично Пирр всячески отрицал это, заявляя, что «пришел освободить покоренные Антигоном города»⁸¹. Спартанцы выслали послов к Пирру в Мегалополь, чтобы выяснить намерения эпирота. Пирр ласковыми речами успокоил лаконских дипломатов и, между прочим, польстил их патриотическим чувствам, сообщив о желании отправить в Спарту своих детей на воспитание. Тем временем эпирское войско вступило в Лакедемон и начало, вопреки обещаниям Пирра, грабежи и разбой. Спартанцы вновь явились к Пирру, укоряя его за нарушение клятвы. Тогда Пирр ответил, что поступает так по примеру самих лакедемонян. «Никог-

да мы не слышали, — заявил он, — чтобы вы, спартанцы, открывали кому-либо свои намерения»⁸².

О дальнейшей борьбе Пирра со Спартой повествует, главным образом, Плутарх, которого кое в чем дополняет Юстин, а также Павсаний, Полиэн. Все античные авторы отмечают слабость, незащищенность Спарты в момент нападения Пирра. Арей восвал где-то на Крите, и с ним находилось основное спартанское войско. Поэтому момент вторжения был выбран Пирром как нельзя более удачно; эпирский царь настолько уверился в легкой победе, что отклонил предложение Клеонима напасть на город «с ходу», ночью, и принял решение атаковать спартанцев с утра. Спартанская герусия, заседавшая именно в эту самую ночь, под угрозой смертельной опасности постановила отправить женщин и детей на Крит, а мужчинам сражаться, пока не победят или не погибнут все до одного. И тогда одна из спартанок, Архидамия, явилась в герусию с мечом и осыпала мужчин суровыми упреками. «Для лакедемонянок приличнее жить и умереть вместе с мужьями», — гордо сказала она, отказываясь покинуть Спарту. Вместе с нею остались и прочие женщины защищать родину от врага⁸³.

Спартанцы немедленно приступили к оборонительным работам: копали рвы, возводили баррикады из поваленных повозок. И когда наступило утро, Спарта была уже готова достойно встретить противника. Сначала в атаку пошел сын Пирра Птолемей, пытавшийся преодолеть линию баррикад; эпирский принц уже почти достиг цели, но положение спас юный Акротат, сын Арея: он зашел в тыл к Птолемею с 300 воинов и сильным ударом заставил противника отступить. Сам Пирр атаковал город в другом месте, однако все его усилия были напрасны: спартанцы всюду стояли доблестно и удержали священные рубежи. Так прошел первый день сражения.

На следующий день Пирр снова повел свои войска в бой. Он дрался горячо и отважно, метался на своем коне вдоль рва и колесниц, стремясь пробиться в город. Спартанцы уже изнемогали от усталости и бессилия. Вот-вот должно было произойти гибельное для Спарты событие. Однако осаждаемых и на этот раз спасла «случайность»: Пирр был ранен, упал с лошади, повергнув

в замешательство собственное войско, и оно поневоле ретировалось⁸⁴.

В этот опаснейший и труднейший час спартанцам пришла подмога. Дело в том, что Антигон, пользуясь отсутствием Пирра, быстро восстановил свою власть над Македонией и немедленно двинулся с войском в Пелопоннес. Тогда же произошло какое-то сближение Антигона с Ареем, быть может, в рамках упомянутой выше антиэпирской коалиции. Поэтому явившись в Коринф, Антигон выслал на помощь Спарте отряд наемников во главе с Амением. Вскоре явился с Крита и Арей с двухтысячным войском⁸⁵. Пирр некоторое время продолжал осаду Спарты, но с каждым днем его положение становилось все опаснее, а силы, враждебные ему, все росли. От него начали отходить некоторые пелопоннеские союзники. Мессенцы выступили на стороне Спарты против него. В Аргосе подняли голову сторонники Антигона во главе с Аристиппом и, кажется, одержали победу над приверженцами Пирра, руководимыми Аристеем. Антигон немедленно вошел в Аргос — один из крупных экономических и политических центров Пелопоннеса. Пирр в этих обстоятельствах был вынужден начать отступление из Спарты. При этом отступлении погиб попавший в засаду сын Пирра Птолемей⁸⁶. Единственной надеждой Пирра теперь являлась победа над Антигоном; только так эпирот мог избежать блокады своей армии в Пелопоннесе. Ради решающей битвы с Антигоном Пирр отправился к Аргосу, воспользовавшись призывами своего ставленника Аристея.

Когда Пирр подступил к Аргосу, Антигон уже занял стратегически важные пункты на высотах в городе и не собирался спускаться на равнину, несмотря на призывы Пирра. Поэтому победа над македонским царем стала крайне сложным делом и не могла быть достигнута иначе, как посредством штурма Аргоса Пирром⁸⁷.

Глубокой ночью отряды Пирра приблизились к стенам. Сторонники Аристея тайно открыли ворота города, и войска Пирра начали тихо входить в Аргос. Все было сравнительно «тихо» и благополучно, пока очередь не дошла до слонов. Проходя через низкие ворота, животные подняли шум, и город пробудился. Немедленно о появлении врага было доложено Антигону. В ночной

мгле завязалась битва между галатами Пирра и посланными Антигоном войсками. Аррей и критяне выступили на помощь македонянам и сражались отважно, не жалея сил. Союзники основательно потеснили галатов Пирра, а этот последний все еще входил с оставшейся частью войска в город. Услышав вопли галатов, он попытался было оказать им помощь, но в кромешной тьме, среди тесных улочек, изрезанных каналами, это оказалось невыполнимым. Скоро битва стала совершенно хаотической. По словам Плутарха, «нельзя было разобраться ни в действиях войск, ни в приказах начальников. Разобщенные отряды блуждали по узким улицам, во мраке, в тесноте, среди доносившихся отовсюду криков»⁸⁸. Под утро Пирр обнаружил, что главные крепости города по-прежнему заняты врагом, и, поняв, наконец, ужас сложившейся ситуации, решил отступить из города. Но отходить было теперь непросто: враг надвигался, а огромная масса войска Пирра не могла быстро пройти через узкие ворота. Пирр отослал своему сыну Гелену, оставшемуся с резервом вне города, приказ разрушить часть стены и дать возможность воинам через пролом выйти из Аргоса. Но Гелен неправильно понял приказ и, на общую гибель, направил свой отряд «для помощи отцу» в те же самые ворота, откуда просачивались отступающие. Поднялась неопишуемая давка. Пирр кричал, чтобы войска Гелена отошли назад, но царя никто уже не слушал. Какой-то раненый слон застрял около ворот и жалобно трубил, а другой слон пробивался к нему, давя и растапывая всех встречных. Воины, точно безумные, убивали и своих, и чужих без разбора⁸⁹. В этой страшной и бессмысленной борьбе Пирр получил легкую рану и бросился на врага, чтобы нанести ему ответный удар. У Плутарха сказано, что это был некий аргосец, мать которого подобно всем остальным женщинам смотрела на битву с крыши дома. Увидев, что сыну грозит опасность, она сорвала с крыши черепицу и метко бросила ее в Пирра. Царь упал с коня, теряя сознание, и тотчас был схвачен подоспевшими солдатами Антигона. Они поволокли Пирра в преддверие какого-то здания и здесь ему, полуживому, отрубили голову. Так кончил жизнь «великий» Пирр, сраженный рукою неизвестной гречанки. Так, в орселе трагикомедии кончила жизнь идея

мирового господства, витавшая в головах наследников Александра. Впрочем, аргосцы впоследствии из тщеславия уверяли, что Пирра сразила вовсе не женщина, а сама богиня Деметра, принявшая человеческий образ. Но уже Павсаний относился с иронией к этой «патриотической» концепции⁹⁰.

Антигон, по преданиям, предал труп Пирра сожжению, приказал останки погибшего царя положить в золотую урну и отправить в Эпир. Своей закономерной победой Антигон воспользовался весьма умеренно: сына Пирра Гелена он отпустил в его удел — Эпирское царство, а с друзьями Пирра обошелся «кротко и благосклонно»⁹¹. Таким образом, Эпиру была сохранена независимость. Антигон как дальновидный политик понимал, что серьезное ослабление Эпира поставит саму Македонию перед трудностями, особенно на севере Греции в борьбе против варваров. Кроме того, у Пирра остались еще немало приверженцев в Пелопоннесе, и Антигон не хотел обращать их сразу и бесповоротно против себя. Возможно, сохранению независимости Эпира содействовали и другие «великие державы» — Египет, империя Селевкидов, — видевшие в Эпире известный противовес Македонии.

С превращением Эпира во второстепенную державу в эллинистическом мире окончательно восторжествовали тенденции государственного сепаратизма, и сложилась система международных отношений, характерная для классического эллинизма.

ГЛАВА IV

«ГЕРОИ» ГРЕЦИИ И «АВАНТЮРИСТЫ» ВОСТОКА

§ 1. Накануне Хремонидовой войны

В истории эллинизма времена, наступившие после смерти Пирра, справедливо считаются одними из наиболее загадочных. Отсутствие сколько-нибудь связных источников, запутанность и хаотичность исторических процессов не раз ставили исследователей в тупик. Но все-таки среди обрывков предания, среди неясного «шума» событий можно усмотреть некоторое единство, воплощенное в героическом движении греческих полисов против македонского засилья. Междоусобицы «великих» эллинистических монархий отражали этот неудержимый поток освободительной борьбы.

Победа Антигона над Пирром не долго тешила греков. Довольно скоро элвтеристические иллюзии, навешенные пропагандой победителя, были разоблачены самой действительностью. «Жители Пелопоннеса,— пишет Юстин,— вследствие предательства першли под власть Антигона»¹. Одни города вступили в «союз» с Антигоном, другие же «вследствие взаимной ненависти подняли оружие друг против друга»². Иными словами, «союзные» отношения, вначале формально добровольные, постепенно обернулись настоящим порабощением городов, а старые распри между полисами стали для Антигона средством проведения политики «разделяй и властвуй». Из года в год «либерализм» Антигона становился все более сомнителен. Даже тени независимости не получили такие города, как Коринф, Мегары, некоторые полисы Фессалии³. В отдельных случаях Антигон прибегал к насаждению угодных ему тираний в пелопоннесских и, может быть, не только пелопоннесских государствах. Полибий писал, что большинство

тиранов были посажены эллинам Антигоном Гонатом⁴. В. Фельман пытался доказать, что в 60-е годы III в. до н. э. система промакедонских тираний еще не сложилась⁵. Но эта явно идеализаторская точка зрения не подтверждается источниками. Во-первых, совершенно определенно известно, что при содействии Антигона пришел к власти тиран Элиды Аристотим (где-то на рубеже 70—60 гг. III в. до н. э.). Правда, господствовал он лишь пять или шесть месяцев, а затем был свергнут оппозицией с помощью этолийцев; Кратер из Коринфа даже не успел прийти на помощь элейскому тирану⁶. Во-вторых, Аристипп, союзничавший с Антигоном в Аргосе во время войны с Пирром, очевидно стал тираном Аргоса после смерти Пирра⁷. В-третьих, допустимо предполагать, что и в Мегалополе уже утвердил свою тиранию «друг» Антигона Аристодем⁸.

Особенно энергичные меры, вероятно, предпринял македонский царь для усиления своего владычества в Афинах. В биографии Аркесилая у Диогена Лаэртского сказано, что Мунихией и Пиреем управлял от имени Антигона нский стратег Гиерокл⁹. Об этом же Гиерокле сообщается и в другой биографии Диогена Лаэртского, а именно — в жизнеописании Менедема¹⁰. Контроль над важнейшими крепостями, конечно, сопровождался и вмешательством македонян во внутренние дела самих Афин. Политическая ориентация афинского правительства вначале, возможно, не была целиком промакедонской. Так, в те же самые годы (в конце 7-го — в начале 6-го десятилетий III в. до н. э.) появился декрет в честь одного старого приверженца демократии Демохара; документ прославлял деятельность Демохара по защите демократии и его меры по укреплению дружбы с Лисимахом и Птолемеем. Но вместе с тем никаких прямых выпадов против Антигонидов в декрете не содержалось. Видимо, хотя и была в Афинах оппозиция македонскому господству, но она не решалась еще выступить открыто¹¹. Тем не менее уже спустя несколько лет в декрете Хремонида по адресу македонян звучат суровые слова, обвиняющие «тех, кто стремится разрушить законы и отеческие у каждого (города) гражданские правления», клеймящие «совершивших насилия и нарушивших договор с городами»¹².

Как и в минувшие времена, Македония искала себе также надежной опоры на Эвбес. Диоген Лаэртский рассказывает, что изгнанный демократами из Эретрии философ Мендема в храме Амфиарая (в Аттике) встретился с Гиероклом и обстоятельно с ним беседовал; между прочим, Гиерокл говорил прежде всего о взятии Эретрии. Для чего же понадобилось македонскому контролеру Афинских крепостей навещать философа-эретрийца, уединившегося в священном местечке Аттики? Разумеется, не для праздного любопытства. Вероятно, Гиерокл просил Мендема о сотрудничестве в предстоявшей военной экспедиции на Эвбею; может быть, даже Мендема предполагался в качестве будущего тирана Эретрии. Это нисколько не невероятно, судя по дальнейшему поведению самого Мендема. Философ, кажется, отказался от заманчивых планов Гиерокла, не желая принимать участия в порабощении своей родины. И когда Эретрия все-таки была захвачена македонянами, Мендема отправился ко двору Антигона, чтобы просить царя даровать эретрийцам свободу. Ему уже почти удалось склонить Антигона на этот шаг, но тут вмешался придворный философ-столк Персей, затеявший гнусную интригу против Мендема и уговоривший Антигона дать Мендему отрицательный ответ. Горь и обида эретрийского философа были так велики, что он не выдержал этого нового тягчайшего жизненного испытания и вскоре умер¹³.

Итак, греки все явственнее ощущали на себе потерю независимости, суровые репрессии, произвол и гонения со стороны македонян. За всем этим, конечно, стояли какие-то экономические ущемления, о которых, к величайшему сожалению, ничего конкретно не известно. Но Македония, разумеется, сразу не могла подчинить себе всю Элладу.

Независимый Эпир воевал весьма настойчиво с иллирийцами, предводительствуемыми Митилом. В этой войне сын Пирра Александр, новый царь Эпира, завлек иллирийцев в труднопроходимые места и здесь разгромил их, обратив в бегство¹⁴. Кажется, Эпир вступил в начале 60-х годов III в. до н. э. в конфликт с Этолией из-за Акарнании. Тарн, вслед за Рейнаком, показал, что это случилось не позднее 265 г. до н. э., поскольку к этому году Эпир и Этолия уже заключили мир и разде-

лили Акарнанию между собой¹⁵. Прекращение войны Этолии и Эпира, разумеется, было как-то связано с осложнениями Хрмонидовой войны.

Международная деятельность Этолии представляет особый интерес. Устремляясь в Пелопоннес, отстаивая в войне с Эпиром свои позиции в Акарнании, Этолия, конечно, следовала экспансионистской политике. Может быть, еще до начала антагонизма с Эпиром, Этолия заключила своеобразный союзный договор с Акарнией. Текст договора до нас дошел и фиксирует, во-первых, границы этолийского и акарнанского государств по реке Ахелой, во-вторых, обязывает оба государства оказывать друг другу помощь в случае войны¹⁶. Успехи Этолии в деле расширения сферы ее политического влияния нашли отражение и в амфиктионских документах. К 269 г. до н. э. число голосов этолийцев в амфиктионии увеличилось до шести, т. е. возросло вдвое по сравнению с 274 г. до н. э. Это произошло за счет присоединения к Этолийскому союзу энианов и дорийцев из метрополии¹⁷. Конкурируя с Македонией в Средней Греции и видя энергичное наступление македонян на права Пелопоннесских государств, Этолия неизбежно должна была питать скрытую или явную враждебность к державе Антигона Гоната. Уже отмечалось, что этолийцы косвенно выступили против Македонии, поддержав оппозицию тирану Аристотиму в Элиде. Дельфы в 60-е годы III в. до н. э. приняли декрет в честь Главкона, одного из яростных противников Македонии в Афинах, брата небезызвестного Хрмониды. Афинским иеромнемонам, в начале войны Афин против Македонии, вновь было разрешено свободно посещать собрания амфиктионов в Дельфах. Наконец, имеются серьезные основания, считать, что договор о симмахии этолийцев с афинянами, изданный Помтовым в 1918 г., был подписан накануне Хрмонидовой войны. Из текста договора следует, что афиняне и этолийцы заключили военный союз, договорились о взаимном непричинении вреда, о предоставлении убежища гражданам Афин в Этолии и этолийцам в Афинах и т. д. На том же камне, где приведен текст договора, фиксируется также постановление дельфийских иеромнемонов, одобряющих симмахию этолийцев с афинянами¹⁸. Столь решительные действия Этолии должны были сделать ее, казалось бы,

одним из главных врагов Антигона в Хремонидовой войне. Но в действительности Этолия в войне не участвовала; об этом будет несколько подробнее сказано ниже.

Среди государств Пелопоннеса, сохранивших независимую от Антигона политику, была Спарта. Но она в конце 70-х годов III в. до н. э. оказалась в нелегкой ситуации. С одной стороны, она была обязана Македонии своим спасением от эпирского порабощения; с другой стороны, спартанцы прекрасно понимали, что вместо одного угнетателя — Пирра — в Пелопоннесе явился другой угнетатель, более ловкий и напористый — Антигон Гонат. Кроме того, Арей и сам был честолюбив и не терял надежды на возрождение величия Спарты в Греции. Из всех этих разнонаправленных сил вышла некоторая равнодействующая, ориентиром которой стала вражда Спарты против Антигона и его пелопоннесских друзей — тиранов Аргоса и Мегалополя.

Таким образом, вследствие ряда причин в Элладе к началу 60 гг. III в. до н. э. существовали два важнейших международных противоречия: 1) между эллинскими государствами; 2) между греками и Македонией. По мере разворачивания политики подавления, которую проводил Антигон среди греков, роль второго противоречия должна была возрасти, недовольство народа македонским порабощением усиливалось, и все, кто считал себя врагом Македонии, не могли не искать сближения между собой. На этой основе, видимо, возник упомянутый выше союз этолийцев с афинянами; но этот союз, как отмечалось, не был эффективным. Гораздо надежнее и практичнее оказался другой союз, образованный Спартой в Пелопоннесе; сюда входили сами спартанцы, а также элейцы, ахейцы, тегейцы, мантинейцы, орхоменцы, фигалейцы, кафисейцы. К спартанцам присоединились некоторые критские города, и после определенных организационных усилий в антимакедонскую коалицию вошли Афины¹⁹. Разумеется, предварительно в Афинах к власти должна была прийти демократическая группировка, возглавляемая Хремонидом и Главконом и стоявшая на позициях, враждебных Македонии. Как произошли все эти важные события

в истории Греции и как на них непосредственно реагировал Антигон Гонат, мы не знаем; источники ставят нас перед свершившимся фактом, свидетельствующим лишь о сложении антимакедонского союза вокруг Спарты и Афин. Из крупных нейтральных сил Пелопоннеса, оставшихся вне антагонистических группировок, должна быть названа, очевидно, только Мессения²⁰.

Состояние дел среди Балканских государств было таково, что ни одна «великая» восточная монархия не могла к нему остаться равнодушной. В особенности, конечно, питал страстную заинтересованность в этих делах Птолемеевский Египет. О прежней дружбе с Антигоном не могло быть и речи. Египет встревожился перспективами роста македонской экспансии несколько не в меньшей степени, чем в свое время агрессивной политикой Пирра. Но, пожалуй, существеннее была для Египта реализация собственных завоевательных планов, выработанных еще при жизни Арсинои (она умерла в 270 г. до н. э.). Вот почему в декрете Хремонида, в связи с перечислением всех участников антимакедонской коалиции, сказано, что «царь Птолемей, согласно с направлением предков и сестры, очевидно, ревнует об общей свободе эллинов»²¹. Не получив никаких определенных результатов в I Сирийской войне, Птолемей II перенес центр тяжести борьбы за возрождение державы Лисимаха в Грецию. Какую роль в этой политике должен был теперь играть Птолемей, сын Лисимаха и Арсинои, сказать трудно. В 267 г. до н. э. у египетского царя появился соправитель; предполагали, что это и был Птолемей, сын Лисимаха. Но, как отмечалось в предыдущей главе, подобное отождествление, после опубликования одной надписи М. Сегре, проводить нельзя. Поэтому мы воздержимся от далеко идущих выводов и предположим только известную *вероятность* участия Птолемея, сына Лисимаха, в проведении политики его матери, после смерти последней²².

Птолемей II не только внимательно следил за греческими делами, но и все энергичнее вмешивался в них, добиваясь объединения всех антимакедонских сил. Он сделал лакедемонян «друзьями и союзниками»²³, направил дружественное посольство в Афины, вероятно, также с предложением союза²⁴, прислал в Дельфы

тсоров с призывом к дельфийцам принять участие в играх Птолемайей в Александрии²⁵. Не без участия Египта развилась и борьба между городами на Крите. Может быть, Египет и Спарта выступили на Крите как сообщники, а на их стороне стояли такие города, как Фаласарна, Полиррения, Аптера, Гортина²⁶. Любопытен декрет критского города Итана в честь Патрокла, наварха египтян, сражавшегося против Антигона Гоната в Хремонидовой войне: «Поскольку Патрокл, сын Патрона, македонянин, посланный Птолемеем в качестве стратега на Крит, прослыл мужем добрым и справедливым относительно города итанийцев и много содействовал итанийцам ради безопасности города... сделать его прокшеном и эвергетом, его и потомков...»²⁷ Хотя датировка декрета не совсем определенная, но он мог относиться к началу 60-х годов III в. до н. э.²⁸ Тарн, Кардинали, Эффентер, Спиридакис, опираясь на декрет Хремонида с упоминанием некоторых критян в числе врагов Антигона, предполагают, что на Крите существовали также и города, дружественные Македонии: Преса, Кносс, Фест, Кидония²⁹. Но было бы ошибочно, на наш взгляд, считать что Антигон в 60-е годы III в. до н. э. столь же свободно распоряжался на Крите, как это мог сделать Птолемей — владыка Эгейского моря.

Активизации Египта в западной сфере эллинистического мира придала назревавшая македоно-греческой войне широкий международный характер. Общая мировая обстановка осложнилась также нарастанием противоречий между Селевкидской монархией и Пергамом. Пергам уже в середине 70-х годов III в. до н. э. стал отдаляться от Селевкидов. Правитель его Филетер начал чеканить монету со своим именем, основал Филетерию на Делосе (контролируемом Египтом!), вступил в контакты с Дельфами. Отношения Пергама к Птолемее II, возможно, становились все более лояльными, как предполагают некоторые историки³⁰. Антиох I пытался связать Филетера родственными обязательствами со своим домом³¹, но это, кажется, не произвело должного эффекта. Ничего не мог поделать Антиох I и с Вифинией, которая весьма окрепла к середине 60-х годов III в. до н. э. и даже обзавелась новой столицей — Никомедией³². Наконец, Антиох был в немалом затруднении и внутри собственной державы: какие-то смуты, возник-

шие не без участия Селевка, старшего сына Антиоха, заставили последнего безжалостно казнить мятежного юношу³³. Как именно реагировал Антиох во всех этих обстоятельствах на развертывание противоречий между Египтом и Македонией, мы не знаем. Но, вероятно, разлад Антигонидов и Птолемеев был до известной степени выгоден азиатскому владыке. Это вовсе не значит, конечно, что Антиох непременно намеревался встать на чью-либо сторону, т. е. сражаться на стороне Антигона, либо выступить в союзе с Птолемеем. О подлинных отношениях Антиоха с этими двумя царями в 60-е годы III в. до н. э. нам, по существу, неизвестно ничего определенного. Однако в самое последнее время найдена эпиграмма следующего содержания: «Здесь погребен отец Атавриста Брикко, выступивший из родной Апамеи и явившийся в качестве вождя галатов. Он в жестоком сражении стремился к единоборству с Ареем; он был благочестив...»³⁴ Не вдаваясь в обстоятельства сражения галатов с Ареем, происходившего, разумеется, во время Хремонидовой войны, стоит отметить здесь только два факта: галаты, конечно, выступают в качестве войска Антигона (будучи врагами Арея), но вместе с тем их родина — Апамея Сирийская. Уэллс, подробно анализирувавший эпиграмму, справедливо указывает, что галаты Брикко находились в подданстве Антиоха I и именно от него прибыли к Антигону Гонату. Неизвестно, стоял ли за всем этим союз двух монархов, или же галлов Антиох просто послал «в подарок» македонскому царю, аналогично тому, как сам Антигон в свое время «подарил» галльское войско Птолемею. Но во всяком случае эпиграмма позволяет допустить некоторого рода «сочувствие» Селевкидов политике Македонии, а соответственно и «неприятель» Антиоха I к действиям Египта в Греции. Дальше идти в развитии этой гипотезы на современном этапе наших знаний, думается, невозможно.

Целостная картина международных отношений в Восточном Средиземноморье приводит нас к предположению, что война, которая надвигалась на эллинистические страны, должна была занять важное место в истории. В нее втянулись так или иначе все ведущие государства, она поглотила громадные материальные и людские ресурсы. Последствия ее для эллинистического

мира также были весьма значительны. Ход этой малоизвестной войны, получившей условное наименование «Хремонидова», будет рассмотрен в следующем параграфе.

§ 2. Хремонидова война

Начало войны относится к осени 268 или осени 267 г. до н. э.³⁵ В это время в Афинах, при архонтстве Питидима, в обстановке ожесточенной политической борьбы, был принят по предложению демократа Хремонида, сына Этеокла, декрет, в котором торжественно провозглашался союз афинян и пелопоннесцев против тех, кто стремится разрушить законы и отеческие у каждого города гражданские правления, кто нарушил договор с городами. Декрет засвидетельствовал также альянс греков с царем Птолемеем, который «согласно с направлением предков и сестры... ревнует об общей свободе эллинов». В постановлении афинян, выдержанном в духе горячего патриотизма и любви к своей родине, говорилось о тех временах, когда афиняне и спартанцы и другие греки совершили вместе многие и прекрасные подвиги против поработителей городов. Здесь, вероятно, имеется в виду конфликт эллинов с персами в греко-персидских войнах, битвы греков с Филиппом II и т. д.³⁶

По-видимому, принятие этого декрета послужило непосредственным поводом к началу открытой вооруженной борьбы. Дальнейший ход событий воспроизводится из кратких повествований Павсания и Юстина, а также из других разрозненных источников. Павсаний сообщает, что «Антигон, сын Деметрия, двинулся походом на Афины и с пешим войском и с флотом... На помощь афинянам прибыл из Египта Патрокл... выступили и лакедемоняне всенародным ополчением, поручив главное командование царю Арею. Но Антигон самым тесным кольцом окружил Афины, так что союзным с афинянами силам не было никакой возможности войти в город»³⁷. Уже здесь сказались стратегические преимущества Антигона. Блокада Афин, быть может, облегчалась тем, что Пирей находился в руках македонян; на это указывает открытая недавно надпись из Рамна, в которой сообщается о каком-то гарнизоне в

Пирее (может быть, македонском) в год Антипатра. К сожалению, надпись сильно разрушена, и твердых выводов из нее сделать нельзя³⁸. Вместе с тем, по археологическим данным можно судить, что ряд крепостей Аттики (Рамн, Корони, Элевсии) был в руках афинян³⁹. Важным преимуществом Антигона явилось также обладание Коринфом. Спартанцы, запертые в Пелопоннесе, не были в состоянии действовать успешно, пока Коринф принадлежал македонянам. Совершенно неприемлема реконструкция Мак-Креди, будто бы Арей, переправив свои войска морем с помощью египтян, воевал с Антигоном не в Пелопоннесе, а где-то в Аттике. Если бы это было возможно, то Арей оказался бы в значительном отдалении от Спарты и подверг большой опасности свое собственное отечество, поскольку из Коринфа в любой момент могло выступить войско македонян и нанести удар по Лаконике. На это обстоятельство справедливо указал Х. Хайнен⁴⁰. Отсюда очевидно, что войска пелопоннесцев непосредственно не находились в контакте с египетскими отрядами в Аттике. Надежды Афин могли быть обращены в первую очередь на помощь египетского флота. Патрокл «возвел стену и устроил укрепление» на пустынном островке близ Аттики и курсировал на триерах вдоль ее побережья, стремясь пробить блокаду⁴¹. Антигон, игнорируя эти усилия Патрокла, «опустошал и грабил... страну» афинян⁴². В течение первого года войны афиняне держались твердо и непреклонно, отстаивая свою свободу и независимость. Лишь недавно, в 1960 г. в развалинах храма Немезиды в Рамне, археологами был обнаружен аттический декрет в честь стратега Эпихара, датированный годом архонта Питидима. Содержание этого интересного документа преливает свет на обстановку в Афинах в начале Хремонидовой войны. Эпихар, избранный стратегом хоры паралии, был занят охраной территории хоры, обеспечивал население продовольствием, контролировал распределение продуктов. Любопытно, что Эпихар распорядился соблюдать порядок выдачи военнопленных врагу за выкуп, с тем, чтобы никто из жителей хоры не прятал у себя пленников. Наиболее примечательны акции Эпихара против каких-то афинян,

пытавшихся установить связи из города ἔκ (τῆς πόλεως) с пиратами, курсировавшими на кораблях; пираты

состояли на службе Антигона, а неизвестные афиняне принадлежали к друзьям Македонии, содействовавшим ей своими предательскими действиями внутри Афин. Эпихар изловил предателей и достойно наказал их. Наконец, к числу важнейших деяний Эпихара принадлежало обеспечение жильем, а может быть и продовольствием солдат, посланных Патроклом⁴³. Обширный перечень заслуг Эпихара перед афинянами заставляет предположить, что это был один из выдающихся деятелей афинской демократии в эпоху Хремонидовой войны. Четкость и организованность его работы отражают общую обстановку в Афинах в первый год войны, когда еще не иссякли надежды на победу. Сообщение декрета о каком-то гарнизоне Патрокла, который снабжал Эпихар, показывает, что, несмотря на блокаду, отдельные войска египтян все же высадились в Аттике на сушу. Это подтверждено и открытиями археологов. На восточном берегу Аттики, на полуострове Корони, найдены остатки грубо сооруженных, явно временных оборонительных стен, различная утварь также временного пользования и множество монет Птолемея II. Археологический комплекс вполне правомерно отнесен исследователями к эпохе Хремонидовой войны⁴⁴.

Однако, несмотря на определенные успехи египтян, македонское превосходство было очевидно. Поэтому Павсаний весьма скептически оценивает вклад Птолемея II в Хремонидову войну: «Этот Птолемей... послал флот на помощь афинянам против Антигона и македонян, но это не принесло большой пользы афинянам в деле спасения»⁴⁵. Не была успешной и тактика спартанцев, расположившихся под Коринфом и пытавшихся пробиться через истмийские заграждения. В столь критический для антимакедонской коалиции момент в Мегарах подняли мятеж против Антигона Гоната наемные отряды галлов, стоявшие здесь гарнизоном⁴⁶. Был ли мятеж результатом собственной инициативы галлов, или он был инспирирован спартанцами и египтянами, неизвестно. Однако выгода новой ситуации для врагов Македонии вполне очевидна. Антигону пришлось принять срочные меры для исправления положения. Македонский царь, по словам Юстина, «оставив небольшой отряд в якобы укрепленном лагере для защиты от прочих врагов, ...с главными силами выступил против галлов.

А галлы, узнав об этом, стали тоже готовиться к сражению»⁴⁷. Дальнейший рассказ Юстина о жертвоприношении галлами своих родственников во имя победы выглядит чрезвычайно фантастически. Ход битвы Антигона с варварами не излагается, и лишь в конце сообщено с известными преувеличениями: «Галлы были изрублены все до одного»⁴⁸. Возможно, эпизод из этой битвы описан в анекдоте Полиэна: «Во время осады Мегар Антигон имел в войске слонов. Македоняне, обмазав свиней жидкою смолой и поджегши их пустили навстречу неприятелю. Объятые огнем свиньи с визгом устремились на слонов, которые от испуга все разбежались. После того Антигон приказал индийцам кормить свиней вместе со слонами для приучения последних к наружному виду и визгу первых»⁴⁹.

Мы уже знаем, что каких-то галлов направил к Антигону Антиох I. Были ли они теми же самыми галлами, которые восстали в Мегарах, или это был совсем другой контингент, сказать трудно. Во всяком случае, из эпиграммы в честь вождя галлов Брикко очевидно, что он героически сражался с Ареем и, кажется, был верен Антигону.

Победа Антигона Гоната над галлами внесла замешательство в ряды его противников. Патрокл повел переговоры с Ареем и пытался «побуждать лакедемонян и Арея начать битву против Антигона». Сам же он хотел ударить с тыла, поскольку-де неудобно египтянам и морякам сражаться в качестве пехоты. Однако Арей очень холодно отнесся к этим предложениям. Он «считал, что надо беречь храбрость воинов для своих собственных интересов, а не расточать ее так нерасчетливо для чужих». Но, не желая ссориться с египтянами, Арей отвел свое войско под предлогом, что у него кончилось продовольствие⁵⁰. Патрокл также отплыл со своим флотом из аттических вод, и с тех пор до конца войны египтяне, кажется, не появлялись в Греции. Результаты раскопок на полуострове Корони показывают, что отход египтян напоминал скорее бегство побежденных⁵¹. «Птолемей и спартанцы, — пишет Юстин, — уклоняясь от встречи с победоносным вражеским войском, отступили в более безопасные местности»⁵².

Эти события случились не позднее 266 г. до н. э. и свидетельствовали о крупной неудаче антимакедонской

коалиции. Весной 265 г. до н. э. война возобновилась без участия египтян. Спартанцы на этот раз предприняли отчаянную попытку атаковать Антигона под Коринфом, а может быть, и захватить Коринф. Произошла крупная битва, в которой погиб спартанский царь Арей и, кажется, один из сыновей Антигона Алкионей. Сражение спартанцы проиграли, Коринф остался в руках македонян⁵³. После этой победы Антигон, по мнению Тарна, начал даже чеканить памятную монету с головой Посейдона⁵⁴. Коринфская битва, вероятно, явилась тяжким испытанием для Пелопоннесского союза, который немедленно распался после победы македонян. Спарта оказалась вновь в одиночестве. Вместе с тем воспрянули духом промакедонские силы в Пелопоннесе, особенно тираны Аргоса и Мегалополя. Так усилиям противников Македонии был нанесен еще один серьезный удар.

Несмотря на то, что ситуация с каждым годом ухудшалась, Афины героически выдерживали осаду. Спартанцы также, очевидно, решили идти в своей борьбе до конца. После гибели Арея на трон в Спарте вступил его сын Акротат, отвага которого нам известна еще по событиям войны с Пирром. Акротат, не будучи в состоянии что-либо предпринять против Коринфа, атаковал Мегалополь (в 264 или 263 гг. до н. э.). Мегалопольский полководец Аристодем нанес сокрушительное поражение лакедемонянам, и их войско вторично за эту войну потеряло своего царя: Акротат пал в битве с Аристодемом. Павсаний сообщает, что Аристодем забрал в сражении со спартанцами богатую добычу, которую использовал для украшения Мегалополя новыми дворцами и храмами⁵⁵.

Война до сих пор шла чрезвычайно успешно для Македонии. Все ее главные противники, кроме Афин, фактически вышли из борьбы. Но эта война, тянувшаяся уже несколько лет, не могла не изматывать силы самой державы Антигонидов. Видимо, в стране вновь начали поднимать голову враги центральной власти. Это ослабило Македонию настолько, что ее старый конкурент Эпир вознамерился повторить агрессию против своей восточной соседки. Мы не знаем, действовал ли эпирский царь Александр только по собственной воле, или он находился в сговоре с Египтом (так, на-

пример, считает Тарн); во всяком случае, Александр, «желая отомстить за смерть отца своего Пирра, начал опустошать македонские области»⁵⁶. Естественно, Антигон осознал громадную опасность, грозившую его царству, и должен был немедленно вернуться в Македонию. Однако для этого ему пришлось пойти на вынужденный и нежелательный мир с Афинами и снять осаду⁵⁷. Возвратившись на родину, Антигон выступил против Александра, но, по свидетельству Юстина, «солдаты Антигона перешли на сторону врагов, и вместе с войском он потерял и македонское царство»⁵⁸. Возможно, «потеря македонского царства» — обычное преувеличение Юстина. Точнее по этому поводу высказывался Евсевий: «Александр... захватил войско Антигона и овладел некоторыми немногими местами», скорее всего, в Верхней Македонии⁵⁹. Что произошло дальше, не совсем ясно. Антигон, потерпев поражение, куда-то исчезает, а на авансцену истории является его сын Деметрий, который в то время был еще подростком. «Деметрий... в отсутствие отца набрал войско и не только добыл обратно потерянную Македонию, но даже отобрал Эпирское царство у Александра»⁶⁰. Евсевий указывает, что решающую победу над Александром Деметрий одержал при местечке Дердии. Факт руководства войсками со стороны мальчика вызывает, конечно, сомнения, но в династии Антигонидов это не единственный случай: Персей, например, командовал армией в 13 лет⁶¹. Успехи Деметрия в борьбе с Александром следует объяснить, конечно, поверхностностью «господства» эпирского царя над македонскими областями, а также, может быть, какими-то трудностями в самом Эпире.

Но где находился Антигон Гонат в момент крупных побед своего сына? Ответ на этот вопрос дает Полиэн, согласно которому Антигон, вероломно нарушив мир, неожиданно появился с войском под Афинами и вновь осадил город, так что горожане даже не успели собрать с полей урожай хлеба. Обессиленное и истощенное голодом, доведенное до отчаяния население уже не могло сопротивляться новой агрессии. Афиняне «принуждены были принять Антигона в город и исполнять все его приказания», — красноречиво завершает рассказ Полиэн⁶². Разумеется, этот бросок Антигона в Грецию и оставление Македонии на попечение малолетнего Демет-

рия были известным риском для державы Антигонидов. В случае неудачи Деметрия на севере, Антигона неминуемо ждали громадные трудности на юге. Но этот риск, по-видимому, не стоит преувеличивать, ибо, несомненно, что Антигон, в духе своей обычной тактики, прежде всего тщательно гарантировал условия отпора Александру Эпирскому и изгнания последнего из Македонии. Деметрий только выполнил уже разработанную и подготовленную отцом операцию. С другой стороны, Антигону, конечно, было крайне выгодно использовать для новой осады Афин фактор неожиданности, чтобы таким способом сломить волю непокорной, свободолобивой афинской демократии. И мы видим, что также и здесь планы Антигона блестяще удались.

Падение Афин примерно осенью 262 г. до н. э. ознаменовало собою конец Хремонидовой войны в Греции. Однако война шла не только в Греции, но и на Востоке. После смерти Филетера в Пергаме пришел к власти его племянник Эвмен (263 г. до н. э.), «который не только унаследовал от него (Филетера.— В. Ж.) власть над Пергамом, но в это время был даже властителем окружающих областей, так что вступил в сражение с Антиохом, сыном Селевка, около Сард и победил его»⁶³. Антиох I умер в 261 г. до н. э., поэтому война между ним и Эвменом произошла где-то в 263—261 гг. до н. э. Она была вызвана, как это явствует из приведенного отрывка Страбона, захватнической политикой пергамского правителя, который неуклонно расширял свои владения за счет Селевкидов. Победа Эвмена у Сард, т. е. непосредственно под стенами малоазийской столицы Антиоха I⁶⁴, ясно указывает на основной характер политической обстановки в этом регионе. К сожалению, попытки конкретизировать общую картину наталкиваются на серьезные осложнения вследствие недостаточной источниковой информации. Кажется, есть некоторые основания думать, что Птолемей II и тогда снова враждовал с Киренским правителем Магасом⁶⁵ и что усилилось вторжение египтян в Ионию. Если относить письмо Птолемея II в Милет и появление «сына» и Калликрата в Милете к этому темному времени, то подобные предположения получают некоторую доказательность⁶⁶. Но по-прежнему мы не можем утверждать ничего определенного о личности «сына», хотя в *данном*

случае, как будет видно далее, это мог быть не кто иной, как Птолемей, сын Лисимаха⁶⁷. Иония оказалась в руках египтян скорее всего где-то в 60-е годы III в. до н. э., во всяком случае *после* написания Феоокритом своей 17-й идиллии, но до 2-й Сирийской войны⁶⁸. При такой реконструкции восточной политики Египта Антиох I и Магас снова выступают в качестве союзников в борьбе с царством Птолемеев. Повторяется как бы ситуация 1-й Сирийской войны, однако с меньшей выгодой для царей Азии и Кирены. Эвмен в его агрессии против Антиоха объективно оказывается союзником Египта, преследующим вместе с Птолемеем II цель поделить Малую Азию. Не такой ли расстановкой сил на Востоке объяснялась неудача Антиоха около Сард, «увенчавшая» цепь каких-то его поражений в борьбе с Пергамом и Египтом?

Высказанные выше соображения, конечно, пока остаются гипотезами. Еще более смелыми были бы высказывания о связи восточных дел с ходом Хремонидовой войны в Европе. Не пускаясь в теоретические спекуляции относительно союза Антигона с Антиохом и влияния побед Македонии на азиатские события (подобные спекуляции охотно практикуют буржуазные историки), мы ограничимся лишь одним, наиболее вероятным утверждением: ослабление внимания Египта к греческим делам в Хремонидовой войне, кажется, следует объяснять обстановкой на Востоке. Здесь Египет увидел возможности, сулившие больше, чем эфемерные перспективы побед эллинской демократии над Македонией, и, не колеблясь оставил своих греческих союзников, чтобы вовремя отхватить самый аппетитный кусок «восточного пирога».

К 261 г. до н. э. результаты восточносредиземноморской войны и на Западе, и на Востоке в основном определились, что и заставило воюющие державы искать мира. Намеки на этот мир содержатся в священных текстах делосского храма Аполлона; эти немногие тексты сообщают, что в год архонта Тарсинона (261 г. до н. э.) на Делос «снизошли здоровье, мир, богатство»⁶⁹. По мнению некоторых исследователей слово «мир» в этой формуле означает именно такое состояние, которое касалось всех эллинов, всего Восточного Средиземноморья, объединенного вокруг культа Апол-

лона Делосского. Как, где и при каких условиях шли мирные переговоры — об этом остается только гадать. Скучные наши источники сообщают, во-первых, что «с афинянами Антигон заключил мир на том условии, что он введет к ним гарнизон и поместит его на Муссе»⁷⁰; во-вторых, «Александр (после поражения при Дердии.— В. Ж.) бежал изгнанником в Акарнанию, но вскоре был восстановлен на царстве как по желанию самих эпиротов, так и с помощью союзников»⁷¹; в-третьих, что Магас именно в это время примирился с Птолемеем и «просватал за сына последнего свою единственную дочь Беренику»⁷². Из этих отрывочных указаний угадываются реальные дипломатические успехи Антигона, но вместе с тем и те уступки, которые был вынужден сделать македонский царь Египту и его союзникам в отношении Эпира⁷³. Что касается восточных проблем, то Египет теперь почти подчинил себе Кирену и наверняка добился признания своих захватов в Малой Азии, оказав давление на Селевкидов. Пергам, разумеется, также сумел отстоять завоеванное в Малой Азии. Наибольший урон потерпели в этих дипломатических катаклизмах, по-видимому, Селевкиды, оказавшиеся самой ущемленной стороной среди всех «великих держав». Затруднения Селевкидов усугубились еще и тем, что примерно в момент конца войны или при проведении мирных переговоров умер Антиох I. Царем азиатской империи стал его сын Антиох II, вряд ли сумевший сразу добиться успешных решений во внешней политике.

В заключение данного параграфа несколько слов скажем по поводу одного очень мало изученного вопроса истории Хремонидовой войны, а именно: по поводу позиции Этолии в этой войне. Будучи настроена антимакедонски, Этолия тем не менее в боевых действиях не участвовала и даже не воспрепятствовала направлению посольств дельфийских иеромнемонов к царям Антигону и Птолемеему с просьбой обеспечить амфикионам безопасность с обеих сторон⁷⁴. Эту нейтралистскую линию логично объяснить прежде всего тем, что Этолия боялась чрезмерного усиления Эпира в случае полного поражения Македонии. Но могли быть и другие причины, нам, по понятным основаниям, неизвестные.

Мир 261 г. до н. э. не разрушил многих из существовавших международных затруднений и породил новые. Держава Антигонидов, победив на суше, стала питать надежды на расширение своего влияния на море и вызвала в этой связи большие опасения Египта. Селевкиды явно стремились к реваншу за крупные неудачи 60-х годов. Большие волнения намечались в Малой Азии и Северной Африке. По этим причинам мир 261 г. до н. э. был весьма скоро нарушен очередной захватнической войной, в которой, кажется, не было уже ничего справедливого, ничего освободительного, но только жажда аннексий и грабежей.

§ 3. Вторая Сирийская война

Накануне новой стадии международных конфликтов Антигон стал в большей части Эллады полным владыкой. В результате Хремонидовой войны Антигона против греков чрезвычайно пострадали Афины. Павсаний и Полиэн сообщают о разрушениях древних памятников культуры, о голоде среди населения⁷⁵. Кроме того, после заключения мира в Афинах начались репрессии против демократов. Вожди антимакедонского движения Хремонид и Главкон бежали в Египет. Так поступили, вероятно, и многие их сторонники, но далеко не всем удалось покинуть Афины. Историк Филохор, например, был казнен «вследствие происков Антигона». В политическом устройстве города произошли изменения: была восстановлена строго олигархическая конституция. Папирус из архива Филодема свидетельствует, что Антигоном были «начальства назначены». Старых должностных лиц, по-видимому, сместили, и к власти пришли люди, которые, подобно впуку Деметрия Фалерского, были ярыми сторонниками олигархии. Город Антигон оцепил македонскими гарнизонами; они стояли всюду: в Пирее, Мунихии, на Рамне, Саламинс, Сунии, Мусее и т. д. Афины даже утратили право чеканки своей монеты. Вместе с тем Антигон стремился сохранить прежнюю демагогическую политику в отношении Афиц. При его содействии, например, были организованы пышные похороны философа Зенона, популярного среди большинства афинян⁷⁶.

В Аргосе, Мегалополе, а возможно и в других городах, продолжали править тираны, ставленники Македо-

нии; в Коринфе по-прежнему владычествовал Кратер, но он примерно в эти годы умер и передал власть своему сыну Александру. Антигон, вероятно, вернул себе Хистию на Эвбее и расширил границы Македонии в сторону Адриатики. В целом Греция была усмирена Антигоном. Эпир был низведен до роли второстепенного государства, а Спарта крайне ослабла и, кажется, надолго отошла от активной международной политики. Лишь Этолия, благодаря своему нейтралитету в Хремонидовой войне, сумела сохранить военный потенциал и неуклонно расширяла свое влияние и силу. Она включила в свой состав Восточную Локриду и часть Фокиды и в 254 г. до н. э. уже имела, согласно Белоху, девять голосов в амфикионском совете⁷⁷. Ф. Ф. Соколов, ссылаясь на сведения Плутарха и на некоторые амфикионские надписи, относит к концу 60-х — началу 50-х годов III в. до н. э. крупное вторжение этолийцев во главе с Хариксеном в Лаконику; результатом этого вторжения был страшный грабеж Спарты, поскольку этолийцы вывезли отсюда 50 000 пленных, перизков и илотов⁷⁸. Неудивительно, что Спарта после этого пришла в еще больший упадок и запустение. Отношения Этолии с Македонией, очевидно, продолжали оставаться лояльными. Но никаких конкретных сведений на этот счет в источниках, к сожалению, не имеется.

Обстановка в Греции позволяла теперь Антигону использовать ее как удобный плацдарм для борьбы за господство на море, что являлось немаловажным моментом македонской внешнеполитической стратегии. Однако успех этой борьбы во многом зависел от поведения «великих» восточных империй и вообще от положения на Ближнем Востоке. Здесь, как отмечено в конце предшествующего параграфа, вскоре после 261 г. до н. э., вспыхнула новая война, именуемая обычно Второй Сирийской. Составным, а может быть, одним из исходных пунктов этой войны был мятеж в Азии «сына Птолема в сообщничестве с Тимархом»; так нам сообщает Помпей Трог⁷⁹. По Трогу ясно также, что мятеж случился где-то между двумя событиями: смертью Антиоха I (261 г. до н. э.) и смертью Деметрия Красивого в Кирене (259/8 г. до н. э.). Следовательно, датировка мятежа сына Птолема против своего отца достаточно определена. В предыдущих разделах отмечалось, что Птоле-

мем сын Лисимаха, не может быть тождествен с сопратителем Птолемея Филадельфа, вследствие данных надписи М. Сегре. Но вовсе не исключено, что мятежник, восставший в Азии, был именно Птолемеем, сыном Лисимаха и приемным сыном Птолемея Филадельфа. Ведь у Филадельфа не было других родных сыновей с именем Птоломей, кроме Птолемея III. Однако считать мятежником Птолемея III у нас нет никаких оснований. Очевидно, «νίος» египетских папирусов — лицо для нас пока неизвестное, но наиболее вероятен все же Птоломей III. Может быть, термин «νίος» — только простой символ, подразумевавший формальное сопратвление малолетнего Птолемея III до 259 г. до н. э.; исчезновение же термина в этом году из египетских документов нужно объяснять не мятежом «сопратвителя» в Азии, как думали исследователи прежде, а может быть, лишь изменением политического и личного статуса Птолемея III ко времени его помолвки с киренской принцессой Береникой. Из этой реконструкции видно, что именно приемный сын Птолемея Филадельфа мог восстать в Азии, а таковым был сын Лисимаха и Арсиной. Возможно, что как раз о нем упомянуто в письме Птолемея II в Милет, если относить это письмо к концу 60-х — началу 50-х годов III в. до н. э. Он же, видимо, правил в Эфесе, где и умер, согласно Афинею. Эфес сделал своей резиденцией, тогда как Тимарха, кажется, поставил тираном в Милете⁸⁰. Сохраняя за Птолемеем, сыном Лисимаха, историческую роль мятежника, мы придерживаемся объективной логики поведения этой весьма одиозной и темной фигуры III столетия до н. э. Вряд ли причинами мятежа были те, на которые указывал Тарн, а именно: утрата сыном Лисимаха надежд на египетский трон, поскольку-де Филадельф отстранил его от сопратвления и сделал в 259 г. до н. э. сопратвителем своего родного сына, будущего Птолемея III⁸¹. Ввиду отмеченных выше обстоятельств, Птоломей, сын Лисимаха, никогда не был сопратвителем египетского царя, и, следовательно, не мог претендовать на египетский трон. Надежды его изначально покоились на другом. Как известно, и Арсиноя, и ее сын намеревались под эгидой Египта утвердить господство в землях прежней империи Лисимаха. Неудачи Первой Сирийской войны и войны египтян с Македонией в Греции в 60-е годы III в. до н. э. не смутили самодовольного и честолюбив-

вого сына Арсинои. Он все-таки добился для себя владычества над ионийскими городами, не без помощи Птолемея Филадельфа, и, казалось, начал на деле воплощать программу своей матери. Поддержка приемного отца была ему, безусловно, по-прежнему необходима. И вдруг произошел его мятеж, шаг, представляющий собою совершенно невероятную авантюру! На что же рассчитывал и к чему стремился мятежник, какие трагикомические мотивы двигали им? По-видимому, лишь крупное изменение обстоятельств сделало его врагом Египта и притом весьма скоро после завоевания им высокого положения в Ионии. Что же произошло или, по крайней мере, могло произойти?

Нам представляется, что странное поведение Птолемея, «сына» Филадельфа, можно объяснить только случившимся тогда поворотом в борьбе Македонии с Египтом за преобладание на море. История этой борьбы крайне туманно освещена в источниках и вызвала долгую полемику в науке. Ниже дается краткое резюме современного состояния проблемы. У Афиней сохранился анекдот о том, как однажды египетский флотоводец Патрокл послал Антигону «странный» подарок — фиги и рыбу. Антигон, якобы, расшифровал это «дипломатическое письмо» следующим образом: либо македоняне овладеют морем, либо будут питаться фигами, точно нищие⁸². Совершенно справедливо исследователи расценивают это сообщение как факт, непосредственно относящийся к зарождению морской войны между Македонией и Египтом. Наибольшее внимание науки приковал вопрос о так называемых битвах Антигона на море у островов Андроса и Коса. Главным источником сведений об этих битвах является Плутарх. Он трижды, в разных произведениях, рассказывает одну и ту же историю: накануне морской битвы некий младший военачальник спросил Антигона: «Разве ты не видишь, что вражеский флот сильнее?» — на что Антигон, якобы, хвастливо ответил: «А за сколько кораблей ты считаешь меня?»⁸³ Изложение Плутарха во всех трех вариантах этой истории имеет отличия, ведущие к путанице, противоречиям и породившие немало гипотез. Так, в одном рассказе Плутарх говорит, что битва состоялась при Косе, в другом, что она была при Андросе; в третьем вообще место сражения не названо. Имя царя также преподносится на разный

манер: то он Антигон Второй, то просто Антигон, Антигон Старик (ουνηρων). Довольно странную историю, относящуюся к битве при Косе, рассказывает и Афиней: Антигон после победы над полководцами Птолемея у мыса Левколла на Косе, пожертвовал здесь свой флагманский корабль Аполлону⁸⁴. В 27-м прологе Помпея Трога мельком сказано, что «Антигон победил Софрона при Андросе в морском бою»⁸⁵. Наконец, у Диогена Лаэртского тоже говорится о какой-то морской победе Антигона Гоната, но... не названо место битвы⁸⁶.

Опираясь на эти отрывочные сведения, Дройзен помещал битву при Косе в самый разгар Хремонидовой войны, а сражение при Андросе — в 40-е годы III в. до н. э. По поводу последней даты с ним соглашались Соколов, Тарн, Низе и другие. Что касается битвы при Косе, то Соколов и Белох датировали ее 50-ми годами III в. до н. э., на основе неопределенных указаний Диогена Лаэртского. Особую точку зрения на битву при Андросе выдвинул Белох: он считал, что это была битва Антигона Досона. В статье Е. Бикермана, посвященной обоим сражениям, операция при Косе вновь была поставлена на период Хремонидовой войны, а о битве при Андросе Бикерман в гиперкритическом духе вообще отказывался рассуждать. Интересное мнение, к сожалению прошедшее незамеченным, высказал В. Фельман. Он предположил, что было не две битвы, а только одна — в водах между рядом лежащими островами Андросом и Кеосом. «Кос» — ошибка переписчиков рукописей. Кроме того, на Косе нет никакого мыса Левколла и поклонялись здесь в древности не Аполлону, а Асклепию. Фельман приводит также и то соображение, что у Плутарха повторение одной и той же истории применительно к битве при Андросе и к битве при Косе далеко не случайно: это свидетельство того, что была именно одна битва, а не две. Наконец, по мнению Фельмана, совершенно фантастично, чтобы слабый македонский флот мог без всяких помех пересечь все Эгейское море, достичь Коса и здесь суметь дать решающее сражение мощной египетской эскадре; напротив, битва в водах Андроса и Кеоса, лежащих поблизости от Аттики, как раз наиболее вероятна⁸⁷.

Проблема была такова, что наилучшим средством ее решения могло явиться только нахождение новых источников. В 1942 г. Ларсен опубликовал египетский папи-

рус, прокомментированный позднее А. Момильяно. Папирус содержал фрагменты какой-то птолемеевской хроники, один из разделов которой был озаглавлен так: βιοε Πτολεμαίου ἐπιβλήσιν Ἀνδρῶμαχον («Жизнь Птолея, по прозванию Андромаха»). Папирус сохранился плохо, но все-таки можно было разобрать, примерно, следующее: «...И сражался на море... Андроса... Став жертвой заговора от... на Эфесе был зарезан... по злему умыслу...»⁸⁸. Самым любопытным в этом тексте явилось совпадение его содержания с одним сообщением Афиня; согласно последнему, Птолемей, сын Филадельфа, командовал на Эфесе, но против него злоумышляли наемники-фракийцы, от которых он бежал в храм Артемиды, где и был зарезан вместе со своей любовницей⁸⁹. Выводы которые следуют из приведенных выше фактов, поистине поразительны. Теперь оказывается, что Птолемей, «сын» Филадельфа или, точнее, сын Лисимаха и Арсиной, прежде чем быть убитым на Эфесе фракийцами, участвовал в морской битве при Андросе, за что и получил, вероятно, прозвище «Андромах». Тем самым битва при Андросе датируется совсем не так, как это думали прежде: не временем Антигона Досона и не 40-ми годами III в. до н. э., а периодом ранее 253 г. до н. э., поскольку в *этом* году Эфес уже вновь принадлежал Селевкидам⁹⁰. Попытаемся, далее, уточнить дату битвы. Момильяно, как нам кажется, делает ошибку, датируя ее 258 годом до н. э., поскольку предполагает, что Птолемей Андромах сражался при Андросе *на стороне* Антигона Гоната, следовательно, против Птолемея Филадельфа. Такая ситуация представляется, однако, весьма маловероятной, особенно в свете того, что было сказано о жизни Арсиной и ее сына. Гораздо правдоподобнее считать, что битва при Андросе случилась еще до мятежа Птолемея Андромаха против его приемного отца, т. е. тогда, когда Птолемей Андромах был еще ставленником Египта в Малой Азии и, может быть, одним из полководцев Птолемея Филадельфа в борьбе последнего с притязаниями Антигона на море. Участвуя в морской битве при Андросе, Птолемей Андромах был свидетелем гибели своих замыслов и целей, поскольку египетский флот потерпел поражение, Антигон Гонат обрел господство на море, и всякие надежды на ниспровержение его могущества рухнули. Около 259 г. до н. э. Деметрий Красивый из Македонии совер-

шенно беспрепятственно добрался до Кирены; вряд ли он мог бы легко сделать это, если бы флот египтян еще владычествовал над морем⁹¹. Поэтому, конечно, морская битва при Андросе была до 259/58 г. до н. э., но, разумеется, после мирного договора 261 г. до н. э. Предпочтительнее всего датировать ее 260 годом до н. э., что косвенно обосновывается данными одного анекдота Плутарха. В этом анекдоте мы читаем, что плющ, растение истмийского венка, сам собою пророс из корпуса флагманского корабля Антигона, за что корабль получил название «Истмия»⁹². Еще Тарн считал «Истмию» тем самым кораблем, который Антигон после битвы при Косе пожертвовал Аполлону; отсюда Тарн выводил, что битва при Косе состоялась во время Истмийских игр, происшедших один раз в два года⁹³. Памятуя об умозаключениях Фельмапа, мы вправе отождествлять сообщение о битве при «Косе» с рассмотренными выше сведениями о битве при Андросе; в этом случае битва при Андросе могла состояться во время Истмийских игр 260 г. до н. э. Ни 262 год до н. э., ни 258 год до н. э. не могут быть приняты во внимание, так как до осени 262 г. до н. э. Афины еще, видимо, не были взяты Антигоном⁹⁴, а в 259/58 г. до н. э. Птолемей Андромак был уже мятежником и Деметрий Красивый правил в Кирене.

Итак, выше установлено, что Птолемей, сын Лисиша, под египетским покровительством еще раз выступил против Антигона Гоната, надеясь нанести ему поражение на море; но в битве при Андросе в 260 г. до н. э. египтяне потерпели крупную неудачу, и авантюра Птолемея, сына Лисиша, провалилась. Победитель Антигон возблагодарил Аполлона, пожертвовав ему флагманский корабль, и в честь своей морской победы начал чеканить новую серию монет с изображением Аполлона, сидящего на корме корабля⁹⁵. Последствия же поражения для Птолемея, сына Лисиша, нетрудно себе представить. Общество смеялось над ним и «присвоило» ему ядовитое прозвище «Андромах». Немало огорчений принесло этому незадачливому авантюристу, вероятно, и свидание с приемным отцом (если таковое, конечно, состоялось). Какие упреки и взаимные оскорбления нанесли друг другу «отец» и «сын», мы не знаем. Но, видимо, именно в такой обстановке и произошел разрыв их долговременных отношений. Птолемей Филадельф, как это нередко быва-

ло с ним и с его преемниками, должен был отказать в поддержке сыну Арсинои, и этим самым поставил последнего перед необходимостью объявить себя независимым правителем Ионии. С египетской точки зрения данный поступок трактовался как мятеж сына против отца; именно в такой интерпретации мы и узнаем об этих событиях из источников. Выше отмечалось, что Птолемей Андромах, утвердившись в Эфесе, действовал в союзе с Тимархом, тираном Милета. Тимарх был по происхождению этолийцем и, кажется, пиратом, а следовательно, не меньшим авантюристом, чем его «эфесский друг». О Тимархе рассказывали, что он, высадившись с войском в одну многолюдную страну, сжег свои корабли, чтобы увеличить храбрость солдат. Решившись захватить Самос у египтян, он проник в Самосскую гавань и применил при этом довольно примитивную, но наглую военную хитрость⁹⁶.

Действия Птолемея Андромаха и Тимарха в Малой Азии, конечно, сопровождалось потрясением всей системы заморских владений Египта и поставили всю внешнюю политику этой страны под угрозу. К несчастью для Птолемея Филадельфа, в то время умер киренский правитель Магас, с которым у египетского царя установились отношения, вполне устраивавшие прежде всего египтян. Жена Магаса Апама⁹⁷, настроенная антиегипетски, нашла подходящий повод, чтобы порвать с Птолемеем Филадельфом: она отказала его сыну, будущему Птолемею III, в чести быть мужем дочери Магаса Береники. Тем самым Кирена стала вновь в позицию открытой вражды к Египту. В поисках союзников Апама обратилась прежде всего к Македонии, которая только что успешно воевала с державой Птолемеев на море. Юстин рассказывает⁹⁸, что Апама предложила Беренику в жены Деметрию, брату Антигона Гоната, по прозвищу Красивому. Деметрий спешно примчался в Кирену, был здесь обласкан и, кажется, провозглашен царем. Согласно Евсевию, Деметрий не терял времени даром: он много воевал в Кирене и «всю Ливию захватил»⁹⁹. Вряд ли его врагами были только ливийские кочевники; скорее всего, у Евсевия подразумевается непосредственно война Деметрия с египтянами. Македонии было крайне выгодно закрепиться в Киренаике как на плацдарме и нанести Египту такие удары, которые могли для него оказаться

смертельными. Деметрию сопровождал несомненный успех; и, видимо, это заставило Птолемея Филадельфа изменить тактику. Юстин изображает дальнейшие события таким образом: «Однако, уверенный в своей красоте, которая больше, чем следует, начала правится его будущей теще, он (Деметрий), гордый от природы, стал слишком надменно вести себя по отношению к царской семье и войску, и притом старался понравиться не столько девушке, сколько ее матери. Это показалось подозрительным сначала самой девушке, а потом населению и солдатам и вызвало ненависть к нему. Поэтому всеобщее мнение склонилось в пользу сына Птолемея, а против Деметрия составилась заговор»¹⁰⁰. Во время мятежа, который, якобы, возглавила сама юная Береника, Деметрий был убит в спальне Апамы (259/8 г. до н. э.), а самой вдове Магаса, по настоянию Береники, мятежники сохранили жизнь.

Ниспровергнув македонское влияние в Кирене, Птолемей Филадельф спас свое государство от прямой угрозы с запада, но не предотвратил общего кризиса внешней политики Египта. Даже Кирена долго еще оставалась непокорной. Сначала ее жители призвали для наведения у себя порядка этолийца Ликопа, но стали жертвами его тирании. Потом сюда из Греции прибыли философы Экдем и Демофан, пытавшиеся дать стране новое законодательство. Все эти смуты кончились подчинением Кирены Египту, но это случилось не ранее, как через 10—12 лет после смерти Деметрия Красивого¹⁰². Не исчезла опасность Египту со стороны Эгейского моря. Антигон к тому времени, возможно, сумел захватить Андрос¹⁰³, начал распространять влияние на Делос. Здесь около 258 г. до н. э. им были учреждены празднества Антигона и Стратоникея. И все же еще в первые годы своего правления (середина 40-х годов III в. до н. э.) Птолемей III Эвергет имел основание заявить: «Я получил от отца царство Египетское, и Ливию, и Сирию, и Финикию, и Кипр, и Ликию, и Карию, и Кикладские острова...» Это указание свидетельствует, что из-за Делоса и Киклад между Египтом и Македонией велась ожесточенная борьба; Птолемеевское государство не переставало считать Киклады своими, хотя бы формально. Впрочем, к Делосу протягивали руки и другие державы. Некий знатный этолиец Николай основал на Делосе празднество Николайю

и доставил на остров этолийский декрет, в котором Делосу гарантировалась безопасность от этолийских пиратов. Правители Пергама стремились оказывать влияние на Делос и учредили свое празднество: Филетерию¹⁰⁴. Объектом острых конфликтов был, вероятно, и остров Крит. Антигон вряд ли «обошел вниманием» этот регион, города которого приняли активное участие в Хремонидовой войне.

Непрерывно нараставшие внешнеполитические трудности Египта использовал молодой правитель Селевкидской державы Антиох II. Он с торжеством наблюдал, как рушится могущество империи, и нашел выгодным и своевременным вмешаться в борьбу держав Восточного Средиземноморья. Союзниками его считались прежде всего родосцы, давно тяготившиеся Птолемеевой гегемонией; Антиох II и родосцы совместными усилиями осадили Эфес, который, очевидно, после убийства Птолемея Андромаха фракийцами на время перешел в руки Египта. Египетским флотом, по сообщению Полиэна, командовал в гавани Эфес знаменитый афинянин Хремонид. Родосский наварх Агафострат, находясь при Эфесе и видя, что флот Хремонида двинулся против родосцев, сделал вид, что отступает со своими кораблями и дал повод Хремониду считать себя победителем. Но затем Агафострат неожиданно предпринял нападение на вражеский флот и разбил египтян¹⁰⁵. После этой победы родосцы и Антиох атаковали город с двух сторон — с суши и с моря — и взяли Эфес¹⁰⁶. Вероятно, тогда же Антиох осадил Милет и, овладев этим городом, «уничтожил тирана Тимарха», за что был прозван «благодарными милетянами» Богом («Теосом») ¹⁰⁷. По словам Иеронима, Антиох вел войну с Птолемеем Филадельфом много лет¹⁰⁸. Но о самой войне, кроме вышешложенного, ничего конкретного неизвестно. Ее грандиозные масштабы отчасти выясняются из ее результатов. Различные документы свидетельствуют, что Антиох II вернул себе Ионию, часть Киликии, Памфилию, Птолемею III Эвергету потом пришлось отвоевывать их у Селевкидов. Кажется, Антиох овладел и Самофракией. Монеты Антиоха чеканились в Кизике, Лампсаке, Александрии, Троаде, Абидосе, Скепсисе, Кимах, Митилене, Фокее, Эфесе, Тсосе, Магнесии Меандрской, Алабанде, Книде и др. Арад Финикийский получил около 259 г. до н. э. «автономию»

от Селевкидов, но остался в фактической зависимости от них. Широко предоставлял Антиох II «автономию» и другим городам. Как ни была она ограничена, память о ней сохранилась вплоть до римских времен. Имеются также следы проникновения Селевкидов на острова Эгейского моря, в частности, возможно, на Самос. Из рассказов Либания можно видеть, что Антиох II вмешивался в дела Кипра и вывез отсюда в Антиохию статуи богов. Два ближайших сподвижника Антиоха — Арист и Темисон — были выходцами из Кипра. Выше отмечалось, что Птолемей Эвергет считал Кипр принадлежащим Египту еще до своего восточного похода; очевидно из-за господства на Кипре Селевкидам пришлось вести борьбу с Птолемеями. Такая же борьба Антиоха развернулась на Крите; известен декрет о союзе Антиоха с критским городом Литтом. Наконец, посредством помощи своих союзников родосцев Антиох стремился укрепиться и на Кикладах ¹⁰⁹.

Столь энергичное наступление Антиоха II на египетские позиции в Восточном Средиземноморье означало полное поражение Египта в войне. Если бы мы лучше знали Вторую Сирийскую войну, то, вероятно, могли бы судить и о действиях противника в Сирии. Но, как это ни парадоксально, традиция никаких сведений об этом не сохранила. Мирный договор был, кажется, заключен в год делосского архонта Пахета — 255/4 г. до н. э.; подобно договору 261 г. до н. э. мир Пахета нашел отражение в хорегических надписях ¹¹⁰. Ни место, ни характер дипломатических соглашений, однако, неизвестны. Быть может, именно в соответствии с условиями этих соглашений Антигон вывел гарнизон из Мусея в Афинах, как акт возвращения «свободы» афинянам ¹¹¹. Антиох II должен был подтвердить автономию греческих городов Малой Азии, а Птолемей II — независимость Кирены ¹¹². Широковещательный характер этих мероприятий на деле означал лишь смену форм гегемонии царей над эллинскими полисами.

Естественно, Птолемей II должен был признать важнейшие завоевания Антигонидов и Селевкидов и таким образом разделить с ними господство в регионе Эгейды. Сферы влияния Египта сузились, владения противников, наоборот, расширились,

Есть основания думать, что во Второй Сирийской войне существовал союз Македонии, державы Селевкидов, Родоса и Кирены против Египта. Об этом свидетельствует помощь Антигона Кирене во время Птолемеевского вмешательства в дела этой страны. Об этом же красноречиво говорит и вражда родосцев и Антиоха против Хремонида, поставленного во главе флота не только для деятельности на Востоке, но и для реставрации антимакедонской борьбы в Греции. Учреждение Антигоном в 258 г. до н. э. двух празднеств на Делосе — Антигонеи и Стратоникеи — должно было продемонстрировать, помимо прочего, твердость связей двух царствующих домов: Антигонидов и Селсвкидов¹¹³. Некоторые исследователи относят к этому времени брак Деметрия, сына Антигона, и Стратоники Младшей; мы по ряду причин с этим согласиться не можем.

Птолемею Филадельфу было особенно опасно существование широкой коалиции его противников. В условиях военных поражений правитель Египта прибег к ловким дипломатическим маневрам, чтобы посеять рознь между Македонией и Селсвкидской империей. Птолемей II старался приблизить к себе Антиоха и женил его на своей дочери Берснике, дав за нею огромное приданое. Египетский царь разыгрывал из себя друга и союзника Антигона Гоната, что особенно проявилось в вифинских событиях (о них подробнее см. ниже)¹¹⁴. Такими средствами Египет стремился не допустить своей полной международной изоляции и вместе с тем подготовить основу для нового решительного наступления в Восточном Средиземноморье.

ГЛАВА V

ОТВЕТ ПТОЛЕМЕЕВ

§ 1. Новое освободительное движение

В конце 50-х — начале 40-х годов III в. до н. э. вновь обострилась обстановка в Северной Эггиде. По данным Мемнона, примерно тогда вспыхнула война Византия с Каллатисом, окончившаяся поражением Каллатиса, несмотря на третейское вмешательство Гераклеи; внутренние раздоры между городами, некогда входившими в могучий союз, объединенный вокруг Вифинии, сопровождались междоусобицами в самой Вифинии. Здесь умер царь Никомед, и тотчас вспыхнула борьба за власть между Зеилом, его старшим сыном, и двумя младшими сыновьями от другой жены. Предвидя возможность смуты, Никомед еще при жизни поручил своих младших сыновей наблюдению таких могущественных правителей, как цари Антигон и Птолемей, а также опеке городов Гераклеи и Кисра. Зеил бежал в Армению, а затем набрал наемное войско галатов и повел войну за господство в Вифинии. «Опекуны» (в том числе, очевидно, Птолемей и Антигон) встали на «защиту» младших сыновей Никомеда. Война приняла весьма серьезный характер. Возможно, за спиной Зеила стоял Антиох II; как известно, Селевкиды были в то время в дружбе с армянскими монархами и могли оказать также помощь Зеилу (хотя бы деньгами, на которые Зеил набрал наемников).

Наряду с этой войной, шли в северозгейском регионе и другие локальные войны. Каппадокия и Гераклея с огромным напряжением сил боролись против набегов галатов и, наконец, откупились от варваров громадной суммой денег¹.

Наконец, в войну вступил Антиох II. Мы знаем из отрывочных источников о его действиях во Фракии. По-

лиэн рассказывает, что Антиох осаждал фракийский город Кипселы и с помощью хитрости привлек кипсели-тов на свою сторону². В Адулитанской надписи Птолемея III подтверждается, что Египет в Третьей Сирийской войне отвоевал Фракию у преемников Антиоха; очевидно, Фракия или какая-то часть ее действительно была завоевана Антиохом II³. Тем не менее успехи Селевкида были весьма относительны. Мемнон сообщает, что Антиох воевал с византийцами и гераклеотами, но «война не пошла дальше угроз»⁴. Известна надпись, обнаруженная болгарскими археологами, из которой следует, что Антиох II, находясь в союзе с городами Аполлонией и Месембрией, оборонялся от каких-то врагов⁵. Какова была роль Пергама в этой сложной и запутанной игре, совершенно не ясно. Может быть, как предполагает Э. Хансен, Пергам продолжал враждовать с Селевкидами⁶; но несколько не исключена и политика нейтралитета, которую стало выгодно проводить Эвмену.

Атаки Антиоха на Западе должны были возбудить против него недоверие Македонии, расположенной в непосредственном соседстве с театром военных действий — Фракией. Мы предполагаем, что это вызвало даже войну между державами Антигонидов и Селевкидов — войну, которую ждал и которой, конечно, радовался Египет. Но об этой войне речь пойдет несколько позднее. Теперь же нам предстоит выяснить события и дела, на фоне которых происходила новая Северозгейская война.

Наиболее характерным из таких событий явилось начало отпадения Бактрии и Парфии от державы Селевкидов. Это освободительное движение глубоко проанализировано в монографии А. Г. Бокщанина «Парфия и Рим»; совершенно справедлив вывод ученого относительно того, что отпадение Парфии и Бактрии решающим образом состоялось в годы 3-й Сирийской войны, но предпосылки отделения и первые шаги на пути к нему имели место несколькими годами ранее⁷.

Дезинтеграционные процессы развернулись и в конгломерате греческих государств, подчиненных Македонии. Формы македонского господства в Элладе, установленные в царствование Антигона Гоната II, казалось, незыблемые, начали разлагаться. Ранее всего процесс распада коснулся Коринфа — ядра системы македонской гегемонии. Согласно сообщению Помпея Трога, в Корин-

фе поднял мятеж против Антигона Гоната его племянник Александр, сын Кратера; это вызвало продолжительную войну Антигона против Александра⁸. Время начала мятежа фиксируется у Трога между моментом смерти Арея под Коринфом (265 г. до н. э.) и периодом захвата Сикиона Аратом (251 г. до н. э.). Интервал достаточно велик, чтобы дать простор для различных мнений. Дройзен относил возмущение Александра Коринфского к Хрмонидовой войне, но анализ, проделанный Соколовым, Тарном и Низе, показал, что более вероятное время начала мятежа — вторая половина 50-х годов III в. до н. э.⁹ В противном случае успехи Македонии во время Второй Сирийской войны были бы невозможны, равно как и «освобождение» Афин около 255 г. до н. э. вряд ли состоялось бы. С другой стороны, исследователями было доказано, что Никокл, тиран Сикиона, свергнутый Аратом лишь в 251 г. до н. э., являлся ставленником Александра Коринфского¹⁰.

Что же известно об эфемерном «государстве» Александра? Плутарх, Свида, Афиней свидетельствуют, что Александр провозгласил себя царем Коринфа, а также Эвбеи¹¹. До нас дошло благодарственное постановление эвбейского города Эретрии в честь какого-то Арридея, сына Александра, македонянина, бывшего доблестным человеком в отношении к царю Александру, благодетелю народа эретрийского, и к лицам, окружающим царя. Любопытно, что этот Арридей мог быть одним из тех, кто в начале 70-х годов III в. до н. э. конкурировал с Антигоном в борьбе за трон Македонии. Вот кого приютил и возвысил Александр, чтобы сокрушить владычество своего дядюшки в Пелле!

Дополняют наше представление об Александре и его войне в Элладе также афинские надписи. Одна из них представляет собой хвалебное постановление в честь аргосского тирана Аристомаха, другая — декрет в честь афинского стратега Гиераклита. Из надписей следует, что Афины и Аргос сражались против Александра, очевидно, на стороне Антигона. Александр высылал против Афин пиратские корабли из местечка Эпилимния, но Гиераклит оказал должное сопротивление врагам и имел определенные успехи. Чтобы сокрушить Афины, Александр предложил Аристомаху сепаратный мир, однако Аристомах отказался и, выплатив Александру какие-то

деньги, которые коринфский «царь» требовал у афинян (быть может, контрибуцию), содействовал заключению «общего мира» с участием Афии¹². Картина сама по себе весьма любопытная. Но особенно интересен тот факт, что Антигон Гонат в афилских надписях совершенно не упоминается. А кому, как не ему, оказать бы самую деятельную помощь своим эллинским союзникам в их борьбе с Александром! Объяснение допустимо лишь одно: Антигона долго отвлекали от греческих дел какие-то чрезвычайные обстоятельства. Лишь спустя известное время Антигон получил возможность непосредственно вмешаться в греческую войну и повел энергичную осаду Коринфской крепости. Утрата Коринфа для Антигона была тяжелой потерей, ибо Коринф являлся ключом к господству над всей Элладой. Поэтому македонский царь не гнушался никакими средствами, лишь бы вернуть Коринф. В те времена распространялись слухи, что Антигон даже отравил Александра, с целью обезглавить мятежное движение; вряд ли эти слухи безосновательны. По сообщениям Полиэна и Плутарха, следовавших, вероятно, Филарху, Антигон, после смерти Александра, повел переговоры с его вдовой — Никеей — и с крайней настойчивостью принялся уговаривать ее вступить в брак с юным македонским царевичем Деметрием. Получив согласие пожилой вдовы, Антигон устроил пышный свадебный пир, и в то время как бесчисленное множество граждан находилось на празднестве в городе, хитростью проник с отрядом в Акрокоринф и овладел им. А затем, оставив всякие мысли о свадьбе, пил и веселился прямо на улицах, радуясь успеху задуманного. В Коринфе он вручил власть полководцам Архелаю и Феофрасту, а также своему другу философу Персею; в крепости же разместил воинов, казавшихся ему самыми надежными¹³.

Соколов, а вслед за ним и другие историки, считают, что Александр Коринфский умер примерно в 249/8 г. до н. э. и вскоре после этого Коринф был уже снова под властью Антигона. Здесь македонский царь однажды произнес пренебрежительную «филиппику» по адресу Птолемея, имея в виду отвлечь от них Арата Сикионского и расположить к себе. Разумается, эта «филиппика» не могла быть произнесена позднее 246 г. до н. э., поскольку могущество Египта в первые же месяцы правления Птолемея III Эвергета резко возросло в связи с

грандиозным восточным походом этого царя. Отсюда представляется совершенно бессмысленной реконструкция Г. Де Санктиса, который, опираясь на последовательность изложения у Плутарха (далеко не всегда строгую хронологически), думал, что Александр, сын Кратера, только приступил к правлению в Коринфе после 245 г. до н. э. Возникает, кроме высказанных выше аргументов, также законный вопрос: сколько же Александр правил в Коринфе и когда он успел провести войну с Афинами, Аргосом, а также и многие другие деяния, если уже в 243/2 г. до н. э. Коринф перешел в руки Арата Сикионского, отнятый последним у Антигона? ¹⁴

Казалось бы, реставрация македонского господства в Коринфе содействовала упрочению прежних порядков Греции и водворению «спокойствия». Но это была лишь обманчивая внешность. Старая система македонской гегемонии в Элладе себя изжила и неуклонно разрушалась. Под «прикрытием» мятежного выступления Александра Коринфского, в различных пелопоннесских городах активизировались антимакедонские «партии». В Мегалополе по инициативе философов Экдема и Демофана около 252 г. до н. э. был убит тиран Аристодем, один из вернейших «друзей» Антигона Гоната. Вслед за тем началось освободительное движение в Сикионе, о котором известно наиболее подробно из Плутарха и Полибия, поскольку оно связано с началом деятельности знаменитого вождя Ахейского союза Арата.

Арат, сын знатного сикионянина Клиния, еще в детстве оказался жертвой преследований со стороны сикионского тирана Абантида и бежал в Аргос, в изгнание. Достигнув юношеского возраста, Арат воспламенился самоотверженной мыслью избавить родной город от тирании и вернуть ему свободу. Тем временем обстановка в Сикионе складывалась все более благоприятно для осуществления замыслов сикионских изгнанников. Философы Диний и Аристотель однажды убили Абантида почти открыто на городской площади. Отец Абантида попытался было перехватить власть и подавить волнения, но потерпел неудачу. Смутой воспользовался авантюрист Никокл, который, быть может, не без прямой помощи Александра Коринфского, утвердил свою тиранию. Однако господство Никокла было крайне непрочным, тем более что врагами его стали этолийцы, которые в этом качестве,

видимо, выступали лишь постольку, поскольку они враждовали с Александром Коринфским. Этой ли вряд ли понравились экспансионистские устремления «царя» Коринфа и Эвбеи, поэтому она объективно оказалась в лагере союзников Антигона Гоната. Арат, задумав к этому времени вторжение в Сикион и уничтожение власти Никокла, рассчитывал найти в этолийцах и Антигоне своих сообщников. Источники подтверждают это: Арат действительно хотел вступить в переговоры с Антигоном и даже с Птолемеем о помощи, но ... «Антигон, несмотря на щедрые обещания, выказал полное равнодушие к делам сикионян и упустил время, а Птолемей и Египет были слишком далеко». Напомним, в связи с этим, что точно также Антигон был «равнодушен» к делам аргиев и афинян, героически защищавших македонские интересы в Греции в борьбе с Александром. О возможных причинах такого «равнодушия» будет разъяснено ниже. Как бы то ни было, оставшись без поддержки царей, Арат решил освободить Сикион собственными силами. Плутарх живописно и детально рассказывает об истории подготовки и осуществления «великого» ночного похода Арата в Сикион, о мелких и больших препятствиях, которые встали тогда перед Аратом и его друзьями. Маленький отряд под руководством сына Клиния достиг родного города, успешно перебрался через городские стены Сикиона, окружил дом тирана и бросил по городу клич о свободе. Никокл сумел бежать из дворца какими-то тайными ходами; граждане, не теряя времени, разграбили дворец тирана, а потом подожгли. Дым пожара был так велик, что его увидели жители Коринфа и чуть было не бросились на помощь Никоклу. Но, видимо, что-то их остановило¹⁵.

Взяв власть, Арат столкнулся со сложными политическими проблемами, как внутренними, так и внешними. По свидетельству Плутарха, город Сикион сделался предметом покушений: извне, очевидно, со стороны Александра Коринфского. Но, кажется, с Александром Арат вскоре заключил мир, поскольку во время своей последовавшей в дальнейшем поездки в Египет Арат имел возможность находиться в безопасности во владениях Александра на Эвбе. Благоприятно начали складываться и отношения Сикиона с соседним Ахейским союзом, Арат считал необходимым присоединить свой город к сою-

зу, и с этого времени началось быстрое возвышение ахейцев. Арат принял меры и к укреплению дружбы с Египтом. Птолемей II прислал ему в подарок 25 талантов, прозорливо разглядев в нем союзника своей державы и будущую опору антимакедонской политики в Греции. Однако этих денег Арату было мало; социальные противоречия в Сикионе настоятельно требовали немедленного «разрешения», которого Арат надеялся добиться с помощью новых египетских подачек. Он с огромным риском для себя пустился в плавание в Египет, потерпел кораблекрушение у берегов Андроса и чуть было не попал здесь в плен к македонянам; к счастью, рабам Арата удалось обмануть начальника македонского караула, уверив его, что их господин бежал на Эвбею. На самом деле Арат никуда не бежал и прятался неподалеку тут же, на Андросе; тайно, на случайном попутном корабле римлян (?) он добрался до Карии, а отсюда был привезен в Александрию. Арат совершенно очаровал Птолемея Филадельфа своим умом, знанием искусства и посредством этой «непринужденной дипломатии» выпросил у хитрого правителя Египта еще 150 талантов; 40 талантов он тотчас получил на руки, а остальные впоследствии ему доставлялись частями¹⁶.

Все эти акции Арата должны были, конечно, настаивать Антигона. Но все же после того, как Александр Коринфский умер, а город Коринф снова подчинился Македонии, Антигон предпринял уже известный нам демарш по переманиванию Арата на свою сторону. Плутарх пишет, что Антигона удручали успехи Арата, «и, желая овладеть его дружбой безраздельно, либо, по крайней мере, очернить его перед Птолемеем, Антигон оказывал ему всевозможные знаки внимания,— которые Арат принимал не слишком охотно... Вслед за тем, на пиру он (Антигон) громко сказал, обращаясь к многочисленным гостям: «Я думаю, что этот сикионский юноша просто горячо любит свободу и родной город. Но, кажется, он способен, вдобавок, верно судить о жизни и поступках царей. Раньше он нами пренебрегал, надежды свои устремлял за море и восхищался египетскими богатствами, слыша рассказы о слонах, о флотах и дворцах, но теперь, побывавши, так сказать, в самой сцене, увидев, что в Египте ничего, кроме театральной пышности и позорного блеска, нет, целиком переходит на нашу сторону.

Поэтому я и сам принимаю мальчика с полным радушием, чтобы впредь всемерно пользоваться его службою, и вас прошу считать Арата другом». Слова эти были подхвачены завистниками и недоброжелателями, которые засыпали Птолемея письмами, наперебой возводя на Арата тяжкие обвинения, так что, в конце концов, Птолемей послал к нему своего гонца с выражением неудовольствия»¹⁷.

Обобщая все сказанное выше, можно отметить, что в Греции постепенно поднималась волна освободительного антимакедонского движения. Вместе с процессами нарастания освободительной борьбы народов Бактрии и Парфии против Селевкидского господства это было пробуждение грабдиозных разрушительных сил, которые расшатывали восточный и западный фланги эллинистического мира. Политические события развивались необыкновенно быстро. Еще в середине III в. до н. э. Антигониды и Селевкиды дружно противостояли Египту. Но затем последовали смуты в Северной Эгейде, и Птолемей II умело воспользовался ими, чтобы посеять рознь между Македонией и Азиатской империей. Где был Антигон во время уже неоднократно упоминавшихся войн его греческих союзников против Александра Коринфского? Не сражался ли престарелый царь Македонии в Малой Азии на стороне младших сыновей Никомеда? Или, может быть, он вел войну во Фракии с наступавшим сюда Антиохом? И то, и другое весьма вероятно. Египет, тонко лавируя, поддерживал то Антигона, то Антиоха, но вместе с тем начал тайные интриги против них, «финансируя» освободительные движения против монархов Запада и Востока. Единственным выходом из этой нелегкой ситуации и для Антигона, и для Антиоха было бы прекращение распрей и заключение мира между собой, наряду с ликвидацией «северо-эгейского конфликта». Может быть, следями такого мира являются сведения о признании Зеила, вероятного союзника Антиоха, царем Вифинии. Македония представляла убежище младшим сыновьям Никомеда; один из них еще около 220 г. до н. э. жил в Македонии¹⁸. Антиох сумел удержать также позиции во Фракии¹⁹, отдал в жены свою дочь Митридату Каппадокийскому. Что именно получил Антигон в результате соглашений с Антиохом, не ясно. Видимо, только гарантии «сдержанности» Селевкидов во Фракии и вооб-

ще в Европе. Может быть, именно к ряду условий этого договора относится заключение брака Деметрия, сына Антигона, и Стратоники, сестры Антиоха II. Рассмотрение вопроса об этом династическом браке позволит нам более точно датировать и самый договор двух царей.

Тарн относил заключение упомянутого брачного союза, известного нам из Юстина, к миру 255/4 г. до н. э. Но датировка Тарна прямо противоречит сообщениям источников о свадьбе Деметрия и Никеи. Ко времени этой свадьбы, не ранее 248 г. до н. э., Деметрий явно не был женат. Крайне невероятно, чтобы он был тогда «брошенным» супругом, оставленным не только Стратоникой, но и непосредственно следовавшей за нею эпирской принцессой Фтией. Существуют конкретные данные, показывающие, что такой порядок браков Деметрия попросту невозможен; эти данные будут приведены нами в дальнейшем. Истинный же порядок свадеб Деметрия, очевидно, таков: фиктивная «свадьба» с Никеей; брачный союз со Стратоникой; женитьба на Фтии. Из этого следует, что Стратоника стала женой Деметрия после 248 г. до н. э. С другой стороны, текст Юстина можно понять, пожалуй, так, что эта женитьба случилась еще при жизни Антиоха II, т. е. не позднее 247 г. до н. э.²⁰ Отсюда вполне допустимо, что мирный договор Антигона с Антиохом (если он, конечно, имел место) состоялся приблизительно в 248/7 г. до н. э., незадолго до смерти царя Селевкидской державы. Сложился ли при этом также новый антиптолемеевский союз двух монархий, сказать трудно. Но уже само по себе урегулирование отношений противников Египта могло принести Птолемеям немало осложнений в будущем. Интересы Египта теперь состояли в том, чтобы не дать Македонии и империи Селевкидов собраться с силами, не позволить им нейтрализовать освободительное движение в Греции и на Востоке и обернуть военную мощь на юг, против Птолемеевского государства. Далее будет рассмотрено, в какой степени Египту удалась эта коварная политика.

§ 2. Эпоха Третьей Сирийской войны

Задачи Египта существенно облегчились в связи с изменением обстановки в царстве Селевкидов. Конец правления Антиоха II был одним из самых напряженных

и острых моментов истории этого царства. Широкая социальная борьба, несомненно имевшая место в Азии, скрыта для нас вследствие поверхностного характера источников. Но многочисленные дворцовые перевороты сами по себе являются определенным показателем соотношения как внутренних, так и международных сил. У Антиоха II было два сына от первой жены Лаодики: Селевк и Антиох. Вторая его жена, дочь Птолемея II Береника, тоже имела малолетнего сына. Особенное недовольство этой ситуацией проявляла Лаодика, которая, согласно комментариям Иеронима, чувствовала двойственность своего положения при дворе и опасалась за судьбу своих сыновей. Действительно, Антиох, женившись на Беренике, отстранил Лаодику от власти, однако впоследствии, не без влияния охлаждения своих отношений с Египтом, вернул Лаодику ко двору, но и Беренику из осторожности все же оставил при себе²¹. Дело дошло до организации тайного заговора, возглавленного Лаодикой; результатом заговора было убийство Антиоха II в Эфесе в 247 г. до н. э. Вскоре после этого были предательски умерщвлены Береника и ее сын в Антиохии²².

Борьба вышла за рамки распри и приобрела международный характер. Расправившись со своим мужем и с соперницей, Лаодика начала наступление на позиции проегипетской «партии» в Селевкидском государстве. Афиней сообщает, что Лаодика в Эфесе задумала убить Софрона, бывшего египетского полководца, некогда сражавшегося у Андроса, а потом перешедшего на службу к Селевкидам. Прежние проптолемеевские симпатии Софрона, видимо, не давали Лаодике покоя, и это едва не стоило Софрону жизни. Только хитрость влиятельной гетеры Данаи позволила полководцу спастись бегством; Даная же, по приказу Лаодики, была сброшена со скалы после того, как хитрость обнаружилась²³.

Все происшедшее создало для Египта достаточный повод к военному вмешательству в дела Азии. Как раз в этот момент, в 246 г. до н. э. Птолемей II умер и царем стал Птолемей III, который предпринял энергичный поход на Восток, «на помощь сестре» (Беренике). Птолемей опоздал: Береника была убита раньше его прихода в Сирию. Впрочем, это отнюдь не останвило египетского царя. По словам Юстина, в поддержку Птолемея выступили многие города Азии, вследствие чего правитель

Египта явился в Сирию с войском, где от имени Береники и ее сына, как будто они были живы, рассылал повсюду письма²⁴. Так он «без войны и сражения овладел землею, простиравшейся от Тавра до Индии»²⁵. При этом, якобы, Птолемей воспользовался услугами подставного лица — женщины, выдававшей себя за Беренику. Аппиан сообщает, что Птолемей дошел с войсками до Вавилона²⁶, а Полибий говорит о покорении Птолемеем Селевкии в Пиерии²⁷.

Общий обзор восточного похода Птолемея III содержится в адултанской надписи: «Выступил в поход в Азию с силами пехотными и конными, и с флотом, и со слонами, овладев всею странюю до Евфрата — и Киликиею и Памфилиею, и Иониею, и Геллеспонтом, и Фракиею, и всеми войсками в этих странах, и поставил под свою власть всех монархов в этих местах; перешел через реку Евфрат и покорил под свою власть Месопотамию и Вавилонию, и Сузлану, и Персиду, и Мидию и все остальное до Бактрианы...»²⁸

Таким образом, поход принял грандиозный размах, хотя далее Вавилона Птолемей не пошел. Восточные сатрапии, видимо, подчинились ему формально. Но даже и в этом случае все военно-политические успехи Селевкидов, достигнутые в годы Второй Сирийской войны, были сведены на нет. Встало под вопрос само существование Селевкидского царства.

Наиболее интересный начальный фазис похода — вторжение египтян в Сирию и Киликию — представлен в гуробском папирусе, в свое время глубоко проанализированном Ф. Ф. Соколовым. В папирусе говорится о взятии Селевкии Пиерийской, над которой затем Птолемей поставил стратегом Эпигена. Далее следует любопытный рассказ о том, как полководцы Пифагор и Аристокл, действуя по приказу некоей личности, именуемой в папирусе «Сестрою» (вероятно, лже-Береники), отправились в Солю Киликийские, где помогли народу свергнуть сторожника Лаодики стратега Арибаза. Арибаз пытался спастись бегством и даже забрать с собою казну, чтобы переправить в Эфес Лаодике. Но Пифагор и Аристокл вовремя захватили эти деньги и перевезли их в Селевкию Пиерийскую: всего 1500 талантов серебра. Арибаз все-таки бежал из города и приближался к перевалу Тавр,

по неким туземцам отрубили ему голову и привезли в Антиохию.

В последующих частях текста гуробского папируса сам царь восторженно рассказывает о своем прибытии на кораблях в Селевкию, затем в Антиохию, о пышном приеме, оказанном здесь завоевателю: «Не оставлено было никакой возможности превзойти в благорасположении и дружбе к нам... Ничто нам не доставило столько удовольствия, как старание их». В Антиохии царь совершил жертвоприношения, а около захода солнца имел свидание с «сестрою»²⁹.

К сожалению, на этом гуробский папирус обрывается. Но из сопоставления его с прочими источниками ясно, что поход Птолемея III не встретил особого сопротивления в Азии. Это следует объяснить не столько силой самого Птолемея, сколько слабостью, непопулярностью его врагов — Лаодики и ее сыновей, «прославившихся» соучастием в убийстве отца, а главное — причастных к угнетательской политике Селевкидов в предыдущие годы.

Юстин и Иероним сообщают, что Птолемей III, собственно говоря, не закончил похода. Находясь в пути, где-то в средней Месопотамии, он узнал, что в Египте вспыхнул бунт, и вынужден был возвратиться домой. Впрочем, он не забыл ограбить царство Селевка во время этого возвращения: Иероним уверяет, что Птолемей увез с собой 40 000 талантов серебра³⁰.

Поход Птолемея III на Восток начался в 246 г. до н. э. или, самое позднее, в феврале-марте 245 г. до н. э. В одном папирусе Ф. Петри говорится о «захвате военнопленных»; папирус датирован 24 перития 2 года Птолемея Эвергета (апрель 245 г. до н. э.). Тем не менее, к июлю 245 г. до н. э. до средней Месопотамии Птолемей еще не успел дойти; поскольку найдены вавилонские документы именно этого месяца, датированные эрой Селевкидов, то достоверно известно, что Вавилон тогда был под властью сторонников Лаодики и ее сыновей. Возможно, Вавилон был взят египтянами только осенью 245 г. до н. э. или даже в следующем 244 г. до н. э.³¹ Ниже мы увидим, что более поздние сроки неприемлемы.

Несмотря на несвоевременное прекращение похода, политические успехи Египта казались огромными. В кратчайший срок удалось подчинить себе значительные пространства Азии; это было редкостной удачей, эфемер-

ность которой Птолемей III вряд ли до конца осознавал. Может быть, египетский владыка лелеял даже неслыханную в своей династии, да и среди прочих его современников дерзкую идею мирового господства! Слишком уж явно эскиз этой идеи заметен в громогласных фразах адулитанской надписи. Но довольно скоро построения Птолемея Эвергета (действительные и мысленные) начали рушиться как карточный домик. Бразды правления в оставшихся независимыми от Египта частях Азии взял сын Лаодики Селевк II, официально признанный впоследствии наследником империи Антиоха Теоса. Согласно Юстину, «после ухода Птолемея Селевк соорудил громадный флот для борьбы с отложившимися городами»³². Но во время кораблекрушения этот флот почти целиком погиб у прибрежных скал. Положение Селевка после этого стало таким жалким и незащищенным, что отложившиеся города, якобы из одного только сострадания к Селевку, вернулись под его власть. Из Юстина ясно, по крайней мере, что Селевк вернул Антиохию³³. По данным Евсевия, в 3 году 134 олимпиады (т. е. в 242/1 г. до н. э.) Селевк снял египетскую осаду с крепости Ортосии и Дамаска³⁴. В «Пасхальной хронике» сообщается, что в 1 году 134 олимпиады основан город Каллиникой (Каллиникополь)³⁵. С этим названием города исследователи связывают и прозвище Селевка II — Каллиник.

Итак, сын Антиоха Теоса добился между 244 и 242 г. до н. э. изменения положения вещей в лучшую сторону для себя. Главным условием этого нового поворота явилась непрочность, неустойчивость завоеваний Птолемея Эвергета в Азии. Города снова отшатнулись от египетского покровительства, и здесь причиной было, конечно, не сентиментальное сострадание к Селевку, а скорее острее недовольство Птолемеем — «Благодетелем», который оказывался на деле самым обыкновенным грабителем Востока.

Получив известную экономическую, территориальную и стратегическую базу для еще более решительных действий, Селевк Каллиник начал с Птолемеем войну как равный ему по силам. Но на этот раз египтяне предусмотрительно подготовились к отпору; Селевк был разбит в бою и бежал в Антиохию. «Отсюда он отправил письмо к брату своему Антиоху, в котором умолял его о поддержке и в награду за помощь обещал ему часть Азии.

ограниченную Таврским хребтом... Когда Птолемей узнал, что Антиох идет на помощь Селевку, он, чтобы не вести войну одновременно с двумя (врагами), заключил с Селевком мир на десять лет»³⁶.

Время этого мира и, следовательно, конца 3-й Сирийской войны — именуемой в документах также Лаодикийской войной — относится к 242/1 г. до н. э. или даже позднее. 242/1 год до н. э. — это год снятия осады с крепостей Ортосии и Дамаска, следовательно, *terminus post quem*. Имеется также сообщение Евтропия о римском посольстве в Египет, с запоздалым предложением помощи римлян Птолемей в войне против Селевкидов; сообщение это помещено у Евтропия между описаниями римских событий 241 и 237 г. до н. э., откуда следует, что Лаодика войну кончила приблизительно в этом интервале времени³⁷. Наконец, наиболее точный *terminus ante quem* вытекает из данных декрета города Телмисса в честь Птолемея, сына Лисимаха, племянника Птолемея III Эвергета. В декрете телмисцев сказано, что Птолемей, сын Лисимаха, был направлен египетским царем в Телмисс для управления и получил от царя город в худом состоянии по причине войн. Сын Лисимаха освободил граждан от налогов и вообще явился провозвестником мирного образа жизни и процветания города. Декрет датирован 2 дистра 7 года Птолемея III (= 1 июля 240 г. до н. э.)³⁸. Совершенно очевидно, что к этому времени война была уже окончена, т. е. завершилась, и мир был подписан или в 241 г. до н. э., или в первой половине 240 г. до н. э.³⁹

Точные условия мирного договора нам неизвестны, но в целом государство Селевкидов вряд ли сумело восстановить довоенные позиции. Птолемей расширил свои территории за счет части Малой Азии и даже отдельных городов Сирии (напр., Селевкия). Этими успехами Египет заложил базис для нового этапа своего международного могущества на Востоке. Мирового господства Птолемей Эвергет, разумеется, не достиг, но он вернул своей империи первенствующее положение в Восточно-Средиземноморском мире.

Из письма царя Зеила Вифинского на Кос 241 г. до н. э. следует, в частности, что Птолемей Эвергет был «другом и союзником» Вифинии и, следовательно, контролировал «опасный» район северо-западной Малой

Азии. Зеил, став царем, видимо переориентировался на Египет и из врага Птолемеев превратился в опору их захватнических планов⁴⁰. Из того же письма видно, что Птолемей Эвергет был «дружествен относительно» Коса. До нас дошла также надпись критского города Итаца⁴¹ и декрет в честь Булгара, сына Алексиса⁴². Как бы подводя итоги всемогуществу египтян, Мемнон пишет: «Птолемей (Третий), царь Египта, достигнув вершины благополучия, склонял блистательнейшими дарами города на свою сторону. И гераклеотам он послал 500 артаб пшеницы и построил у них на акрополе Храм Геракла из проконнесского камня»⁴³.

Обстановка на Балканском полуострове также постепенно складывалась в пользу Египта. Здесь продолжал усиливаться дружественный Египту Ахейский союз, где стратегом в 244 г. до н. э. стал Арат⁴⁴. Арат прежде всего повел борьбу за расширение влияния ахейцев в средней Греции; его противником здесь выступила Этолия. Для борьбы с Этолией Арат заключил союз с Беотией. Высадившись с десятитысячным войском в Калидонии и Локриде, Арат опустошил эти местности и направился было в Беотию. Но он опоздал: незадолго до его прихода этолийцы разбили беотийцев при Херонее. В этой битве пал беотарх Абеокрит⁴⁵. Ахейцы не добились в средней Греции того, чего хотели, и вынуждены были вернуться назад. Македония, кажется, не вмешивалась в эту борьбу, поскольку Антигон, вновь владея Коринфом, считал свое положение в Элладе достаточно прочным. Он по-прежнему имел ставленника-тирана в Аргосе, восстановил влияние в Мегалополе через нового тирана Лидиада, владел Эпидавром, Трезеном, Мегарами и др.⁴⁶

Для ахейцев и Арата такая обстановка была опасна. Македония в наибольшей степени мешала экспансионистским устремлениям ахейской правящей элиты. Другой «помехой» был Этолийский союз. Но всерьез бороться и с Македонией, и с Этолией за господство в Греции (надо полагать, именно это было мечтой Арата) ахейцы не могли, пока Коринф находился в руках македонян.

Взятие Коринфа Аратом, происшедшее, по Полибнию, в 243/2 г. до н. э., описано в подробных рассказах Плутарха и Полиэна, составленных на основе одного и того же источника — «Мемуаров» Арата. В «Мемуарах» взятие Коринфа изображается как невероятный подвиг куч-

ки людей, хотя на самом деле это была лишь авантюристическая акция, напоминая захват Аратом Сикиона.

Вот что сообщают источники. Жили в Коринфе четверо братьев-сикийцев. Один из них, Диокл, был наемником и служил в Караульном отряде Антигона, другие трое были частными людьми. Однажды они похитили царское золото и явились в Сикион к меняле Эгию (может быть, Эсию). Благодаря этому, один из братьев, Эргин, подружился с Эгием и однажды, случайно разговорившись о мерах охраны города, сказал, что видел место, где городская стена весьма низка. Эгий, друг Арата, услышав эти слова, привел Эргина к ахейскому стратегу. Тут Арат задумал крайне заманчивое предприятие: проникнуть в город через упомянутое место в стене, на что, конечно, понадобилась помощь Эргина. Эргин охотно согласился нарушить клятву Антигону и привлек к делу одного из своих братьев, Диокла. Двум другим братьям сам Эргин не доверял. Разумеется, было достигнуто соглашение о плате, которую Арат обещал сикийцам за помощь.

В разведку послали раба Арата, Технона, который едва не попал в руки стражи, но выбрался по чистой случайности. После завершения всех приготовлений Арат собрал войско из четырехсот отборных бойцов и ночью повел их к Коринфу. После того, как караульные были убиты, бойцы Арата приставили лестницы к стене и перешли в город, оставшись незамеченными.

Но, продвигаясь к крепости, они, на свое несчастье, повстречали отряд стражи. Завязалась короткая схватка, один из стражников поднял шум и пустился, раненый, бежать по городу, созывая помощь. Улицы тотчас наполнились бестолково мечущейся толпой; в этом смятении Арат с войском ускользнул от погони и продолжил движение к крепости по кручам. Началось сражение за крепость, длившееся несколько часов. Наконец, на рассвете ахейцы единым натиском отбросили неприятеля, ворвались в крепость и захватили остатки македонского гарнизона в плен.

Когда победа была одержана и все опасности были позади, Арат спустился из крепости в театр, уже полный народа, и здесь произнес речь, объясняя свои действия и призывая коринфян присоединиться к Ахейскому союзу. Одного из полководцев, охранявших крепость в интере-

сах Македонии, — Архелая — Арат освободил, другого — Теофраста, — напротив, подверг смертной казни; третий же — философ Персей — сумел бежать в Кенхреи и с тех пор не проявлял желания заниматься высокой политикой.

Арат немедленно «воспользовался» богатствами Коринфа. По сведениям Плутарха, Арат в гаванях захватил 25 царских судов, отдал на продажу 500 коней и 400 сирийцев. На Акрокоринфе ахейцы поставили свой сторожевой отряд. Взятие Коринфа привело к быстрому отпадению ряда пелопоннесских городов от Македонии; так, к Ахейскому союзу присоединились Мегары, Трезен, Эпидавр. Кажется, тогда же Арат попытался сделать нападение и на Аттику и даже разграбил Саламин. Но надежды Арата на быстрый переход афинян на сторону ахейцев не сбылись. Возможно, и Антигон принял в Афинах действенные контрмеры против ахейцев⁴⁷.

Тем не менее, с повторной утратой Коринфа удержать прежнее положение в Пелопоннесе Македония была уже явно бессильна. Борьба за гегемонию македонян в Греции резко осложнилась. Македония нуждалась теперь в союзниках, чтобы сохранить эту гегемонию. Этолийцы по-прежнему оставались враждебны Ахейскому союзу, поскольку со времени взятия Коринфа ахейцы приобрели прекрасный плацдарм для еще более настойчивого, чем в 244 г. до н. э., вмешательства в Среднюю Грецию. На почве общей ненависти к Ахейской лиге, сложилась около 242 г. до н. э. коалиция Македонии и Этолии, предусматривавшая, как уверяет Полибий, расчленение Ахейского союза и раздел его территорий между македонянами и этолийцами⁴⁸.

Ахейцы, не желая, в свою очередь, оставаться во внешнеполитической изоляции, заключили примерно тогда же союз со Спартой. В это время в Спарте царствовал молодой Агис IV, известный своими попытками социальных реформ в пользу лаконского демоса. По-видимому, в 241 г. до н. э. обострение международных противоречий на Балканском полуострове привело к военному конфликту. Во исполнение замысла, задуманного вместе с македонянами, этолийцы появились с войском на границе Мегариды. Плутарх сообщает, что Арат, опасаясь, что этолийцы вторгнутся через Мегариду в Пелопоннес, послал письмо Агису с просьбой о помощи. Войско Агиса, верное союзническому долгу, тотчас выступило в поход

на север. Продвигаясь по землям ахейцев, спартанцы вызывали восхищение местных жителей своей дисциплиной и отвагой, ибо это были люди, получившие землю, свободные от долгов и унижения. Демос ахейцев приветствовал спартанскую армию Агиса. «Богачам сго (Агиса) действия... были не по душе; они боялись, как бы народ, последовав этому спартанскому примеру, не изменил установившиеся порядки повсюду»⁴⁹. И поэтому, когда Агис прибыл в Коринф к Арату, настроение последнего было совсем иным, чем в момент отправления письма о помощи. Вместо того, чтобы последовать совету Агиса и дать тотчас решающее сражение этолийцам, Арат медлил и, наконец, после долгих проволочек с вежливым лицемерием отказался от военной поддержки спартанцев. Агис поневоле вернулся в Лаконику, где в том же 241 г. до н. э. был убит вследствие заговора олигархов. Арат на Истме усугубил свою предательскую политику тем, что вскоре дал этолийцам свободно пройти в Пелопоннес, ссылаясь в дальнейшем на некие «стратегические соображения». На самом деле, несколько не исключено, что Арат тайне надеялся на помощь этолийцев в борьбе с возможным взрывом демократического движения на севере Пелопоннеса. Поэтому этолийцы легко заняли Пеллену, предались здесь неумеренному грабежу и пьянству, совершая множество насилий и издевательств. Лишь спустя некоторое время Арат двинулся на них, поверг их войско в смятение и изгнал из Пеллены⁵⁰. Ситуация 241 г. до н. э. явилась не только прообразом тех социально-политических международных конфликтов, которыми был переполнен период Клеоменовой войны, но и «моделью» предательства Аратом интересов ахейской демократии, даже в том ее урезанном виде, в каком она была сконцентрирована в обещаниях и посулах «партии» Арата в первые годы его правления.

Наибольшее недоумение вызывает пассивность Македонии в событиях 241 г. до н. э. Может быть, причиной тому были внутренние неурядицы в Македонии или какие-то конфликты с варварами на севере. Может быть, просто-напросто препятствием была глубокая старость или даже болезнь Антигона Гоната. Нельзя забывать также, что потеря Коринфа сделала Македонию более слабой в военно-стратегическом отношении. Как бы то ни было на мирных переговорах, которые состоялись

около 240 г. до н. э., Македония вряд ли выступала в роли выигравшей стороны. Победенной должна была считать себя и Этолия. Только ахейцы имели право торжествовать победу⁵¹. И рядом с ними признавал свои успехи Птолемей Эвергет, союзник Арата. По словам Плутарха, Арат, после взятия Коринфа, «Птолемея... сделал союзником ахейцев, уступив ему верховное начальство и в сухопутной, и в морской войне»⁵². Это не просто фраза. Всю войну Арата против Этолии и Македонии в 241 г. до н. э. можно рассматривать как часть большой войны, которую вел Египет за установление своего нового, более широкого господства в Восточном Средиземноморье. Ослабив, как отмечалось выше, влияние Селевкидов, Египет через своих эллинских «друзей» нанес также значительный и многогранный ущерб Македонии, лишил ее Коринфа, а также части Пеллопоннеса. И на море, вероятно, Македония была в какой-то степени ущемлена. У самых ее границ, во Фракии и на Геллеспонте, находились теперь египетские владения. Строго говоря, именно период египетской внешнеполитической экспансии (конец 40 — начало 30-х гг. III в. до н. э.) имел в виду Полибий, когда писал: «Предшественники его (т. е. Птолемея IV Филопатора.— В. Ж.) обращали на них (международные дела.— В. Ж.) не только не меньше, скорее больше внимания, нежели на управление Египтом. Поэтому-то они угрожали царям Сирии с суши и с моря, ибо владели Келсисирией и Кипром. Они зорко следили за владыками Азии, а равно за островами, ибо господствовали над важнейшими городами, областями и гаванями на всем морском побережье от Памфилии до Геллеспонта и до области Лисимахии. Они же наблюдали за делами Фракии и Македонии, так как во власти их были Эн, Маронея и города далее лежащие. Таким образом, предшественники Птолемея (Филопатора.— В. Ж.) далеко простирали свои руки и издали ограджали себя этими владениями, поэтому им нечего было страшиться за власть над Египтом»⁵³.

Так Египетская держава взяла реванш за неудачи 50-х годов III в. до н. э. Но ее противникам предстояло пройти через еще большие испытания, которых не предполагали ни они сами, ни преуспевающий Птолемей Эвергет.

§ 3. «Темное» десятилетие

В 30-х годах III в. до н. э. Селевкидская держава и Македония пережили серьезнейший со времени конца эпохи диадохов внешнеполитический кризис. Он начался весьма симптоматично: новым конфликтом между двумя царствующими домами — Антигонидов и Селевкидов. Юстин по этому поводу приводит следующий рассказ: «Когда дочь эпирского царя Олимпиада лишилась мужа своего Александра, который был в то же время ее родным братом, она взяла на себя опеку над рожденными от него двумя сыновьями, Пирром и Птолемеем, а также управление государством. В это время этоляне захотели отобрать часть Акарнании, которую отец мальчиков ранее получил как свою долю военной добычи. Олимпиада прибегла к помощи царя Македонии Деметрия. У Деметрия была жена, сестра сирийского царя Антиоха, но Олимпиада выдала за него замуж дочь свою Фтию, чтобы по праву родства получить от него помощь, которой не могла добиться, взывая к его сочувствию. Итак, состоялась свадьба; путем нового брака были приобретены некоторые выгоды, но оскорбление прежнего брака повлекло за собой беды. Ибо прежняя жена (Деметрия), как изгнанная супругом, по собственному желанию уехала к своему брату Антиоху и побудила его к войне против своего мужа»⁵⁴. Иосиф Флавий, следуя Агафархиду, сообщает об этом событии несколько иначе: бывшая супруга Деметрия Стратоника явилась к Селевку II и предложила ему взять себя в жены, надеясь, что Селевк отомстит Деметрию. Но Селевк, готовившийся к походу на Восток, отказался принять предложение Стратоники. Стратоника возмущила против Селевка сирийцев, но была жестоко наказана Селевком⁵⁵. Теперь трудно, конечно, объяснить, как в действительности обстояло дело, поскольку в обоих рассказах имеются неясности и несоответствия. У Юстина Деметрий II назван царем Македонии, следовательно, события происходят после смерти Антигона Гоната, т. е. не ранее 239 г. до н. э. Поэтому, конечно, Юстин ошибается в том, что Стратоника уехала к брату. Антиох II умер в 247 г. до н. э., и его сестра могла уехать лишь к какому-то другому Антиоху, может быть, к Антиоху Гиераксу. Впрочем, возможно, она была только у Селевка, а может быть, и у Селевка, и у Ан-

тиоха. Упомянутая Юстином война Антиоха против Деметрия также вызывает сомнения, но, в сущности, никоим образом не исключена. Она могла возникнуть, например, из-за Фракии, поскольку Антиох Гиеракс со времени договора 242/1 г. до н. э. с Селевком получил земли по сю сторону Тавра и должен был претендовать на часть Фракии.

Время отъезда Стратоники из Пеллы и конфликта державы Селевкидов с Македонией можно уточнить, учитывая, что эпирская принцесса, на которой женился Деметрий II, была, видимо, матерью Филиппа V. Последний родился примерно в 237 г. до н. э. (к началу Союзнической войны ему было примерно 17 лет), поэтому Деметрий мог жениться на эпирской принцессе в 238 г. до н. э. или в 239 г. до н. э., но не раньше, разумеется. В эти два года как раз и обострились отношения Македонии с империей Селевкидов.

Новая вражда Антигонидов и Селевкидов, в каких бы формах она ни выразилась, была на руку Египту. Каждое новое международное событие усиливало Египет и ослабляло его врагов. Тяжелые тучи вставали над державой Селевкидов на Востоке. Еще в период Лаодикиной войны от Селевкидов отпала Бактрия, где утвердился пекний Диодот, а затем и Парфия, которой овладел Арсак. Сначала, по данным Юстина, Бактрия и Парфия враждовали между собой, но после смерти Диодота они заключили союз против Селевка. Селевк же около этого времени вступил на земли Востока, чтобы подавить местные освободительные движения и реставрировать свое владычество в Бактрии и Парфии. Выше было показано, что этот восточный поход Селевка состоялся почти одновременно с изгнанием Стратоники из Македонии, т. е. около 239/8 г. до н. э. Селевк II повел какую-то войну с парфянами, а может быть и с бактрийцами. Но об этой войне мало известно. Страбон говорит о поражении Арсака в бою, Юстин — о его победе. Была ли победа раньше поражения или, наоборот, поражение предшествовало победе, сказать трудно. Однако Юстин утверждает, что Селевк, не окончив войны на Востоке, вынужден был вернуться на Запад своей державы из-за вспыхнувших мятежей. Фактически тем самым Селевк II признал независимость Парфии и Бактрии и свое поражение если не в бою, то перед силой исторической необходимости⁵⁶.

Л. Г. Бокшанин справедливо связывает возвращение Селевка II на Запад с мятежом Антиоха Гиеракса против своего брата⁵⁷. Этот мятеж иначе принято называть «Братской войной».

«Братская война» — одно из самых темных событий политической истории III в. до н. э. По нашим сведениям, Антиох Гиеракс («Коршун»), человек необычайной жадности, не удовольствовался дарованными ему братом владениями в Малой Азии и решил отнять у него все царство. На сторону Антиоха встала и мать Лаодика, почесму-то отвернувшаяся от Селевка. Силы Антиоха быстро росли. Сначала у него появилось войско из наемных галлов, потом на его сторону встал брат Лаодики, Александр, начальник крепости Сард. Судя по Евсевию, Птолемею III, очевидно, нарушив 10-летний мир, также поддерживал Антиоха Гиеракса. Наконец, союзниками Антиоха стали правители обеих Каппадокий — Митридат и Ариамен, а затем Зеил Вифинский. Что предпринял Антиох до возвращения Селевка на Запад, мы не знаем. Кажется, первое столкновение братьев произошло в Лидии; Селевк в этой битве победил, что позволило ему осадить Сарды и Эфес, занятый тогда египтянами. Тут Селевк ждал неудачи: взять оба города ему не удалось, он, кажется, только потерял время. Антиох Гиеракс собрался с силами и догнал войско брата в Галатии, при Анкире, где и состоялась решающая битва. Об этой битве свидетельствует ряд источников, на достоверность которых, впрочем, рассчитывать особенно нельзя. Юстин говорит, что Антиох благодаря храбрости галлов, оказался победителем. По Плутарху, битва была такой тяжелой для Селевка, что распространился даже слух о его гибели в бою. Когда этот слух не подтвердился, Антиох Гиеракс якобы принес благодарственные жертвы богам за спасение брата. Плутарх, не без иронии, приводит этот факт как один из исторических примеров «братской любви». У Полиэна сохранился анекдот по поводу того, что жена Селевка, Миста, была в битве при Анкире взята в плен и продана в рабство на Родос; однако, благородные родосцы снисходительно отнеслись к ней, выкупили ее на собственные деньги и отправили в Антиохию⁵⁸.

Победа окрылила Антиоха и вскружила ему голову. Он потерял осторожность и едва не пал жертвой своих собственных галлов-наемников, дружина которых под-

няла оружие против Антиоха, чтобы овладеть империей Селевкидов и привольно грабить ее. Дальнейшие события не совсем ясны. Согласно Юстину, Антиох откупился от мятежных галлов золотом, а потом заключил с ними союз⁵⁹. По Евсевию же, галлы взяли Антиоха в плен, но он бежал в Магнесию и, получив здесь помощь от Птолемея III, одержал победу⁶⁰. Кого победил Антиох, Евсевий не уточняет. По мнению Низе, речь тут идет о победе над сторонниками Селевка в Магнесии⁶¹. Но нам представляется, что, по логике изложения у Евсевия, Антиох должен был победить мятежных галатов, поскольку вслед за упомянутой победой он овладел Фригией и наложил на нее дань.

Итак, первая стадия «Братской войны» дала некоторое преимущество Антиоху Гиераксу. Но поскольку могущество Селевка не было существенно ослаблено, то предстояли еще новые и новые сражения, в которых дом Селевкидов лишь самоистязал и самоуничтожал себя перед лицом внешних врагов. В Малой Азии время от времени свирепствовали галаты. Всюду господствовал хаос и неопределенность. А Селевкидам, занятым собственными проблемами, словно не было дела до этого. Последствия такой пагубной политики сказались немедленно. Владычеству Селевкидов начал угрожать в Малой Азии Пергам, особенно после того, как к власти в Пергаме после смерти Эвмена (241 г. до н. э.) пришел Аттал.

Юстин пишет, что Аттал (он назван ошибочно «вифинцем Эвменом») напал на победителя Антиоха и галлов и разбил их в бою⁶². Помпей Трог излагает то же самое, добавляя, что поражение Антиоха и галлов состоялось при Пергаме⁶³. О решающем сражении Аттала против галатов говорят Страбон, Павсаний, Ливий, Полибий⁶⁴. Полиэн и Фронтин рассказывают один и тот же анекдот, будто перед битвой с галатами Аттал устроил жертвоприношение. Чтобы ободрить своих воинов, он тайно отпечатал чернильным порошком на жертвенной печени слова «царь победит», а затем показал эти слова воинам как знак божества. И воины мужественно вступив в бой, одержали верх над галатами⁶⁵.

Многочисленность сообщений о галатской победе Аттала была обусловлена ее действительно крупным военно-политическим значением. Кажется, именно после

этой победы Аттал первым из пергамских правителей официально принял царский титул.

Найден «победный памятник» Аттала с надписями о его войне с галатами и Антиохом. Из надписей следует, что «великая победа» при Пергаме была отнюдь не единственной. Она являлась лишь эпизодом большой войны Аттала с галатами и Селевкидскими правителями. Надписи называют: победу Аттала во Фригии Геллеспонтской над Антиохом; победу у Афродисия над галатами толистоагиями и тектосагами и Антиохом; победу у реки Каика над толистоагиями; победу над Лисием и стратегами Седевка; победу у Колое над Антиохом; наконец, победу у Гарпаса в Кариин над Антиохом⁶⁶. Установлено, что порядок перечисления этих побед в «памятнике» не хронологический. Белох и Низе считают, что самой ранней была победа у Каика над галлами; затем последовало сражение с галлами и Антиохом у Афродисия. Оно-то и было «великой победой» Аттала, поскольку Афродисий, кажется, есть не что иное, как храм Афродиты близ столицы Пергамского царства. Далее Аттал вел войну только с Антиохом и Селевком. Подробнее об этом будет сказано ниже⁶⁷.

В то время как Пергам осуществлял свою экспансию, братья Селевкиды не смогли примириться между собой и продолжали войну главным образом друг с другом. Судя по сведениям Помпея Трога, война Антиоха с Селевком шла теперь в Месопотамии⁶⁸. Полиэн, подтверждая это, свидетельствует о каком-то видимо, очень крупном поражении Антиоха Гиеракса и о его бегстве из Двуречья в Армению к царю Арсава. Очевидно, воспользовавшись помощью Арсава, Антиох укрепил свое войско и даже хитростью заманил в ловушку отряд военачальников Селевка — Ахея и Андромаха. 4000 человек из этого отряда были все до единого перебиты⁶⁹. Тем не менее преимущество Селевка казалось явным. Антиох опять вынужден был бежать, достиг южной Каппадокии, где его сначала радушно принял Ариамен. Но преследовавший Антиоха Селевк подговорил Ариамена к сообщничеству против своего брата, и это заставило Антиоха покинуть Каппадокию. Даже Египет ныне тяготился «дружбой» с Гиераксом, поэтому Антиох едва избежал неприятной встречи с птолемеевскими сторожевыми отрядами. Как загнанный зверь,

метался Антиох по Малой Азии, а Селевк тем временем вербовал себе новых сторонников. Известно, что в числе его союзников был финикийский город Арад. В дружбе с ним состоял теперь и Митридат Каппадокийский⁷⁰.

К сожалению, хронология этих событий, равно как и всей «Братской войны» и войн Аттала, остается крайне неясной. В одной вавилонской клинописной надписи, относящейся к 236 г. до н. э., Антиох и Селевк упомянуты рядом как сыновья Лаодики; это дало основание Белоху полагать, что в этом году братья еще были в мире друг с другом. Возможно, Селевк тогда завершил свой восточный поход. Исходя из примерных темпов «Братской войны» и думая, что она вспыхнула вскоре после 236 г. до н. э., Белох принимает следующие даты этой войны: 236—233 гг. до н. э.⁷¹ В 233 г. до н. э., или несколько позднее, Антиох Гиеракс возвратился в Малую Азию, вслед за описанным выше бегством, и здесь где-то укрепился на короткое время. Аттал, победа которого над Антиохом и галлами при Пергаме была позади, разумеется, не мог допустить, чтобы Антиох Гиеракс усилился снова. В последовавшей войне Аттал разгромил Антиоха в Геллеспонтской Фригии, в Лидии (у Колосе) и в Карии (у Гарпаса). Об этих победах упоминалось выше; о них свидетельствует как Евсевий, так и надпись на победном памятнике Аттала. Сражения в Лидии и Карии, по Евсевию, состоялись в 4 году 137 олимпиады (229/8 г. до н. э.)⁷².

Поражение Антиоха в Карии было, надо полагать, решающим. Лишенный всех своих владений, Антиох Гиеракс бежал в некоторую область Фракии. Здесь, во Фракии, он, кажется, отдался в руки египтян, но вместо дружеского приема Птолемей III приказал взять Антиоха под стражу. При содействии какой-то гетеры Антиох сумел бежать, но ему и тут не повезло: во время бегства он был убит галлами. Это случилось, согласно Евсевию, в 1 году 138 олимпиады (228/7 г. до н. э.). Очень скоро после этого, примерно в 226 г. до н. э., умер и брат Антиоха Селевк⁷³.

Трагическая история «Братской войны» обернулась новыми трудностями для державы Селевкидов. Египет, вероятно, не раз во время этой войны использовал противоречия в Селевкидском царском доме, а также

конфликты Сселевкидов с Пергамом. Зная политические нравы Птолемеев, можно почти с уверенностью утверждать, что они извлекли немало пользы из ситуации в Азии. Они сеяли смуты, где только было возможно. Не без их ведома, должно быть, произошел переворот в Вифинии: здесь был убит галлами Зеил и царем стал Пруссия⁷⁴. Птолемеи искали способов подчинить себе разнородные силы Восточного Средиземноморья и находили их, с минимумом издержек для себя. Но каково было положение в Европе? Оправдались ли и здесь надежды Птолемеев? Удалось ли им сокрушить старого своего соперника — антигонидскую Македонию?

Процессы развития союзного движения привели на Балканском полуострове к новой политической ситуации, крайне опасной для Македонии. Полибий по этому поводу писал: «После смерти Антигона... ахейцы примирились с этолийцами и вступили с ними в союз»⁷⁵. У Плутарха находим аналогичные сведения: «Арат... начал искать дружбы с этолийцами и с помощью Панталеонта, пользовавшегося среди этолийцев огромным влиянием, сумел заключить с ними не только мир, но и союз»⁷⁶. Так сформировалась новая коалиция, направленная прежде всего против Македонии, и вскоре началась война, еще более трудная для Македонии, чем Хремонидова. По имени македонского царя Деметрия эту войну обычно называют Деметриевой.

Конфликт между Македонией и Этолией из-за Эпира и между Этолией и Эпиром из-за Акарнании, описанный выше и случившийся в 239 или 238 г. до н. э., должен был произойти, конечно, уже в начале Деметриевой войны. Еще во время мира, примерно в 240 г. до н. э., Арат совершил нападение на Аргос, союзный Македонии. Затем Арат вторгся в Аттику (239/8 г. до н. э., вероятно). По мнению Фейеля, это вторжение могло послужить непосредственным началом Деметриевой войны⁷⁷. Для Арата нападение на Аттику окончилось крупной неудачей, за что ахейцы его весьма порицали⁷⁸. Тем не менее, ахейцы и этолийцы постепенно разворачивали военные действия, Ахейский союз повел борьбу с македонянами в Пелопоннесе и, кажется, уже в начальную фазу войны захватил здесь Герею, Стимфал, Клитор. Одновременно этолийцы овладели в Пелопоннесе Фигалией, Тегеей, Мантинеей, Орхоменом⁷⁹. Это,

разумеется, поставило в трудное положение союзников Македонии — тиранов Аргоса и Мегалополя.

В Средней Греции Этолия сломила, видимо, мощь Эпира, который, надо полагать, не получил должной помощи Македонии. Акарнания, оставшись без союзников, один-на-один с грозной Этолией, запросила помощи у далекого Рима. Но римляне, не имея еще достаточно сил для военного вмешательства в дела Греции, ограничились лишь дипломатическим нажимом на Этолию. Этолийцы отнеслись к римским послам с крайним презрением и заставили римлян отступить от непомерных требований⁸⁰. Ясно отсюда, чем все это могло окончиться для Акарнании.

Крупные успехи ахейцев и этолийцев заставили Македонию предпринять решительные действия против разраставшегося движения. И мы видим у Плутарха, что полководец Деметрия Битий встретился с Аратом у Филакии и разгромил его. После поражения Арата при Филакии прошел слух, что Арат погиб. Македонский военачальник в Афинах Диоген послал в Коринф письмо с требованием, чтобы ахейцы оставили город, так как их вождя больше нет в живых. Но Арат, отнюдь не погибший, сам в это время уже был в Коринфе и встретил посланцев Диогена издевательскими насмешками. Деметрий был крайне разгневан этим поступком Арата и даже «выслал из Македонии корабль, на котором к нему должны были доставить Арата в цепях»⁸¹. Арат же, словно наперекор македонскому царю, еще раз вторгся в Аттику, но и на этот раз не смог ее взять.

Датировка всех этих событий весьма неопределенна. Однако большинство историков сходятся на том, что битва при Филакии состоялась в 237/6 г. до н. э. Исключение составляет Белох, относящий битву при Филакии к 233 г. до н. э.; это представляется нам сомнительным, так как в 233 г. до н. э. полоса военных успехов Македонии явно была позади. Вызывает споры и место битвы. Дройзен предполагал, что у Плутарха имеется в виду Филакия в Фессалии. Согласно Белоху, битва происходит близ Филаки в Аркадии. Наконец, Низе думал, что Плутарх имел в виду какое-то неизвестное местечко в Аттике, поскольку успехи Бития были наиболее ревностно восприняты афинянами⁸². Имеется афинская надпись, прославляющая Бития, сына Клеона,

лисимахийца, и относящаяся, быть может, к 30-м годам III в. до н. э.⁸³ Но твердо сказать, *где и когда* была битва при Филакии, пока вряд ли возможно. Отсюда и хронологическая неясность относительно борьбы Арата с пелопоннесскими тиранами, описанной у Плутарха. Можно лишь предполагать, что эта борьба происходила как до, так и после битвы при Филакии.

Плутарх сообщает, что сначала Арат сражался с аргосским тираном Аристиппом у реки Харета, однако отступил, убедившись, что «число сторонников тирана умножилось и что сопротивляются они сильнее прежнего»⁸⁴. При этом Арат заключил с Аргосом перемирие, что позволило ахейцам захватить Клеоны и даже справиться здесь Немейские игры⁸⁵. В этот момент Арат узнал, что Аристипп готовит нападение на Клеоны. Тогда ахейцы собрали войско, двинулись на Аристиппа и разбили его. В этом бою был убит и сам Аристипп⁸⁶. Но Аргоса и на этот раз Арат не взял: «Агий и Аристомах Младший с царским войском незаметно проникли в город и взяли власть в свои руки»⁸⁷. После этого, как пишет Плутарх, «Арат немедленно обратился против Лидиада из Мегалополя, который был тираном своего родного города»⁸⁸. Здесь Арата ждал полный успех: Лидиад добровольно отрекся от тирании и присоединил Мегалополь к Ахейскому союзу. За этот «доблестный поступок» Лидиад даже был избран стратегом Ахейского союза, чем впоследствии навлек на себя зависть и ненависть Арата⁸⁹. Нам достаточно точно известна дата первой стратегии Лидиада — 234/3 г. до н. э. Поэтому 235/4 г. до н. э. мог быть годом «победы» Арата над Лидиадом, а борьба за Аргос, естественно, происходила в предшествующие годы: 236, 237 гг. до н. э. и даже, может быть, ранее.

Вся неустанную войну за господство в Пелопоннесе, Ахейский союз должен был рано или поздно столкнуться со Спартой. К сожалению, в нашем источнике — у Павсания — относительно этого столкновения содержится немало противоречий. Но общую картину восстановить, думается, можно. Павсаний в одном из отрывков рассказывает о добровольном отречении Лидиада от тирании в Мегалополе и далее говорит следующее: «Поэтому Лидиад, как у жителей Мегалополя, так и среди всех ахейцев стал настолько чтимым, что

слава его равнялась со славой Арата. В это время македоняне всем народом во главе с царем Агисом, сыном Эвдамида, из другого царского дома, пошли походом на Мегалополь... Вышедших на бой мегалополитян они победили и, придвинув к стене мощную стенобитную машину, стали разбивать ею башню этой стены и надеялись, что на следующий день благодаря этой машине она рухнет» Но ураган, якобы, сильными и непрерывными порывами «перевернул машину Агиса и разбил ее на мелкие куски»⁹⁰. По-видимому, эта неудача осады спартамцами Мегалополя случилась уже после 235 г. до н. э., т. е. после отречения Лидиада от тиранни. Но вызывает недоумение то, что предводителем спартанцев назван Агис, сын Эвдамида, т. е. Агис IV, который, как известно, умер еще в 241 г. до н. э. Исследователи пытались рассеять недоумение, относя рассказ то к одному, то к другому периоду (даже к 50-м годам III в. до н. э.). Однако наиболее присмлема все же та точка зрения, что у Павсания имеется в виду не Агис IV, а какой-то другой Агис, нам, во всяком случае, неизвестный. Это мог быть один из преемников Агиса IV из того же царского дома Эврипонтидов. Возможно также, что сам Павсаний ошибается, называя спартанского предводителя Агисом, сыном Эвдамида. Его, например, могли звать Эвдамидом, и Павсаний попросту перепутал «отчество» с именем⁹¹.

Как бы то ни было, этого «Агиса» Павсаний упоминает неоднократно. Однажды спартанский предводитель совершил нападение на Пеллену и успел ее захватить, но явился Арат с ахейцами и разбил лакедемонян, изгнав их из Пеллены⁹².

Последней битвой «Агиса» с ахейцами была битва при Мантинес, описанная опять-таки у Павсания. Сначала мантинейцы были в дружбе с лакедемонянами, но затем перешли на сторону Ахейского союза. Это и побудило лакедемонян и «Агиса» напасть на Мантинейю. Против спартанцев выстроились ахейцы во главе с Аратом, стоявшие в центре; на левом фланге расположились аркадяне под предводительством Лидиада и Леокида; на правом крыле — сами мантинейцы. Лакедемоняне также построили свое войско в линию. Атакуя центр антиспартанского войска, «Агис» заставил отступить Арата. Но это и привело «Агиса» к гибели: аркадяне

зашли спартанцам в тыл, войско «Агиса» было окружено и частично истреблено. «В том числе пал и Агис, сын Эвдамида»⁹³.

Таким образом, усилия Спарты, как и усилия Македонии, дать отпор ахейскому наступлению в Пелопоннесе не увенчались успехом. У македонян к концу 30-х годов III в. до н. э. в Греции, по существу, сохранились только два крупных союзника — Аргос и Афины. Но и они были крайне ослаблены минувшими войнами. Что же в этой обстановке делал сам Деметрий Македонский? Неужели он спокойно взирал на гибель своего владычества в Элладе? Источники донесли до нас туманные сведения об отчаянной борьбе, которую вел Деметрий за сохранение старой системы преобладания над эллинами. Но при отсутствии Коринфа под македонским господством эта борьба была весьма затруднительна. Арат прикрывался Коринфом, как своим щитом, и мог делать в Пелопоннесе все, что хотел. Поэтому Деметрию волей-неволей приходилось ограничиться войной с союзными ахейцам этолийцами. Когда начал сам Деметрий военные действия в Греции, строго говоря, неизвестно. Фейель думает, что это произошло в 236 г. до н. э. вскоре после победы Бития при Филакнии⁹⁴. Вначале действия Деметрия были, кажется, успешны. Полибий сообщает, что македонский царь легко овладел Беотией. На основе одной мегарской надписи можно доказать, что Деметрий захватил и Мегариду. Он, очевидно, вытеснил этолийцев из Фокиды и Локриды и разрушил этолийский город Плеврон на Лелантской равнине. За эти победы Деметрий получил характерное прозвище — Этолик⁹⁵. Не исключено, что целью Деметрия был окончательный разгром Этолии, а затем сокрушение Ахейского союза посредством возвращения Коринфа македонянам. Но силы Македонии для выполнения такой задачи оказались на данном этапе недостаточны. Деметрий был отвлечен от греческих дел прямой угрозой варварского вторжения на северных границах Македонского царства.

С этого момента мы вступаем в период, достаточно точно описанный Полибием и другими античными авторами. Незадолго до 231 г. до н. э. в Эпире умерла Олимпиада, союзница Деметрия. Там произошел государственный переворот, и Эпир тотчас сменил внешне-

политическую ориентацию, вступив в союз с ахейцами и этолийцами. Македония, занятая в то время тяжелой борьбой с дарданскими варварами, должна была встревожиться возможностью удара «в спину», со стороны этолийцев и эпиротов. Это могло бы привести к неприемлемой для Деметрия войне на два фронта. Правда, на стороне Македонии в северо-западной Греции продолжала оставаться Акарнания, но она, конечно, не имела сил, чтобы противостоять Этолии или Эпиру. Поэтому Деметрий нашел себе нового союзника для защиты южных и западных македонских границ; этим союзником стала Иллирия. Этолийцы, не желая ждать дальнейшего развития событий в этом направлении, вторглись в Акарнанию. Тогда иллирийский царь Агрон пришел на помощь акарнанцам и повел войну весьма широко и удачно. Вскоре Агрон, однако, умер; на троне Иллирийского царства оказалась вдова Агрона — Тевта, проводившая еще более агрессивную антиэтолийскую политику. Иллирийцы при Тевте совершили несколько грабительских походов, добираясь даже до пелопоннесских союзников Этолии — Мессении и Элиды. Наконец, иллирийцы вторглись в Эпир. Это заставило эпиротов обратиться за помощью к Этолии, на что Этолия откликнулась весьма охотно. С ее помощью иллирийцы были изгнаны из Эпира.

То, что произошло дальше, представляется Полибию несобъяснимым: эпироты «неожиданно» порвали дружбу с Этолией и переметнулись на сторону иллирийцев и акарнанцев. На самом деле «неожиданности» здесь нет. По-видимому, этолийцы, спасая Эпир от иллирийского нашествия, сами повели себя в Эпире захватнически и грабительски; это вызвало естественную ответную реакцию. Потеря Эпира, как союзника, была крупной неудачей Этолии. Но сомнительно, чтобы все эти события сколько-нибудь усилили антиэтолийскую коалицию в составе Македонии, Иллирии, Акарнании и Эпира. Македония продолжала изнурительную войну с северными варварами. Иллирия же совершила тогда крупный политический просчет, поссорившись с римлянами. Это привело к военной высадке римлян в 229 г. до н. э. на иллирийской территории и, очевидно, делало еще более опасным положение в Средней и Северной зонах Балканского полуострова. Последствия римского втор-

жения в Иллирию Балканские государства вряд ли даже могли себе представить⁹⁶.

В разгар этих невероятных осложнений умер македонский царь Деметрий II, разбитый в сражении с варварами (229 г. до н. э.). Он оставил своим наследникам множество нерешенных политических проблем и, кроме того, немедленно после его смерти возникли новые проблемы. От Македонии отпала Фессалия. Афины освободились от македонских гарнизонов за выкуп в размере 150 талантов. Арат, помогавший Афинам уплатить выкуп, попытался было оказать давление на афижан и заставить их войти в Ахейский союз. Но эта миссия Арата окончилась неудачей. Афиняне, руководимые Эвриклидом и Миксионом, предпочли сохранить независимость и нейтралитет. Впрочем, с этого времени Афины утратили какую-либо роль в мировой политике, превратившись во второразрядный город с точки зрения международного соотношения сил.

Согласно Плутарху и Полибию, примерно на 229—228 г. до н. э. приходится целая волна «освобождений» пелопоннесских городов от промакедонских тираний. Одни за другим пали тиранические режимы в Эгине, Гермоне, Флиунте, Аргосе. Все эти города вошли в Ахейский союз⁹⁷. Полибий пишет: «Пелопоннесские тираны впали в уныние как по причине смерти Деметрия, который был для них как бы поставщиком содержания и жалованья, так и потому, что Арат неотступно требовал отречения от власти. Покорным обещал он ценные дары и почет, а упрямых запугивал еще большими бедами и опасностями со стороны ахейцев. Поэтому тираны решили добровольно сложить с себя власть, объявить свои города свободными и примкнуть к ахейскому государству»⁹⁸.

Старая македонская политика в Греции себя изжила и потерпела крах. В сущности, у Македонии в Греции не осталось никаких владений. Зато Ахейский союз чрезвычайно усилился и территориально разросся. Этолия, выдержав основные удары в Деметриевой войне, находилась в несколько менее выгодном положении, по сравнению с ахейцами. Это обстоятельство в ближайшем будущем стало основой разлада между этолийцами и ахейцами. Но, в целом, даже Этолия много выиграла от существенного ослабления Македонии.

Деметриева война не окончилась при жизни Деметрия. Ее продолжил преемник Деметрия Антигон Досон. Но пока Антигон лишь начинал свою деятельность в Македонии, и внешнеполитическое положение страны продолжало оставаться тяжелым.

От всех этих неурядиц прямую выгоду получил Египет, греческие союзники которого столь значительно усилились. Правда Деметрий II настойчиво пытался сохранить свои позиции в противовес Египту, хотя бы в Эгейском море. Нам известно пребывание македонских сигонов на Делосе. Один из них, Аристокбул, был прославлен делосцами в соответствующем постановлении. Македония стремилась укрепить влияние и на Крите, где Деметрий был в союзе с Гортиной и некоторыми другими городами⁹⁹. Однако все эти акции были только отблесками прежнего морского могущества Македонии. Египет теперь вполне спокойно чувствовал себя в своих владениях, протянувшихся по всем берегам Эгеиды.

Но весьма скоро международная ситуация круто изменилась. Не потребовалось и десяти лет, чтобы вновь подвергнуть сомнению те, казалось бы, незыблемые успехи, которых добился и на Западе и на Востоке тщеславный Птолемей Эвергет.

ГЛАВА VI

В ПРЕДДВЕРИИ КРИЗИСА

§ 1. Начало Клеоменовой войны

Накануне наступления кризиса эллинизма международная борьба в Восточном Средиземноморье стала обостряться и драматизироваться. Некоторые государства обрели как бы «второе дыхание» и с возродившейся решимостью попытались вернуть утраченную мощь. Все это происходило на фоне неслыханных прежде по размаху и глубине социальных конфликтов, обнажавших язвы общественного неустройства.

Первой начала движение по этому пути Македония, испытавшая так много бедствий при Деметрии II. С 229 г. до н. э. здесь начал править Антигон Досон, сначала опекун юного Филиппа V, а вскоре царь македонян¹. Действия Антигона были стремительны и успешны. Подавив крупное народное восстание в Пелле и путем ловкой демагогии усыпив недовольство народа, Антигон в кратчайший срок усмирил отложившихся союзников, разгромил варваров на севере и нанес поражение этолийцам, чем положил конец затяжной Деметриевой войне². Господствующий класс Македонии благоговел перед своим удачливым предводителем. Но Антигону было мало достигнутого. Его заветной мечтой и страстью являлось повторное подчинение Греции македонскому царству, и поскольку выработанные первыми Антигонидами методы гегемонии в Элладе себя больше не оправдывали, Антигон начал искать новые пути, обращаясь к опыту Филиппа II и Александра. Зародыш «Эллинского союза» под верховенством Антигона виден уже в начале 20-х годов III в. до н. э.; костяк этого союза составили народы Фессалии, Фокиды, Локриды, Акарнании, Эпира, частично выведенные из-под

влиятельная Этолия в результате мирного договора, частично бывшие еще при Деметрии II союзниками Македонии³.

Антигон, точно предчувствуя скорую близость своей смерти, хотел осуществить максимум возможного. Он совершает победоносную экспедицию в Малую Азию, он ссат раздоры между этолийцами и ахейцами, играя на чувствах зависти этолийцев к успехам Ахейского союза. Кажется, не без усилий Антигона был сколочен «тройственный пакт» с участием Македонии, Этолии, Спарты, направленный против ахейцев. Наконец, в те же годы Антигон овладевает и Бсотией, опираясь на аристократическую группировку в Фивах во главе с Аскондом и Неоном⁴.

Путь Македонии в направлении к господству над Грецией был бы тем не менее долог и проблематичен, если бы в самой Греции не случилась грандиозная социальная междоусобица, известная под названием «Клеоменовой войны». Реформы Клеомена в Спарте известны сравнительно неплохо. Им посвящена значительная литература⁵, поэтому мы сознательно избежим изложения сути этих реформ и сосредоточим внимание на внешнеполитических аспектах проблемы. В самых общих чертах можно сказать, что осуществление социальных преобразований в пользу демоса позволило Клеомену проводить активные иноземные завоевания. Клеомен мог в этих завоеваниях на первых порах рассчитывать на энергичную поддержку низов греческого гражданского общества: ведь всюду народ стонал от долгов малоземелья и несправия.

Клеомен III, принадлежавший к благороднейшим представителям своего класса, известен не меньшей настойчивостью в достижении заветных целей, чем Антигон. Клеомен надеялся создать могучее Лакедемонское государство, способное подчинить себе Грецию, основанное на равенстве имущественных прав граждан и возрожденных институтов «ликургова строя». Царем богатых и знатных, демагогом и виртуозом дипломатии был Антигон Досон; вождем бедняков, недовольных социальными порядками, был Клеомен! Они неизбежно должны были столкнуться в непримиримой борьбе, чтобы решить судьбы Греции. Но пока все это ожидалось в будущем. Клеоменова реформа еще только предстояла, и о ней мало кто мог

в начале 20-х годов III в. до н. э. догадываться. Поэтому и стал возможен столь странный с точки зрения последующих событий альянс между Македонией, Этолией и Спартой против ахейцев. Впрочем, этот «тройственный альянс» никому особых плодов не принес. Антигон около 228 г. до н. э. отплыл для войны в Малую Азию, а этолийцы, измученные поражениями в Деметриевой войне, предпочитали сами не втягиваться в борьбу с ахейцами и старались натравливать на них Клеомена. Полибий с пристрастием к этолийскому «коварству» сообщает, что Клеомен отнял у этолийцев принадлежавшие им пелопоннесские города — Тегею, Мантинсию и Орхомен, а этолийцы «не вознегодовали за это и даже признали за ним захваченные города», так как «хотели создать из Клеомена могущественного противника ахейцам»⁶. Тем самым Этолия и Македония фактически сознательно толкнули Спарту на единоборство с Ахейским союзом и явились, как это ни парадоксально, в известной степени виновниками возвышения Клеомена.

Вражда между спартамцами и ахейцами началась еще до проведения реформы Клеомена. В 228/7 г. до н. э., когда стратегом ахейцев был Аристомах, произошли первые стычки в Аркадии⁷. В следующем, 227/6 г. до н. э., в очередную стратегию Арата, Клеомен нанес Арату поражение при Ликес, но сам, правда, потерял Мантинсию, захваченную ахейцами⁸. В битве при Ладоньях в Мегалополитиде ахейцы уже начали побеждать, обратив в бегство войско Клеомена, но Арат отдал приказ о прекращении преследования врага. Тогда Лиднад, старый соперник Арата по борьбе за власть в Ахейском союзе, возмутился этим приказом и сам с горсткой воинов бросился за бегущими спартамцами. Во время преследования Лиднад погиб, а лакедемоняне воспрянули духом, с криком ринулись на ахейцев и всех обратили в бегство. Ахейское народное собрание обвинило в этом поражении Арата и даже постановило не давать ему больше денег на войну. Арат хотел было сложить с себя полномочия стратега, но передумал и остался. До конца своей стратегии он успел восстановить собственную репутацию, нанеся поражение у Орхомена Мегистоною, отчиму Клеомена⁹.

П. Олива правильно отметил, что на этом этапе судьба войны была переменчива, так как ни спартамцам,

ни ахейцам не удалось достичь решающего перевеса¹⁰.

Совсем иначе обстояли дела в следующем, 226/5 г. до н. э., когда стратегом у ахейцев был Гипербат. Необходимость реформы в Спарте окончательно назрела, и Клеомен задумал ее провести; но, согласно его плану, опасное дело можно было совершить только во время войны. Летом-осенью 226 г. до н. э. Клеомен, как ни в чем не бывало, двинулся в новый поход, взяв с собою, однако, лишь воинов, наименее преданных ему и способных оказать сопротивление предстоявшему перевороту в Спарте. С ними он исколесил всю Аркадию, захватил Герсею, Альсию, побывал в Орхомене и, наконец, расположился лагерем у Мантиней. Крайне утомив и измучив войска, Клеомен оставил их на «отдых» у Мантиней, а сам отправился в Спарту и произвел политический переворот¹¹. Радикальные перемены в жизни Спарты немедленно отразились и на ее внешней политике. Мантинейцы открыли ночью городские ворота и добровольно отдались под власть Спарты, прогнав с помощью Клеомена ахейский караульный отряд. Опустошив владения Мегалополя, Клеомен к весне 225 г. до н. э. вступил уже в Ахайю, угрожая самому сердцу Ахейского государства. Здесь весной 225 г. до н. э. произошла решающая битва, о которой Плутарх рассказывает следующее: «Ахейцы собрали все свои силы и стали лагерем близ Димы подле Гекатомбея, туда же подошел и Клеомен, заняв позицию, по-видимому, весьма невыгодную — между неприятельским городом Димой и ахейским войском. Несмотря на это, он отважно бросал ахейцам вызов за вызовом, заставил их принять бой и нанес врагу решительное поражение, обратив в бегство весь строй пехоты: многие погибли в битве, многие живыми попали в руки спартанцев»¹².

Неудачи ахейцев были столь радикальны, что встал вопрос о мирных переговорах. На этом, вероятно, настаивали демократические круги ахейского общества, как потому, что народ требовал прекращения кровопролитной и разорительной войны, так и потому, что слухи о реформах в Спарте будоражили народное сознание и толкали демос на самые крайние меры. Олигархия начала всерьез тревожиться за судьбы своей власти. Прежде всего был обеспокоен Арат, лидер олигархической груп-

пировки; и именно он в целях спасения старого порядка еще до поражения ахейцев при Гекатомбее положил начало крутому повороту во внешней политике Ахейского государства. Этот поворот вызывал не столько удивление, сколько возмущение современников. По словам Плутарха, передающего мнения демократически мыслящих граждан, Арат «решился призвать в Грецию Антигона и наводнить Пелопоннес македонянами, которых сам же, освободив Коринф, еще мальчишкой изгнал из Пелопоннеса... Потомку Геракла и царю спартанцев, который хотел натянуть ослабевшие струны государственного устройства и сообщить им прежний лад — в согласии с законами Ликурга и чистыми правилами дорийской жизни, — он (Арат) не считал возможным предоставить право называться главою сиклонян и тритейцев и, в страхе перед ячменной лепешкой, потертым плащом, а самое главное, перед уничтожением богатства и облегченном мук бедности (это было основное, в чем обвинял Клеомена Арат), подчинил ахейцев и самого себя днадеме, багрянице и приказам македонских сатрапов»¹³.

Тем не менее формирование новой коалиции «Ахейский союз — Македония», закономерное с точки зрения общности классовых интересов рабовладельческой олигархии обеих стран, было делом отнюдь не простым. Полибий пишет, что Арат боялся пробудить у Антигона некий гнев своим предложением союза¹⁴. Опасался, конечно, Арат и возмущений ахейских демократов. Поэтому, кажется, где-то зимой 226/5 г. до н. э. Арат повел переговоры с Антигоном Досоном, однако не сам, а через подставных лиц, направив в качестве дипломатов в Македонию мегалопольских граждан Никофана и Керкида для просьбы о защите города Мегалополя от Клеомена. Мегалопольские послы, впрочем, говорили с Антигоном не столько от имени своего города, сколько от имени всего Ахейского союза. Они, прежде всего, указали Антигону на опасность коалиции Спарты и Этолии. Если лакдемоняне сокрушат ахейцев, то этолийцы могут активно выступать на стороне Клеомена, тогда Македонии придется восвать у своих границ со всеми греками. Поэтому послы предлагали Досону следить за событиями и явиться по призыву Арата на помощь ахейцам. Арат

же найдет залог верности и способ возместить услугу¹⁵. Полибий сообщает, что Антигон благосклонно принял эти заявления послов и со вниманием следил за последующими событиями¹⁶.

Антигон, конечно, хорошо понимал как трудности, так и выигрышность сложившейся ситуации для Македонии. В случае успеха становилась возможной самая основательная реставрация македонской гегемонии в Элладе. Буржуазные историки пытаются поставить под сомнение эту перспективу. Беттинген, например, заявляет, что Антигон Досон не питал никаких агрессивных намерений относительно Греции. Белох же утверждает, что для времен Досона фраза о чужеземном македонском господстве в Элладе звучит наивно, поскольку македоняне якобы стали такими же греками, как и спартанцы¹⁷. Эти взгляды, исключающие классовый подход к македонской внешней политике, находятся в безусловном противоречии с источниками.

Итак, мегалопольские послы были удовлетворены исходом переговоров и явились к Арату с благоприятными вестями. Когда вопрос о призыве Антигона на помощь Мегалополю был поставлен мегалопольцами в народном собрании Ахейского союза, Арат, казалось бы, должен был энергично поддержать мегалопольцев. Получилось иначе! Арат, этот опытный интриган, предвидя возможные обвинения в собственный адрес в случае неудачи своей промакедонской политики совершил еще одно *salto mortale*: он «взошел на трибуну, принял с признательностью готовность Антигона помочь, одобрил намерения народа, но в длинной речи убеждал собравшихся всячески стараться защищать свои города и страну собственными силами»¹⁸. Народное собрание последовало мнению Арата, однако вскоре произошло поражение ахейцев при Гекатомбее и все те события, о которых говорилось выше. Одновременно с этим окончился срок стратегии Гипербата, и должность стратега, как обычно, вновь предложили Арату. Арат из престижных соображений, отказавшись, совершив, как считали, акт политической безответственности; стратегом ахейцев на 225/4 г. до н. э. был избран Тимоксен¹⁹. Арат, впрочем, продолжал и после этого активно вмешиваться в государственные дела и, в частности, затеял второй

тур переговоров с Антигоном, послав в Македонию своего сына²⁰. Между тем ахейцы вели переговоры о мире с Клеоменом. Клеомен отправил к ним послов и, по известию Плутарха, «потребовал передать верховную власть, обещая, что во всем остальном спорить с ними не станет, но немедленно вернет и пленных и захваченные области. Ахейцы готовы были принять перемирие на этих условиях и приглашали Клеомена в Лерну, где они хотели созвать собрание»²¹. Речь шла, таким образом, о полной капитуляции, что должно было крайне испугать цеплявшихся за власть Арата и его приверженцев. К счастью для Арата, Клеомен заболел и явиться в Лерну не смог²². Арат попытался воспользоваться этой отсрочкой, чтобы оказать давление на ахейцев и уговорить их не заключать мира. Но на этот раз ахейский демос был принципиален и непреклонен и дал Арату отпор. Тогда Арат пошел на открытый срыв переговоров с Клеоменом. Едва Клеомен выздоровел и уже двигался к месту собрания ахейцев, как Арат послал к нему письмо с требованием, чтобы Клеомен явился в собрание не один, а с 300 заложников. Это была оскорбительная провокация, на которую Клеомен, к несчастью, поддался. Отказавшись продолжать переговоры, спартанский царь вновь объявил ахейцам войну. Надежды Арата на успешное завершение тайных контактов его сына с Антигоном пока не оправдывались, поскольку Досон требовал за свою помощь Коринф и Акрокоринф, а Арат все еще не хотел отдавать Досону эти ключи к господству в Элладе²³. По этой причине Ахейский союз в новой войне с Клеоменом оказался абсолютно беззащитен. Успехи спартанского царя достигли максимума и опирались на мощный рост демократического движения в Ахейском союзе. Плутарх пишет: «Среди ахейцев началось брожение, в городах пошли речи о выходе из союза, ибо народ мечтал о разделе земли и об отмене долговых обязательств, да и первые граждане во многих местах были недовольны Аратом, а некоторые открыто возмущались его планом привести в Пелопоннес македонян...»²⁴.

Клеомен взял Пеллену, а немного спустя Феней и Пентелий. Затем он внезапно напал на Аргос, где никто не подумал оказать ему сопротивление. Возможно,

тогда же и бывший тиран Аргоса, а потом стратег ахейцев Аристомех перешел на сторону Клеомена. Тотчас вслед за этим к Клеомену присоединились Кафий, Клеоны, Флиунт, Трезен, Эпидавр и Гермiona²⁵. Полибий говорит, что «Клеомен... беспрепятственно переходил от города к городу и привлекал на свою сторону одни города увещанием, другие страхом»²⁶. Из крупных городов Сикион и Коринф, однако, еще оставались под контролем ахейцев. Но и здесь, по словам Плутарха, обнаружились многие, кто стоял в связи с Клеоменом и питал тайную вражду к Ахейскому союзу²⁷.

Поэтому, когда весной 224 г. до н. э. Арат был избран ахейцами стратегом-автократором²⁸, он казнил в Сикионе всех виновных, но когда он пытался проделать то же самое в Коринфе, то этим вконец озлобил народ. Коринфяне едва не убили Арата, и он, спасая свою жизнь, бежал обратно в Сикион. Коринфские демократы после этого немедленно передали город Клеомену. Спартанский царь вступил в Коринф, но он понимал, что владеть Коринфом будет нелегко. Клеомен решил договориться с Аратом по поводу Акрокоринфа и посылал к Арату в Сикион посла за послом, предлагая либо выкупить крепость за деньги, либо нести стражу в ней совместно спартамцам и ахейцам. Из дипломатических соображений Клеомен сохранял в Коринфе неприкосновенным имущество Арата. Но ничего не помогло, Арат притензии Клеомена отклонил и тогда же, словно бы в насмешку над спартанским царем, на переговорах с Антигоном предложил, наконец, македонянам Акрокоринф и Коринф. Это позорное событие случилось, вероятно, еще летом 224 г. до н. э. Оно предрешило вступление Антигона Досона в войну. Чрезвычайно раздраженный коварством ахейского стратега, Клеомен немедленно конфисковал в Коринфе имущество Арата, а затем, вторгнувшись в Сикионскую землю, три месяца опустошал ее, может быть, в надежде захватить Арата в плен и взять последний оплот ахейцев в Пелопоннесе³⁰. Не сумев выполнить эту операцию, Клеомен вернулся к Коринфу, приказал обнести крепость частоколом, чтобы изолировать засевавших там ахейцев, а пространство между Акрокоринфом и так называемыми Онейскими горами укрепил

валом и рвом. Таковы были меры Клеомена в ожидании прихода Антигона, направленные на преграждение македонским войскам дороги в Пелопоннес³¹. Назревали решающие события Клеоменовой войны...

§ 2. Антигон Досон и Греция

Осенью 224 г. до н. э. или весной следующего года Антигон Досон с войском выступил в поход через Эвбею на Истм. Этот обходный путь ему пришлось избрать потому, что этоллы отказались пропустить его через свою территорию. С Антигоном было 20 000 пехоты и 1300 всадников, по сообщению Плутарха³². Арат и демиурги двинулись навстречу Антигону, и в Пеггах произошел обмен клятвами между союзниками. Подойдя к Коринфу, Антигон пытался всячески обойти укрепленные позиции Клеомена, но все эти попытки заканчивались неизменно неудачей. Плутарх говорит, что Антигон был чрезвычайно удручен этим и уже собирался осуществить трудную переправу своего войска в Сикиоп морем³³. Однако тогда же, летом 223 г. до н. э., в начале новой стратегии Тимоксена³⁴, у ахейцев произошли знаменательные и переломные события. Суть их состояла в том, что пелопоннесский демос, начал разочаровываться в политике Клеомена. «Народ был возмущен тем, что Клеомен обманул всеобщие ожидания и не уничтожил долгов», — пишет Плутарх³⁵. В задачу Клеомена, в конечном счете, не входило проведение реформ за пределами Спарты, и не следует видеть в этом нечто удивительное. Клеомен был всего лишь сыном своего времени и своей страны: стать вождем грандиозного общегреческого народного движения он не смог. И в этом был главный источник его поражения. Оттолкнув от себя пелопоннесский демос, Клеомен утратил все свое удивительное могущество, а те, кто только вчера поддерживали его, встали теперь под знамена олигархов-демагогов. В некоторых городах олигархия подняла голову, в Аргосе же произошел мятеж против Клеомена, возглавленный Аристотелем³⁶.

В момент начала аргосского мятежа Клеомен находился в Коринфе. Он сначала послал в Аргос для подавления аристократии Мегистоноя, но Мегистоной был разбит и, поняв, что положение стало слишком серьезно, Клеомен тотчас оставил Коринф³⁷. Почему

он сделал это? Полибий и Плутарх указывают, что Клеомен опасался оказаться в Коринфе в окружении³⁸. Возможно, эти опасения имели свое основание, но главной была растущая неустойчивость позиций Клеомена в пелопоннесских городах, утрата им социальной базы для продолжения успешных походов. Оставив Коринф, Клеомен тем самым открыл дорогу в Пелопоннес войскам Антигона; так без особых препятствий Антигон Досон совершил то, что прежде македоняне домогались упорными усилиями. Коринф был взят, а в крепости немедленно поставлен македонский караульный гарнизон³⁹.

Впрочем, Клеомен еще пытался спасти положение и, атаковав мятежный Аргос, почти добился успеха; но тут появились войска Арата и Антигона, соотношение сил снова изменилось в пользу антиспартанской партии, и Клеомен принужден был оставить Аргос, отправившись в Мантиню, а оттуда в Спарту⁴⁰. На пути в Спарту он узнал о страшной беде в своем собственном доме: горячо любимая жена его Агиатида, бывшая его подругой и единомышленницей, умерла. Но Клеомен мужественно принял это горькое известие как истинный стоик, не выказывая глубочайших душевных страданий⁴¹.

Между тем реакция начала в Пелопоннесе свирепую расправу с врагами Македонии. В Аргосе в руки Антигона и ахейской олигархии попал бывший тиран аргивян и стратег ахейцев Аристомех; палачи схватили его и бросили живым в море⁴². Плутарх, следуя рассказу Филарха, довольно откровенно пишет о новой обстановке в Пелопоннесе: «Антигону подарили Коринф, словно какую-то жалкую деревушку... ему отдали на разграбление Орхомен, а затем позволили разместить там македонский сторожевой отряд, ...было принято постановление запрещающее без ведома и согласия Антигона писать и посылать послов к любому из остальных царей, ...греков заставили содержать македонян и платить им жалованье, ...они приносили Антигону жертвы, совершали в его честь торжественные шествия и устраивали игры,— чему начало положили сограждане Арата... Арат, ...передав поводья Антигону и влекомый неукротимым потоком царского могущества, ...остался хозяином и владыкою лишь собственного голоса, да и голосу-то звучать свободно было уже небезопасно»⁴³. Естественно предпола-

гать, что этой ситуацией многие были недовольны, но открыто вступить в борьбу с засильем македонян пелопоннесские патриоты уже не могли: усталость и разочарование, по-видимому, овладели народом, разуверившимся и в Арате, и в Клеомене, и в других сладкоречивых вождях.

С осени 223 г. до н. э. Антигон и союзники продолжали наступление на Клеомена, в особенности атакуя его позиции в Аркадии. Перезимовав в окрестностях Сициона и Коринфа, Антигон весной 222 г. до н. э. взял Тегею и проник в Лаконику, возможно, с расчетом на легкую победу. Но Клеомен стянул в Лаконику свежие силы, и Антигону пришлось отступить⁴⁴. Летом и осенью того же года македоняне и ахейцы взяли Орхомен и Мантинею, причем зверски расправились с мантинейцами: самых первых граждан города казнили, остальных либо продали, либо в оковах отправили в Македонию, а все добытые деньги разделили на три части — две получили македоняне, одну ахейцы. Филарх, подробно рассказывая об этой расправе, справедливо обвиняет в ней Антигона и Арата. Полибий, отстаивающий классовые позиции ахейской олигархии, издевательски высмеивает Филарха за пристрастие последнего к описаниям мучений и страданий народа, но и Полибий вынужден все же признать, что «после победы ахеяне только (?) расхитили имущество мантинейян и продали свободных граждан, не учинивши ничего (!) большего»⁴⁵.

Покорив Мантинею, Антигон еще накануне зимы 222/1 г. до н. э. приобрел Герею и Тельфусу, а затем отпустил македонян на зимовку на родину⁴⁶.

Клеомен уже не мог предотвратить этих потерь, однако пытался контратаковать Антигона зимой и ранней весной 222/1 г. до н. э. в Аркадии и Арголиде. Клеомен рассчитывал, что Антигон войдет в бой со слабыми силами, поскольку большинство его войска находилось в Македонии; но Антигон разумно не принял боя, вследствие чего Клеомен беспрепятственно захватил Мегалополь и ограбил Арголиду⁴⁷. Эти акции, конечно, не могли изменить общего соотношения сил: перевес по-прежнему оставался на стороне врагов Спарты, и лето 221 г. до н. э. должно было окончательно определить исход войны.

С наступлением жарких дней Антигон двинул свои

войска в Лаконику. Здесь у деревни Селласия состоялась битва, в которой участвовали все наличные силы противников. Клеомен разместил 20 000 своих воинов на двух холмах — Олимпе и Еве; сам командовал лакедемонянами и наемниками на Олимпе, а брат его Евклид возглавлял отряды периеков и союзников на Еве. Между холмами в долине Клеомен поставил конницу и небольшие подразделения пехоты. Примерно так же расположил войска Антигон. Согласно Полибию, у Антигона было около 30 000 воинов, в том числе македоняне, бео-тяне, эпироты, акарнанцы, иллирийцы, галаты, критяне, мегалопольцы, ахейцы и множество наемников. Против Олимпа Антигон встал сам с македонянами и наемниками; против Евы выстроил македонян, иллирийцев, акарнанцев, критян и 2000 ахейцев; командовали на этом фланге Александр, сын Акмета, и Деметрий Фарский. Напротив конницы спартанцев в долине Антигон поместил свою конницу и 2000 человек пехоты — ахейцев и мегалопольцев⁴⁸. Такова была дислокация войск противника накануне битвы при Селласии. Превосходство Антигона заключалось в численности, но Клеомен пока компенсировал это стратегически выгодным положением армии на высотах.

Битва ожидалась необычайно упорная и напряженная. Она довольно подробно описана Полибием, но некоторые коррективы вносят Плутарх и другие авторы. Сражение началось атакой, которую предприняли Александр и Деметрий Фарский против Евклида. Увлеченные битвой, они продвинулись слишком далеко вперед и открыли свой тыл. Воспользовавшись такой слабостью, спартанская легкая пехота, стоявшая в долине, ударила по этому тылу, и весь фланг Александра и Деметрия оказался в тисках, под угрозой полного разгрома⁴⁹. Положение спас молодой мегалопольский военачальник Филопем. Полибий и Плутарх по-разному описывают его подвиг. У Полибия сказано, что Филопем атаковал в долине спартанскую конницу, вследствие чего легкая пехота Клеомена вынуждена была прекратить давление на тылы иллирийцев и македонян и вернулась на помощь своим всадникам⁵⁰. У Плутарха дело выглядит иначе: Филопем со своей конницей ударил по легкой пехоте Клеомена, зайдя ей, в свою очередь, в тыл; поэтому легкая пехота спартанцев не могла преследовать иллирий-

цев и македонян и сама бежала с поля боя⁵¹. Кто из античных авторов ближе к истине, сказать трудно, хотя операция, описанная Плутархом, выглядит более динамичной. Освободившись от тылового давления, войска Александра и Деметрия столкнули фланг Евклида с холма и обратили спартацев в бегство⁵². Но это был еще не конец битвы. На другом фланге, где сражались цари, она разгорелась еще жарче. Сначала бились только легковооруженные, но потом и Клеомен, и Антигон ввели в действие свою тяжелую пехоту. «Бой был жестокий,— пишет Полибий,— причем то медленно отступали македоняне, далеко оттесняемые отвагою лакедемонян, то поддавались лакедемоняне под тяжестью боевого строя македонян»⁵³. Наконец, Антигон выбил своего врага из укреплений, и все спартанское войско бежало в беспорядке, потеряв в битве при Селласии громадное количество людей убитыми и ранеными. Плутарх отмечает, что наемников погибло очень много, а спартацы пали почти все: из 6000 уцелело лишь 200⁵⁴. Потери Антигона источники, к сожалению, не сообщают.

Битва при Селласии означала полное поражение Спарты и ознаменовала собою конец Клеоменовой войны. Клеомен оставил Лаконику и удалился в Египет, а Антигон, вступив в город Спарту без особого сопротивления, ликвидировал реформы Клеомена и восстановил олигархическое устройство⁵⁵. Павсаний сообщает, что после битвы при Селласии македоняне и ахейцы продали в рабство всех жителей Селласии⁵⁶. Этот факт целиком опровергает мнения, высказанные в древности и повторяемые в некоторых трудах буржуазных историков, будто Антигон обошелся со спартацами «мягко» и дал им «свободу»⁵⁷.

Уже захватив Спарту, Антигон получил тревожное письмо из Македонии о нападении на страну иллирийцев и смело тронулся с войсками на север. На пути в Македонию Антигон побывал в Тегее, на Немейских играх в Аргосе, и всюду ему воздавались пышные почести и похвалы за освобождение Греции от «тирана» Клеомена. В Пелопоннесе Антигон оставил уполномоченного Тавриона, а в Спарте сделал пачальником бестийца Брахиллу, сына Несса. Мегалополью Антигон тогда же дал писанные законы. Везде македонский царь вмешивался в греческие дела, подчиняя своей гегемонии

разнородные силы и опираясь в основном на олигархию. Так по эгидой Македонии укрепился Союз эллинских государств, каждое из которых в свою очередь было союзом полисов. Только Этолия и Афины не вошли в этот союз. Спарта, как побежденная держава, также не была его равноправной участницей. Все остальные греки стали «союзниками» Македонии: фессалийцы, акарнанцы, фокидяне, эпироты, ахейцы, локрийцы, беотыяне и др.⁵⁸. Самый факт подъема этого нового союза на развалинах демократического движения 20-х годов III в. до н. э. достаточно ясно показывает общую направленность международного развития на Балканском полуострове: от независимых эллинских федераций к подчинению Эллады сначала македонянам, а затем Риму.

Вскоре после своего возвращения в Македонию Антигон разгромил иллирийцев в большой битве, однако мнущие испытания тяжело отразились на его здоровье. Он опасно заболел и тогда же в 221 г. до н. э. умер, оставив македонский трон Филиппу, сыну Деметрия⁵⁹.

Время возвышения Македонии на Балканском полуострове совпало с моментом ее усиления также на Востоке и в Эгеиде. Одновременно происходил некоторый подъем империи Селевкидов и начинался необратимый внешнеполитический упадок Египетского государства. К концу III в. до н. э. уже определилась та система восточномедиземноморских международных отношений, которую знал и которую последовательно разрушал Рим. Но, пожалуй, в еще большей степени она сама разрушала себя, доказательством чего служит материал следующего параграфа.

§ 3. Крушение египетской гегемонии

В начале данной главы уже упоминалось о походе Антигона Досона в Малую Азию. Сведения об этом походе, к сожалению, до сих пор весьма скудны. По Помпею Трогу ясно, что Антигон около 228 г. до н. э. «покорил... Карию в Азии»⁶⁰. Со времен Дройзена исследователи ведут споры по поводу целей этой не совсем обычной для македонских царей III в. до н. э. экспедиции⁶¹. Но в основном историки согласны в том, что врагом Досона был здесь прежде всего Египет⁶². В приводившейся ранее работе Г. Бенгтсона «Надписи из Лабранды и

политика Антигона Досона» цитируется письмо Филиппа V к Олимпиху, одному из правителей Малой Азии. Г. Бенгтсон расценивает это письмо как одно из доказательств реальности македонского владычества здесь еще со времен Антигона Досона. Выводы Бенгтсона заслуживают внимания, но вряд ли справедливо его предположение о дружественных отношениях Антигона с Птолемеем III и Атталом во время карийского похода македонского царя⁶³. Далее мы покажем, что Египет и Македония в начале 20-х годов III в. до н. э. находились в состоянии безусловной вражды между собой. Разумеется, это еще не дает права считать, что Досон в Азии был на стороне кого-либо из Селевкидов, но такое мнение все-таки не исключено. Главным же образом македонский царь действовал в Малой Азии в своих собственных интересах, используя смуты и раздоры на этой многострадальной земле. Как уже отмечалось, политические замыслы Антигона были весьма широки, и его азиатские акции являлись одним из элементов завоевательной политики в Эгеиде.

Островные греки и особенно жители Киклад при Досоне снова в полной мере испытали бесцеремонное вмешательство македонян в свои дела. Сохранился ряд незиотских декретов, приписываемых исследователями с некоторым вероятием ко времени Антигона Досона. Так, в декрете Аморгоса сказано о пребывании Антигона на этом острове у проксена Соснстрата. В другой аморгосской надписи повествуется о социальном возмущении на островах и о миссии македонского посла Диоклида, который водворил там порядок. В постановлении Сироса сообщается еще об одном посланнике Антигона, Эвмеде, сыне Филодема, разрешившем какие-то финансовые проблемы жителей острова. Наконец, в декрете Коса упоминается о некоторых даннических обязанностях коцев по отношению к Антигону и его войнам⁶⁴. Факты эти достаточно красноречивы и вполне согласуются с тем, что нам известно о политике Досона в Греции. Досон продолжал и развивал также меры своих предшественников по укреплению влияния на Крите. Сохранились союзные договоры городов Гиерапитны и Элевтерны с Досоном; критские города обязывались не смыкаться ни с каким союзом, противостоящим Досону, не нападать ни на одну подвластную царю землю⁶⁵.

Энергичнейшие усилия предпринимала Македония и в своей деятельности по поддержанию дружественных отношений с Родосом — этим важнейшим перевалочным пунктом средиземноморской торговли. Когда на Родосе произошло землетрясение (около 226 г. до н. э.), цари и правители различных государств послали родосцам материальную помощь в виде различных подарков. Среди дарителей были: Гиерон и Гелон, сиракузские тираны; царь Египта; Селевк, царь Азии; Пруссия и Митридат, цари Вифинии и Каппадокии; Лисания, Олимпих и Лимней, правители малоазийских государств; Антигон Досон и его жена Хриссида. Перечисление подарков всех этих владык у Полибия свидетельствует о конкуренции держав эллинистического мира по поводу влияния на Родос и даже о нарочитой демонстрации каждым из царей своих богатств и могущества как родосцам, так и друг другу. Египет, безусловно, выглядит щедрейшим из всех, но и Македония, и Селевкидская империя не показывают желания ему уступить⁶⁶. Трудно найти более яркое и убедительное отражение подлинных отношений между «великими державами» в 20-х годах III в. до н. э., чем этот рассказ Полибия о последствиях родосского землетрясения! Можно ли после этого сомневаться в неизбежности борьбы Антигона Досона с Птолемеем III за господство в Малой Азии и на островах Эгейского моря? Достаточно очевидно, что такая борьба имела место, и она привела к серьезным успехам Македонии. Египет вновь утратил ряд важных позиций в Эгеиде. Но этим дело, конечно, не кончилось. Для полноты картины следует вернуться к греческим делам и выяснить, как разворачивались македоно-египетские отношения в этой сфере. В начале Клеоменовой войны ахейцы, по словам Полибия, «желали сохранить дружбу с Птолемеем»⁶⁷. Птолемей, конечно, традиционно поддерживал их как врагов Македонии, но когда ахейцы потерпели ряд серьезных поражений от Клеомена (примерно к весне 225 г. до н. э.), «Птолемей порвал союз с ахейским народом и решил поддерживать Клеомена с целью поднять его против Антигона; он рассчитывал, что скорее с лакедемонянами, нежели с ахеянами, в состоянии будет смирить притязания македонских царей»⁶⁸. Характер египетско-македонских отношений изменился только тогда, когда поражение Клеомена ста-

ло очевидно. Правда, Птолемей III в 223 г. до н. э. еще раз предложил помощь спартанскому царю, но потребовал за это в заложники мать и сыновей Клеомена. Когда же мать Клеомена Кратесиклея явилась в Египет, она узнала о том, что «Птолемей принимает послов Антигона и благосклонно их выслушивает»⁶⁹. О чем именно шли переговоры, догадаться нетрудно. Египетский царь просто-напросто предал своего спартанского союзника и пошел на какие-то уступки Македонии. Это бесспорно свидетельствует об авторитете державы Антигона Досона и о нарастании слабости, неуверенности политики Египта. Видимо, в этом направлении развивались события и накануне битвы при Селласии: «Дней за десять до сражения прибыл от Птолемея посол для уведомления Клеомена: что Птолемей отказывается от содержания его войска и советует ему помириться с Антигоном»⁷⁰.

Таким образом, всюду египетская сила в 20-х годах III в. до н. э. отступала под давлением Македонии: и в Малой Азии, и в Эгейском архипелаге, и в Греции.

Не взирая на упомянутые акции египетских властей, Клеомен, как уже сказано, после поражения при Селласии эмигрировал в Египет, где был довольно любезно принят при дворе и несмотря ни на что надеялся получить финансовую и военную поддержку, а впоследствии возобновить войну с Антигоном. Пока был жив Птолемей III, Клеомен еще сохранял надежду на исполнение этих замыслов, однако Птолемей III умер, и элементы упадка египетской внешней политики, обозначившиеся уже с середины 20-х годов III в. до н. э., углубились. Птолемей IV, пьяница, развратник и убийца, был равнодушен к иностранным делам. Египет погряз в интригах, внутренних конфликтах, испытывал серьезные экономические трудности; поэтому даже при больших усилиях было бы нелегко вернуть стране ее прежнюю внешнеполитическую мощь. Царь и его окружение не только не старались этого сделать, но, наоборот, принимали меры к свертыванию международной активности своей державы⁷¹. Напрасно Клеомен взывал о помощи, о предоставлении кораблей и денег для организации похода в Грецию! Напрасно указывал спартанский вождь на благоприятность момента: смерть в Македонии Антигона, смуту в Целопоннесе, активизацию врагов Ма-

кедонии — этолийцев! Эти аргументы только испугали правителей Египта. Они стали опасаться, «что Клеомен, у которого со смертью Антигона не оставалась ни одного равносильного соперника, может быстро и без борьбы покорить своей власти Элладу и стать могущественным и грозным врагом египтян»⁷². Сосибий, первый человек при египетском царе, инспирировал клевету на спартанского вождя, сообщив Птолемею IV, будто бы Клеомен хочет поднять восстание в Александрии. По приказу Птолемея IV Клеомен и его товарищи были немедленно брошены в тюрьму. Отсюда они сумели бежать и действительно попытались возмутить народ в египетской столице. Эта мера не была, разумеется, подготовлена и окончилась неудачей; чтобы не оказаться снова во власти палачей и мучителей, спартанцы во главе со своим царем наложили на себя руки⁷³. Так умер Клеомен и унес в могилу последнюю возможность для Египта вернуть верховную гегемонию над греками. Погубив Клеомена, Египет нанес еще один удар самому себе!

И в отношениях с Селевкидами Египет уже не мог показать прежней энергии и целеустремленности! После смерти Селевка II Каллиника (226 г. до н. э.) власть над Востоком унаследовал его старший сын Селевк III, прозванный Керавном. Главную задачу Селевк III справедливо видел в борьбе с Атталом, покорившим к тому времени почти всю Малую Азию. Перевалив с огромной армией через Тавр, Селевк III был где-то во Фригии убит (223 г. до н. э.). Родственник павшего царя Ахей принял командование войсками и действовал против Аттала настолько успешно, что завоевал снова всю Азию по сю сторону Тавра и запер Аттала в самом Пергаме⁷⁴. Так весьма скоро было ликвидировано пергамское могущество. Ахей не пошел на то, чтобы возложить на себя царскую диадему, а вначале уступил царский трон младшему сыну Селевка II Антиоху III. Однако по мере роста своих военных удач Ахей развивал все большие притязания и, наконец, провозгласил себя независимым царем⁷⁵. В войне Аттала с Ахеем Малая Азия снова была взбудоражена какими-то коалиционными столкновениями. Византийцы пытались примирить Аттала и Ахея, тогда как Вифиния, наоборот, разжигала конфликт между ними, не желая преобладания ни

того, ни другого⁷⁶. Вероятно, этими мерами малые государства пригеллеспонтского района по своему обыкновению стремились отстоять независимое существование от притязаний как пергамского, так и селевкидского царств.

Усиление Селевкидской державы выразилось не только в политике Ахея, но и в деятельности «законного» царя — Антиоха. В конце 20-х годов III в. до н. э. Антиох III разбил Молона и Александра — мятежных сатрапов Мидии и Персии, а затем организовал тайное убийство Гермии — одного из влиятельнейших своих сановников, претендовавшего, быть может, на захват власти⁷⁷. Таким образом, порознь Антиох и Ахей добились знаменательных результатов; но «двоявластие» в империи Селевкидов не могло продолжаться долго и в конечном счете вело к конфликту между Антиохом и Ахеем. Таково было наиболее уязвимое место в политической системе Селевкидов. В иное время Египет сделал бы ставку на это обстоятельство, но теперь тактика державы Птолемеев в Азии оказалась столь же пассивной, как и в Греции. Правда, мы слышим о каком-то письме Птолемея к Ахею, в котором Птолемей убеждает Ахея сокрушить Антиоха ради верховной власти и обещает поддержку флотом и деньгами. Но сказать с уверенностью, существовало ли такое письмо на самом деле, мы не можем. Полибий ведь говорит, что это — сочинение, по-видимому, не Птолемея, а Гермии, с целью заставить Антиоха III отказаться от похода на Восток против Александра и Молона⁷⁸.

Итак, в 20-е годы III в. до н. э. наметился поворот в соотношении международных сил, характеризующийся упадком Египта и новым возрастанием энергии Македонского, а отчасти и Селевкидского царства. Процессы, последовавшие за этим рубежом, выходят за рамки предмета нашей монографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование международной системы государств эллинистического мира показывает, что эта система претерпевала закономерную эволюцию в течение всего III в. до н. э. Начавшись как органическая замкнутая целостность с едва намечившимися расчленениями, она закончилась разрывом своих элементов между Востоком и Западом, пошедшими в последующие пять веков различными историческими путями. Греция и Македония первыми вошли в ареал, контролировавшийся рабовладельческим Римом, на иранском Востоке сформировалась иная сила — Парфянская держава, постепенно поглотившая значительные территории и развивавшаяся в направлении к феодализму.

Борьба эллинистических государств III в. до н. э. подготовила этот исторический дуализм. И тенденции международного единства, и тенденции к распаду эллинистической целостности выразились в существовании флангово-триполярной (трехсиловой) системы государств, включавшей в себя Египет, державу Селевкидов, Македонию. В триполярной системе существовало относительное равновесие сил, и, следовательно, ограничивалась возможность реализации тенденций к «мировому» господству. Именно такую триполярную систему предполагали в качестве своей подструктуры те социально-экономические условия эллинизма, которые сложились в III в. до н. э. Но к концу этого века социально-экономические условия начали меняться, эллинизм вступил в стадию затяжного кризиса. Вместе с этим внутренним кризисом рухнула и система международного равновесия. Если внешнеполитические успехи Египта после 50-х годов III в. до н. э. были, в основном, отражением реального равновесия сил, то необратимый упадок Египта при Птолемее Филопаторе означал ликвидацию этого равновесия. Подъем Македонии при Антигоне До-

соне и Селевкидской империи при Антиохе III был лишь оборотной стороной упадка Египта и представлял собой, по всей вероятности, эмбриональную попытку создания биполярной системы государств на базе самого эллинистического мира.

Кризис эллинизма делал, однако, и эту биполярную систему (Македония — империя Селевкидов) весьма нестабильной. Как показывает историческое развитие конца III в. до н. э., обе державы, в конечном итоге, устремились к ликвидации биполярности и реставрации монополярности, т. е. единства эллинизма в рамках одного государства. Но этот путь также был невозможен, и причиной невозможности следует считать опять-таки кризис эллинизма. Всякие попытки сохранить замкнутое существование эллинистической международной системы наталкивались на это препятствие. Закономерен и прогрессивен был лишь процесс выхода за пределы эллинистической системы государств, ликвидации последней и образования новой системы государств. Реализовался этот процесс в Римском завоевании на Западе и Парфянском завоевании на Востоке. Начало процесса ориентировочно падает на 220 г. до н. э., т. е. на ту самую дату, которую весьма принципиально зафиксировал Полибий. Доминирующими силами новой системы государств были уже не эллинистические монархии, а иные социально-политические и историко-географические комплексы.

Международная эллинистическая система возникла, прошла весьма напряженный и драматический путь развития и погибла. Ее история наглядно подтверждает существование некоторых генетических закономерностей международных отношений в древнем мире, о которых речь шла в первой главе данной монографии. Вместе с тем международные отношения III в. до н. э. любопытны и в структурном аспекте. Особенности дипломатии, международного права, военной организации эллинистических государств демонстрируют необходимость выведения природы этих социальных институтов из формационной специфики рабовладельческого общества на конкретном его этапе. Приведенные выше исследования показывают, что модернизация здесь недопустима не столько в сфере терминологии, сколько в существе затрагиваемых фактов и понятий. Восхи-

щение буржуазных модернизаторов, например, В. Тарна, сходством III в. до н. э. с так называемой «современностью» кажется нам чисто эмоциональным и конъюнктурным, но никоим образом не научным приемом.

Изучение эллинизма с методологических позиций марксистско-ленинской науки обогащает теорию международных отношений, а последняя вместе с тем служит источником понимания самого эллинизма как исторического явления. Эллинизм имманентно несет в себе некоторые международные атрибуты, он немислим без них, подобно всей рабовладельческой формации. Разумеется, данная монография отнюдь не является попыткой достичь определения столь сложного понятия, как «эллинизм», но автор стремился показать особую роль международных отношений как атрибута эллинизма, динамику и статику этих отношений. Автору остается лишь выразить надежду, что поставлена проблема, которая не окажется бесплодной и составит предпосылку дальнейших методологических поисков в направлении расшифровки узловых понятий древней истории.

СНОСКИ К «ВВЕДЕНИЮ».

¹ Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Bd. II—III. Berlin, 1926—1958.

² Iustini M. Iunani Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi. Lipsiae, 1907; Plutarchi Moralia. Vol. I—VII. Lipsiae, 1888—1896; Plutarchi Vitae parallele. Lipsiae, 1914—1934; Pausaniae Graeciae descriptio. Lipsiae, 1903; Appiani historia romana. Vol. I, Lipsiae, 1879; vol. II, Lipsiae, 1905; Josephus Flavius. Opera. Vol. 1—7, 1885—1895; Diogenes Laertius. De vites, dogmatibus et apophthegmatibus clarorum philosophorum. Lipsiae, 1828, 1831; Eusebius. Chronicorum libri duo. Vol. 1—2. Berolini, 1866—1875; Polyacni Strategematon. Lipsiae, 1887; Frontini Juli Strategematon. Lipsiae, 1888; Livi Titi Ab urbe condita libri. Lipsiae, 1906; Diodorus. Bibliotheca historica. Vol. I—V. Lipsiae, 1888—1906; Strabonis Geographica. Lipsiae, 1915; Luciani Samosatensis Opera. Lipsiae, 1913—1921; Stephani Byzantini Gentilia per epitomen «De urbibus». Lugduni Batavorum, 1694; Athenaei deipnosophistae e recognitione A. Meineke. Vol. 1—4. Lipsiae, 1858—1864; Stobaei Florilegium. Vol. 1—4. Lipsiae, 1823—1824; Polybius. Historiae. Vol. 1—4. Lipsiae, 1889—1905.

³ Феокрит. Моск. Биоп. Идиллии и эпиграммы. М., 1958; Reinach A. Les Gaulois en Egypte. (REA, XIII, 1911).

⁴ Dittenberger G. Orientis graeci inscriptiones selectae. Vol. 1—2. Lipsiae, 1903—1905; Dittenberger G. Sylloge inscriptionum graecarum. 2 edit. Vol. 1—3. Lipsiae, 1898—1901; 3 edit. Vol. 1—4. Lipsiae, 1915—1924; Durrbach F. Inscriptions de Delos. Paris, 1926. Inscriptiones graecae. 1 edit. Vol. II—XI. Berolini, 1877—1914; Michel C. Recueil d'inscriptions grecques. Fasc. 1—4. Bruxelles, 1898.

⁵ Welles C. B. Royal correspondence in the hellenistic period. New Haven, London, 1934; Smith S. Babylonian historical texts. London, 1924; Inscriptions of Asoka. Delhi, 1957.

⁶ Momigliano A. A new date for the battle of Andros? A discussion.—«The classical quarterly». Vol. XLIV, Oxf., 1950; Vogliano A. Nuovi testi Storici.—«Rivista di filologia...» Anno LIV, 1926; LV, 1927.

⁷ Head B. Historia numorum. Oxford, 1911; Антонович В. Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее университета св. Владимира. Вып. I. Киев, 1896; Зограф А. II. Античные монеты. М.—Л., 1951.

⁸ McCredie J. K., Steinberg A. A Ptolemaic Fort in Attica.—«American journal of archaeology». Vol. 65, 1961.

⁹ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3. М., 1893; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1950; Тарн W. Antigonos Gonatas. Oxf., 1913; Beloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV, Abt. 1—2, Leipzig, 1925—1927; Ferguson W. Hellenistic Athens. London, 1911; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten. Bd. 2, Gotha, 1899; Holm A. Griechische Geschichte. Bd. 4. Berlin, 1894.

¹⁰ The Cambridge ancient history. Vol. VII. Cambridge, 1928; Holleaux M. Roma, la Grece et les monarchies hellenistiques au III siecle av. J.C. Paris, 1921; Walbank F. W. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940.

¹¹ Rostovtzeff M. The social and economic history of the hellenistic world. Vol. I—III. Oxf., 1941; Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. I. Nancy, 1966; Mc Shane R. B. The foreign policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964; Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dason. München, 1971; Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts vor Chr. Wiesbaden, 1972.

¹² Соколов Ф. Ф. Труды. СПб., 1910; Пикитский А. В. Камфиктсионским надписям этолийского времени.—«ЖМНП», 1905, март; Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. Ср.: Жебелев С. А. Из истории Афин. 229—31 гг. до Р.Х. СПб., 1898.

¹³ Мищенко Ф. Г. Федеративная Эллада и Полибий.— В кн.: Полибий. Всеобщая история в 40 книгах. Т. I. М., 1890, стр. I—CCXIV; Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

¹⁴ Бергер А. Социальные движения в древней Спарте. М., 1936; Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., 1950; Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Ч. I. М., 1960; Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1960; Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969; Ленцман Я. А. К вопросу об источниках эллинистического пиратства.—ВДИ, 1946, № 4; Пикус Н. Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н. э. М., 1972; Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 2. Казань, 1963; Цибукидис Д. И. Из истории эллинистической Греции. Дис. на соискание уч. степеней канд. ист. наук, М., 1968; Свенцицкая И. С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963; Голубцова Е. С. Сельская община Малой Азии III в. до н. э.—III в. н. э. М., 1972; Блаватская Т. В., Голубцова Е. С., Павловская А. И. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969.

СНОСКИ К ГЛАВЕ «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЭЛЛИНИЗМ».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 368.

² Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., «Международные отношения», 1976; Кокошин А. А. Прогнозирование и политика. М., «Международные отношения», 1975; Современные буржуазные теории международных отношений. М., «Наука», 1976.

³ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Политика, социология, международные отношения. М., 1974; Социологические проблемы международных отношений. М., 1970; Ермоленко Д. В. Социология и проблемы международных отношений. М., 1977; Васильев В., Писарев В., Хозин Г. Экология и международные отношения. М., 1978; Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны.—В кн.: Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, стр. 301—316.

⁴ Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1963, стр. 34.
⁵ См. Лямин В. С. География и общество. М., 1978, стр. 46.

⁶ Ср.: Самаркин В. В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976, стр. 3—9.

⁷ Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, стр. 643.

⁸ Маркс К. Капитал, т. 1. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, стр. 522.

⁹ Там же, стр. 521.

¹⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, стр. 30.

¹¹ Там же.

¹² Подробнее об этом см.: Методология исторического познания и буржуазная наука. Казань, Изд-во КГУ, 1977, стр. 6—21.

¹³ См. К. Маркс. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 735.

¹⁴ Ленин В. И. Китайская война. — Полн. собр. соч., т. 4, стр. 381—383.

¹⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, стр. 60.

¹⁶ См., напр.: История дипломатии. М., 1959.

¹⁷ См., Израитель В. Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975, стр. 146.

¹⁸ См. Кудрявцев О. В. Проблема периодизации истории рабовладельческого общества. — В кн.: Исследования по истории Балкано-Дунайских областей... М., 1957, стр. 260 и далее.

¹⁹ Там же, стр. 257.

²⁰ Aristot., Polit., 1254a-b.

²¹ См. Курс международного права. Т. 1. М., 1967, стр. 39—43.

²² См. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, стр. 146—155.

²³ Спорно мнение В. К. Чалояна относительно того, что «владычество Рима на Востоке — явление реакционное». См.: Чалоян В. К. Восток—Запад. М., 1968, стр. 54.

²⁴ О понятиях «мировое господство», «мировая империя» в древности см.: Шофман А. С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976, стр. 246 и далее.

²⁵ Семенов Ю. И. Теория социально-экономических формаций и всемирная история. — В кн.: Общественно-экономические формации. М., 1978, стр. 81.

²⁶ Напр.: Thuc. I, 23.

СНОСКИ К ГЛАВЕ «СРЕДСТВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ»

¹ Маринович Л. П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975.

² Polyaeu. IV, 6, 17. — Тагн W. Antigonus Conatas, p. 169, п. 5.

³ Polyaeu. IV, 6, 18.

⁴ Paus. I, 7, 2.

- ⁵ Luc., Zeux. 8.
⁶ Paus. X, 19, 9; 20, 3—5.
⁷ Эти сведения есть у Диодора и Юстина.
⁸ Plut., Pyrrh. 26.
⁹ Polyb., II, 65, 2—5.
¹⁰ Polyb., II, 65, 7—10.
¹¹ Plut., Kleom. 28.
¹² Polyb. V, 65.
¹³ К. Маркс. Из рукописного наследства.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 729.
¹⁴ Liv. XXXVIII, 17.
¹⁵ Ael. XII, 23.
¹⁶ Paus. X, 20, 6.
¹⁷ Paus. X, 21, 3.
¹⁸ Paus. X, 19, 8. Ср.: Polyæn. VII, 35, 1.
¹⁹ Memn. 19.
²⁰ Polyæn. IV, 6, 17.
²¹ Plut., Pyrrh. 26.
²² См. подробнее об этом в следующих главах.
²³ Polyb. II, 65, 2—5.
²⁴ Plut., Pyrrh. 26.
²⁵ Paus. I, 6, 2; Reinach A. Les Gaulois en Egypte. REA, XIII, 1911, p. 33.
²⁶ Steph. Byz. Λυκῶρα
²⁷ Plut., Pyrrh. 29.
²⁸ Plut., Pyrrh. 27.
²⁹ Здесь мы имеем в виду наемный отряд Ксантиппа (Eutrop. II, 11). Подробности — у Полибия.
³⁰ Polyæn. IV, 6, 17.
³¹ Just. XXVII, 2.
³² Paus. I, 7, 2.
³³ Reinach A. Op. cit., p. 33.
³⁴ Polyb. IV, 60, 2.
³⁵ Polyb. II, 5, 4.
³⁶ Polyb. V, 36, 3—4.
³⁷ Polyb. V, 59, 7—8.
³⁸ OGIS 266.
³⁹ Strab. 724, 752.
⁴⁰ Strab. 752.
⁴¹ Smith S. Babylonian historical texts, p. 156—157.
⁴² Luc., Zeux., 8—10. Подробности битвы в следующей главе.
⁴³ Luc., Zeux. II.
⁴⁴ Memn. 14.
⁴⁵ Just. XXV, 1, 6; Plut., Pyrrh., 26.
⁴⁶ Just. XXV, 1, 6.
⁴⁷ Plut., Pyrrh. 27, 31 и далее. Ср.: Paus. I, 12, 3.
⁴⁸ Polyæn. IV, 6, 3.
⁴⁹ Polyb. V, 53, 4.
⁵⁰ Front., II, 6, 5.
⁵¹ Front. II, 5, 10.
⁵² Front., III, 4, 1—2; Polyæn. IV, 6, 20.
⁵³ Polyæn. VI, 6, 3.
⁵⁴ Front. II, 6, 10.

- ⁵⁵ Polyb. IV, 8, 1—3.
⁵⁶ Front. III, 2, 11.
⁵⁷ Об истории этого «подвига» см. в главе 4.
⁵⁸ Plut., Kleom. 11.
⁵⁹ Plut., Kleom. 12.
⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 7.
⁶¹ Athen. V, 203c—204d.
⁶² Theocr., Idyll. XVII.
⁶³ Paus. I, 1, 1.
⁶⁴ Memn. 13.
⁶⁵ Paus. I, 13, 1.
⁶⁶ Just. XXV, 1, 6.
⁶⁷ Paus. III, 6, 4—6.
⁶⁸ Plut., Mor. 545b; Plut., Mor. 183c-d; Plut., Pelop. 2. Более подробный анализ сложной проблемы битв Андроса и Коса см. ниже.
⁶⁹ Athen. V, 209.
⁷⁰ Memn. 18.
⁷¹ Polyae. V, 18; Front. III, 9, 10.
⁷² Polyb. V, 89, 1.
⁷³ Polyb. V, 89, 6.
⁷⁴ Polyb. V, 89, 8.
⁷⁵ Paus. X, 20, 5; 21, 4.
⁷⁶ Polyae. V, 25.
⁷⁷ Polyb. II, 9—10.
⁷⁸ Memnon 11.
⁷⁹ Plut., Pyrrh. 31.
⁸⁰ Plut., Arat. 39.
⁸¹ Polyae. IV, 6, 2.
⁸² Sext. Emp., Adv. gramm. I, 275—276.
⁸³ Aul. Hel. VII, 14.
⁸⁴ Plut., Arat. 12.
⁸⁵ Polyae. VI, 6, 2; Plut., Pyrrh. 26.
⁸⁶ Liv. XXVII, 4.
⁸⁷ Val. Max. IV, 3.
⁸⁸ Plut., Arat. 43.
⁸⁹ Plut., Kleom. 13.
⁹⁰ Memn. 24.
⁹¹ App., Rom. 10, 3.
⁹² Liv. XXXVIII, 16.
⁹³ Just. XXV, 1, 6.
⁹⁴ Ael. XII, 33.
⁹⁵ Paus. I, 13, 1.
⁹⁶ Welles C. B. Royal correspondence., N 14, 22, 25, 26 etc.
⁹⁷ Plut., Arat. 34.
⁹⁸ Memn. 16.
⁹⁹ Entrop. II, 9.
¹⁰⁰ Plut., Arat. 33.
¹⁰¹ Memn. 19.
¹⁰² Syll.³ 434/5. Ср. сходный тип договора афинян с этолийцами (SEG XVIII, 239).
¹⁰³ Polyb. IV, 9, 3.
¹⁰⁴ Memn. 21; App., Rom. V, 1.

- 105 Liv. XXXIII, 21.
 106 Paus. II, 9, 2; Paus. I, 7, 3; Plut., Pyrrh. 26; Polyb. II, 46, 3
 107 Memn. 19.
 108 OGIS³ 733.
 109 Rivista di filologia... N.S. VIII, 1930, p. 472; Polyb. V, 88—90
 110 См. История дипломатии. Т. I. М., 1959.
 111 Liv. XXXV, 58.
 112 Memn. 12.
 113 Durrbach F. Choix, 27.
 114 Plut., Arat. 3.
 115 Plut., Arat. 4.
 116 Plut., Arat. 28.
 117 App., Syr. 63.
 118 Liv. XXII, 59.
 119 Цицерон. Об обязанностях, I, 38.
 120 Plut., Kleom. 6.
 121 Plut., Arat. 33.
 122 Paus. I, 12, 2.
 123 Polyb. IV, 5, 8.
 124 Plut., Arat. 25.
 125 Polyb. II, 58, 6.
 126 Polyb., II, 58, 7—10.

СНОСКИ К ГЛАВЕ «НАЧАЛО ЭПОХИ»

¹ По поводу происхождения слова «эпигоны» можно отметить, что Дройзен использовал для заглавия своего третьего тома «Истории эллинизма» термин Пимфида Гераклеяского, написавшего в III в. до н. э. сочинение в 14 книгах «Об Александре, диадохах и эпигонах». См.: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3. История эпигонов. М., 1893; FGH II B, 155.

² Юстин, следуя, очевидно, через Помпея Трога Филарху, передаст эти социальные настроения несколько риторически, но вполне правдоподобно (Just. XXIV, 5). Об установлении тирании Аполлодора в Кассандрии см.: Polyaeu. VI, 7, 1; 7, 2; IV 6, 18; Diod. XXII, 5, 1—2; Seneca. De beneficiis VII, 19, 5; Dio Chr. II, 99—100; Polyb. VII, 7, 2.

³ App., Syr. 63; Memn. 13, 16—17; Vitucci G. Il regno di Bitinia. Roma, 1953, p. 18—25.

⁴ Just. XVII, 1—2; Polyb. II, 4, 13—15.

⁵ Мы следуем хронологии Х. Хайнена, основанной на точной датировке смерти Селевка: Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des III. Jahrhunderts v. Chr. Wiesbaden, 1972. S. 20, 94. О деятельности Птолемея Керавна см.: Just. XVII, 1—2, XXIV, 1—3; Trog., Prol. 17, 24; Memn. 13.

⁶ Paus. I, 4, 1; 16, 2; X, 19, 5—7; Just. XXIV, 4—5; Diod. XXII, 4; Trog., Prol. 24; Corn. Nep., De regibus, 3.

⁷ Just. XXIV, 5, 12.

⁸ Diod. XXIV, 4; Euseb. I, 235—237. Schoene. Эту борьбу претендентов за трон Македонии в 279—277 гг. до н. э. античные авторы называют «анархией».

⁹ Mayer A. Die Chronologie des Zenon und Kleantes. («Philologus», LXXI, 1912, S. 226).

¹⁰ Just. XXIV, 5, 13—14.

¹¹ Paus. X, 19, 9; Just. XXIV, 6, 1. Интересно, что Павсаний даже утраивает число конницы, ссылаясь на то, что каждого из 20 000 галатских всадников сопровождали два служителя-раба.

¹² Paus. I, 3, 5; 4, 2; IV, 28, 3; VII, 6, 7—8; VIII, 6, 3; X, 20, 1—5; Just. XXIV, 6, 2—3; Diod. XXII, 9.

¹³ Paus. X, 20, 5—22, 1.

¹⁴ Paus. X, 22, 2—4.

¹⁵ Paus. X, 22, 5.

¹⁶ Paus. X, 22, 6—12.

¹⁷ Дата похода Бренна точно дана Павсанием (Paus. X, 23, 14): 2-й год 125 олимпиады (279/8). Сражение при Дельфах состоялось осенью 279 г. до н. э., поскольку еще во время этого сражения воюющих застигли ливни и даже снегопады (Paus. X, 23, 4).

¹⁸ Об ограблении храма наши главные источники — Павсаний и Юстин — молчат. Но в других источниках намеки на этот факт встречаются: Diod. XXII, 9; Val. Max. I, 1; Strab. 188; Liv. XXXVIII, 48.

¹⁹ Paus. X, 22—23; Just. XXIV, 7—8.

²⁰ Polyae. VI, 7, 2; Paus. X, 22, 1; IV, 5, 4; Memn. 18; Athen. VI, 255a; Mayer A. Op. cit., S. 226; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 155.

²¹ Trog., Prol. 24; Memn. 18; Just. XXV, 1, 1.

²² Сразу вслед за заключением мира Антигон победил галатов при Лисимахии (Just. XXV, 1, 1). Время самой этой битвы с галатами (осень 277 г.) определяется большинством исследователей на основе согласования данных Евсевия (Euseb. I, 235—237), Диодора (Diod. XXII, 4), Павсания (Paus. X, 23, 14), относящихся к хронологии анархии в Македонии и похода галатов. Подтверждением сведений, получаемых из упомянутых античных авторов, являются и указания папируса Филодема (Mayer A. Op. cit., S. 226), а также некоторые материалы, восходящие к Иерониму из Кардии (FG II B, 154, fr., 9). Недавно опубликованный клинописный текст, указывающий на точную дату смерти Селевка — осень 281 г. до н. э. и согласующийся с данными Аппиана (App., Syr. 63), позволяет вполне твердо датировать битву при Лисимахии 277 годом до н. э. (Heinen H. Op. cit., S. 20).

²³ Just. XXV, 1, 1; Arnim I, 440; Suidas. Ἀρατὸς Σόλευς; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 160—162; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 76—77; Beloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV, Abt. 1, S. 556. Имеется надпись, посвященная Филе, жене Антигона (OGIS 216). Ср.: Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967, S. 33.

²⁴ Liv. XXXVIII, 16; Memn. 19; Paus. X, 23, 14.

²⁵ Vogliano A. Nuovi testi storici. («Revista di filologia e di istruzione classica». Anno LV, 1927, p. 501—502).

²⁶ G. de Sanctis. Il dominio macedonico nel Pireo.—«Rivista di filologia...» Anno LV, 1927, p. 490—495; Beloch K. Μυθρησ.—«Rivista di filologia...» Anno LIV, 1926.

²⁷ Liv. XXXVIII, 16; Memn. 19; Vitucci G. Il regno di Bitinia Roma, 1953, p. 24—25. Павсаний (Paus. X, 23, 14) дает точную дату переправы галатов в Азию: 3-й год 125 олимпиады.

²⁸ Strab. 594; Steph. Byz. Ἀγκυρα; Paus. X, 32, 4; Just. XXV,

2, 11; Liv. XXXVIII, 16; Memn. 19—20; Syll. 159; FGH II B, 162, 163.

²⁹ Тарн, Лемангауп относили битву к 275 г. и даже позднее: Tarn W. The first Syrian war. (JHS, XLVI, 1926, p. 155 ff); Lehmann-Haupt C. F. Der erste Syrische Krieg... (Klio III, 1903, S. 531).

Но уже Корради выдвигал более раннюю датировку: Corradi G. Studi ellenistici. Torino, 1929, p. 149. Недавно Уэллс показал, что поскольку Антиох, согласно «Вавилонской клинописной хронике» (см.: S. Smith. Babylonian historical texts. London, 1924, p. 156—157), в начале 275 г. свободно распоряжался в Малой Азии (в Сардах), то, очевидно, победа над галатами была уже одержана и притом не ранее 276 г.: Welles C. B. Gallic Mercenaries in the Chemonidean War. (Klio LII, 1972, S. 481—482).

³⁰ Luc. Zeux. 8—11.

³¹ App. Syr. 65; Trog., Prol. 25.

³² Just. XXV, 1—2. Место битвы—«при Лисимахии»—указано Диогеном Лаэртским (Diog. Laert. II, 141—142).

³³ Diog. Laert. II, 141—142; Just. XXV, 1—2; Diod. XXII, 4; Polyae. IV, 6, 17, 18; Griffith G. The mercenaries of the Hellenistic world. Cambr., 1935, p. 66.

³⁴ Syll². 176; 209; IG II 1371; Michel 1261; OGIS 45; Syll². 202; IG II, 7, 506; IG XI, 287 b, 1; IG XI, 313, 2; IG XI, 320 b, 2; Theocr., Idyll. XVII; Paus. I, 6, 8; Plut., Dem. 35; Tarn W. The political standing of Delos—JHS, XLIV, 2, 1924, p. 146 ff; Tarn W. The first Syrian war.—JHS, XLVI, 1926, p. 155.

³⁵ Strab. 756; App., Syr. 57; Euseb. II, 116—118; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 124—126; Lehmann C. F. Die erste Syrische Krieg...—Klio III, 1903, S. 512f. Дискутируется вопрос, где проходила граница двух царств в Сирии накануне I Сирийской войны. К сожалению, здесь ничего определенного выяснить не удалось. Существующие в науке гипотезы, в частности, основанные на данных пумизматики, толкуют проблему с различных и даже противоположных позиций.

³⁶ Paus. I, 7, 1—2.

³⁷ Paus. I, 7, 1; Diog. Laert. VII, 186; Schol. Theocr. XVII; Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen, S. 82.

³⁸ Paus. I, 7, 1. Diog. Laert. VII, 186.

³⁹ О «подвигах» Арсиной при дворах Лисимаха и Птолемея Керавна см.: Memn. 7—8; Just. XXIV, 2—3; XVII, 1; Paus. I, 10, 3—4; Euseb. I, 233—234; Strab. 623; Trog., Prol. 24.

⁴⁰ OGIS 784; Strab. 70; Athen. XIV, 252 f; Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca—New-York, 1974, p. 18. Mc Shane R. B. The foreign policy of Attalids of Pergamum. Urbana, 1964, p. 34.

⁴¹ Reinach A. Les Gaulois en Egypte.—REA, XIII, 1911, p. 35, n. 4. Несостоятельно мнение некоторых историков, будто этот Антигон, упомянутый в «Схолии» к «Гимну Делосу» Каллимаха, не есть Антигон Гонат. Обоснование тождества Антигона из «Схолия» с царем Македонии дал уже Буше-Леклерк; Bouche-Lesclercq A. Historie des Lagides. T. I. Paris, 1903, p. 167, n. 2.

⁴² Paus. I, 7, 1—2.

⁴³ Polyæn. II, 28, 2.

⁴⁴ Paus. I, 7, 2.

⁴⁵ Paus. I, 7, 2; Reinach A. Les Gaulois en Egypte.—REA, XIII, 1911, p. 35, n. 4.

⁴⁶ Paus. I, 7, 3.

⁴⁷ Smith S. Babylonian historical texts. London, 1924, p. 156—157. Имется вариант прочтения этой хроники Лемангауптом (Клио III, 1903, S. 498—501), который в настоящее время устарел.

⁴⁸ Подробнее о датировке см.: Smith S. Op. cit.

⁴⁹ Polyæn. IV, 15. Впрочем, не все исследователи относят это место у Полиэна к I Сирийской войне.

⁵⁰ Polyæn III, 16; Athen. XIV, 621a.

⁵¹ Steph. Byz. *Αὔκορα*. Время этой экспедиции определяется, во-первых, датой вторжения галатов в Азию (278/7 г. до н. э.) — terminus post quem, во-вторых, датой смерти Митридата I (266/5 г. до н. э.) — terminus ante quem. В интервале между этими датами известна только одна большая война на Востоке с участием Египта — I Сирийская война. Место сражения Митридата и Антиоха I с египтянами, несомненно, Каппадокия, на что указывал еще Дройзен: И. Г. Дройзен. История эллинизма. Т. 3, стр. 56 сноска. Мнение Б. Нисе о месте битвы в Карию кажется недостаточно аргументированным: Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 129; Beloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV, Abt. 2, S. 501.

⁵² Theocr., Idyll. XVII.

⁵³ Welles C. B. Royal correspondence in the hellenistic period, n. 14.

⁵⁴ Tarn W. Nauarch and nesiarh. (JHS, XXXI, 1911); Хаубен H. Callicrat of Samos. Louvain, 1970, p. 41—58. И Тарн и Хаубен отмечают, что Калликрат был навархом египетского флота при жизни Арсинон (до 270 г. до н. э.) и, кажется, пользовался ее покровительством.

⁵⁵ Одним из основоположников этой «теории» был Штерн: Stern Q. Ptolemaios «Der Sohn». («Hermes», XV, 1915).

⁵⁶ Heinen H. Op. cit., S. 97—98.

⁵⁷ Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dason. München, 1971, S. 6—14; Momigliano A. A new date for the battle of Andros? A discussion.—«The classical quarterly», XLIV, 1950.

⁵⁸ Zeitschrift für Ägyptische Sprache, XL, 1903, S. 70.

⁵⁹ Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. I, S. 586; Abt. 2, S. 497; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323—30 J. C.). T. I. Nancy, 1966, p. 127; Corradi G. Studi ellenistici. Torino, 1929, p. 150; Jouguet P. L'imperialisme macédonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 1926, p. 17.

⁶⁰ Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 204—206. Тарну следовали и другие буржуазные историки: Beloch K. Op. cit., Bd. IV, Abt. I, S. 571; Felmann W. Antigonos Gonatas... S. 26; Rostovtzeff M. SEIHW. Vol. I, Oxf., 1941, p. 36.

⁶¹ Plut., Pyrrh. 26, 30; Plut., De frat. am. 15; Plut., Mil. virt. 15; Plut., Apophthegm. 219a; Polyæn. II, 29, 1.

⁶² IG II 331-Syll.² 213; IG II, 5, 323b-Michel 1484; IG II, 5, 371b-Syll.² 207-Michel 1482.

- ⁶³ Paus. X, 8, 3; 20, 9; Just. XXIV, 1; Syll.³ 399; Syll.³ 405; Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. 2. S. 389—391.
- ⁶⁴ Tarn W. Antigonos, Gonatas, p. 213—214.
- ⁶⁵ Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. 2, S. 389—391.
- ⁶⁶ Just. XXV, 1, 7; Paus. IV, 5, 4; 28; 29; Plut., Pyrrh. 26—27; Polyb. II, 41, 13—15; Front. III, 6, 7; Polyaeu. II, 29, 1; Syll.² 214; Cardinali G. Creta e le grandi potenze ellenistiche sino alla guerra di Litto.—«Riv. di storia antica». Anno IX, 1904, p. 70—72.
- ⁶⁷ Впоследствии Гелен был отозван из Сицилии, но это не меняет нашей оценки в принципе.—Ср.: Plut., Pyrrh. 14, 22, 26; Just. XXV, 6.
- ⁶⁸ Paus. I, 13, 1; Polyaeu. VI, 6, 1; Just. XXV, 2, 3.
- ⁶⁹ О дате см.: Leveque P. Pyrrhos. Paris, 1957, p. 635.
- ⁷⁰ Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 264, 269.
- ⁷¹ Eutrop. II, 9; Liv. XXVII, 4; Just. XVIII, 2; Val. Max. IV, 3; Т. Моммзен. История Рима. Т. 1. М., 1936, стр. 405.
- ⁷² Plut., Pyrrh. 26; Paus. I, 13, 2—3; Polyaeu. II, 29, 2; Just. XXV, 3; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 260; Leveque P. Pyrrhos, p. 553—581.
- ⁷³ Diod. XXII, 12; Plut., Pyrrh. 26.
- ⁷⁴ Plut., Pyrrh. 26.
- ⁷⁵ Лукьян. Пеучу, который покупал много книг, 21.
- ⁷⁶ Just. XXV, 3, 8; Leveque P. Pyrrhos, p. 635.
- ⁷⁷ Just. XXV, 4, 1.
- ⁷⁸ Just. XXV, 4, 5.
- ⁷⁹ Plut., Pyrrh. 26; Plut., Mor. 253b; Plut., Arat. 2; Paus. I, 13, 4; Paus. VI, 14, 9; Just. XXV, 4, 4; XXVI, 1, 3; Polyb. II, 41, 13, 15; Diog. Laert. II, 127, 142.
- ⁸⁰ Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. 1, S. 574; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 266—268.
- ⁸¹ Plut., Pyrrh. 26.
- ⁸² Plut., Pyrrh. 26; Polyaeu. VI, 6, 2.
- ⁸³ Plut., Pyrrh. 26; Paus. I, 13, 5—7; Just. XXV, 4, 6, 10; Polyaeu. VIII, 49.
- ⁸⁴ Plut., Pyrrh. 28—29; Paus. I, 13, 6; Just. XXV, 4, 6—7.
- ⁸⁵ Paus. I, 13, 7; Plut., Pyrrh. 29; Leveque P. Op. cit., p. 590—608.
- ⁸⁶ Plut., Pyrrh. 30. Версия Юстинна (Just. XXV, 4, 9), будто Птолемей погиб, сражаясь на улицах Спарты, разумеется, ошибочна.
- ⁸⁷ Plut., Pyrrh. 31; Paus. I, 13, 7—8.
- ⁸⁸ Plut., Pyrrh. 32.
- ⁸⁹ Plut., Pyrrh. 32—33; Paus. I, 13, 7.
- ⁹⁰ Plut., Pyrrh. 34; Polyaeu. VIII, 68; Strab. 376; Just. XXV, 5, 1; Paus. I, 13, 8. Левек, по-видимому, справедливо относит смерть Пирра к осени 272 г. до н. э. (Op. cit., p. 635).
- ⁹¹ Val. Max. V, 1; Paus. I, 13, 8; Just. XXV, 5, 2; Plut., Pyrrh. 34.

СНОСКИ К ГЛАВЕ «ГЕРОИ» ГРЕЦИИ И «АВАНТЮРИСТЫ» ВОСТОКА

¹ Just. XXVI, 1, 2.

² Just. XXVI, 1, 3.

³ Liv. XXXV, 26, 5; Plut., Mor. 219 a-b; 250 f; 251 c; 252 a;

253 a-e; 486 a.; Trog., Prol. 26; Vogliano A. Nuovi testi storici...—«Riv. di filol.», Anno LIV, 1926, p. 323.

⁴ Polyb. II, 41, 10; IX, 28, 1.

⁵ Felmann W. Antigonos Gonatas, der König der Makedonen und der griechischen Staaten. Würzburg, 1930.

⁶ Plut., Mor. 250 f; 251 c; 252 a; 253 a-c; Just. XXVI, 1; Paus. V, 5, 1.

Убийце Аристотима Килону этолийцы воздвигли памятник (Paus. VI, 14, 11), а Дельфы приняли в его честь благодарственное постановление (Syll.² 920).

⁷ На эту возможность указал Ф. Ф. Соколов (Ф. Ф. Соколов. Труды. СПб., 1910, стр. 202—203), отметив, что в Аргосе была целая династия тиранов (примерно в 50-е годы III в. до н. э.—сын Аристиппа Аристомех, в 30-е годы — сын Аристомеха Аристипп, наконец, в начале 20-х годов — снова Аристомех). Ср.: Plut., Agrat. 25; JG II, 5, 371c.

⁸ Это обусловлено тем, что Мегалополя нет среди антимакедонской коалиции в декрете Хремонида (Syll.³ 434/5), а также тем, что через два-три года после начала Хремонидовой войны Мегалополя восстал против Спарты (Paus. VIII, 27, 11). Иную точку зрения на тиранию Аристомеда выдвинул В. Тарн (Tarn W. The Arcadian League and Aristodemus.—«The classical Review». Vol. XXXIX, 1925, pp. 104—107). Но мнение Тарна, считающего Аристомеда не тираном, а стратегом, к сожалению, упирается в недоказанный факт существования Аркадийского союза в 60-е годы III в. до н. э.

⁹ Diog. Laert. IV, 39; 41.

¹⁰ Diog. Laert. II, 127; 141—142. Время стратегии Гиерокла не совсем определено. Некоторые основания имеются для того, чтобы отнести эту стратегию к 50-м годам III в. до н. э. Но все же гораздо вероятнее считать, что Гиерокл правил на рубеже 70-х и 60-х годов. Это следует из характера изложения биографии Менедема: после победы Антигона над галлами при Лисимахии (277 г. до н. э.) Менедем предлагает в Эретрии декрет в честь македонского царя; но затем из-за этого декрета он изгнан политическими противниками и тайно удаляется в Аттику, укрывшись в храме Амфиарая; в этом храме он и встречается с Гиероклом. Трудно не видеть логической и хронологической связи всех этих событий. Изгнание Менедема из Эретрии могло быть в годы успехов Пирра и его друзей в Греции; а потом, в конце 70-х годов, последовали контакты Менедема и македонского стратега в Аттике. С этой точки зрения, совершенно невозможно себе представить, чтобы Менедем прожил в изгнании рядом с Афинами все 60-е годы, т. е. всю бурную эпоху Хремонидовой войны, и только в 50-е годы завязал отношения с Гиероклом.

¹¹ Plut., Mor. 851 d-f; Diog. Laert. X, 15; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 275; Ferguson W. Hellenistic Athens, p. 172.

¹² Syll.³ 434/5.

¹³ Diog. Laert. II, 142—143; Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. I, S. 420—421.

¹⁴ Trog., Prol. 25; App., Hist. 7; Polyæn. II, 5, 10; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 287.

¹⁵ Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 287. Впоследствии этолийцы

пытались отобрать у Эпира часть Акарнании, которую Александр ранее (т. е. при своей жизни) получил как свою долю военной добычи (Just. XXVIII, 1, 1). Уже это свидетельствует о войне, имевшей место между Александром и этолийцами за Акарнанию. Непосредственно на договор этолийцев и Александра по поводу Акарнании указывал Полибий (Polyb. IX, 34).

¹⁶ Соколов Ф. Ф. Хариксен.—ЖМНП, 1906, отд. класс. филологии, апрель, стр. 349—350; Klaffenbach G. Die Zeit des Ätolisch-akarnanischen Bündnisvertrages.—«Historia», Wiesbaden, 1955, Bd. IV, S. 46—51.

Время договора определяется после 269 г. до н. э., поскольку в договоре упомянут чиновник из Дориды, присоединенной к Этолии лишь в 269 г. до н. э. Но, разумеется, договор вряд ли мог быть заключен уже во время войны Этолии с Эпиром.

¹⁷ Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. 2, S. 419—421.

¹⁸ Syll.³ 395; Syll.³ 430; SEG XVIII; 239; Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. 2, S. 419—421. Другое время для афино-этолийской симмахии неприемлемо: в 70-е годы III в. до н. э. такой договор не был еще заключен, ибо Этолия и Афины вряд ли имели серьезные общие интересы (помимо галатской угрозы, о которой бы, конечно, в договоре ясно указывалось); в 50-е годы III в. до н. э. этот союз также немыслим, ввиду слабости Афин и их подчинения Македонии; остается только эпоха накануне или во время Хремонидовой войны.

¹⁹ Syll.³ 434/5.

²⁰ Roebuck C. A. A history of Messenia from 369 to 140 B. C. Chicago, 1941, p. 63—64.

²¹ Syll.³ 434/5.

²² X. Хайнен предполагает именно на базе надписи М. Сегре, что Птолемей, не будучи в состоянии сделать сына Арсиппои своим соправителем, должен был «отделаться» обещанием македонского трона наследнику Лисимаха. Отсюда и возникла Хремонидова война (Heinen H. Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte des 3. Jahrhunderts v. Chr. Wiesbaden, 1972, S. 97); Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 302, 313; Felmann W. Antigonos Gonatas... S. 56; Stern B. W. Ptolemaios «der Sohn».—«Hermes», XV, 1915, S. 427; De Groot A. W. Ptolemaios der Sohn.—«Rheinisches Museum», LXXII, 1917—1918, p. 446 f; Holleaux M. Ptolemaios Epigones.—JHS, XLI, 1921, p. 183 ff.

²³ Syll.³ 434/5

²⁴ Diog. Laert. VII, 24; Stob., Flor. XXXIII, 10; Plut., Mor. 504; Lehmann C. F. Zur attischen Politik vor dem Chremonideischen Kriege.—Klio V, 1905, S. 376.

²⁵ SEG XVIII, 241.

²⁶ Plut., Pyrrh. 27, 30; Cardinali G. Creta e le grandi potenze ellenistiche sino alla guerra di Litto. «Rivista di storia antica», IX, 1904, p. 70—77.

²⁷ OGIS 45.

²⁸ Против этой даты — факт отсутствия Крита в списке владений Египта в «Энкомии» Феокрита (Theocr., Idyl. 17).

²⁹ Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 269—270; Cardinali G. Creta e le grandi potenze ellenistiche...—«Rivista di storia antica», IX, 1904, p. 70—77; H. von Effenterre. La Crete et le monde

grec de Platon a Polybe. P., 1948, p. 248; Spyridakis S. Ptolemaic Itanos and hellenistic Crete. Berkeley, Los-Angeles, London, 1970, p. 26—33, 70—76. Источники этих утверждений носят совершенно косвенный характер. См.: Diog. Laert. VIII, 1, 9.

³⁰ Mc Shane R. B. The foreign policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964, p. 39, 43—44; Hansen E. The Attalids of Pergamon. Ithaca, New York, 1947, p. 22; Flaceliere R. Les Aitolians a Delphes. P., 1937, p. 220, 448—449.

³¹ Seibert J. Historische Beiträge zu den dynastischen Verbindungen in hellenistischer Zeit. Wiesbaden, 1967, S. 54.

³² Memn. 20.

³³ Trog., Prol. 26; FHG IV, 558, fr. 55.

³⁴ Welles C. B. Gallic Mercenaries in the Chremonidean war.—Klio LII, 1972, S. 478.

³⁵ Проблема датировки Хремонидовой войны пока не решена до конца, несмотря на почти полуторавековую дискуссию. Начало войны определяется датировкой архонта Питидима. Ясно, что Питидим правил после Питарата (271/70 г. до н. э.), когда был принят декрет в честь Демохара. Мало вероятно, чтобы Питидим был архонтом в году смерти Арея (266/5 г. до н. э.), так как для известных нам военных действий осталось бы мало времени. Можно выбирать между следующими четырьмя датами начала войны: 270/69, 269/68, 268/67, 267/66 гг. до н. э. Есть приверженцы любой из этих датировок, но, видимо, ближе к истине те, кто отстаивает более поздние даты: 268/67, 267/66 гг. до н. э. Между смертью Пирра и началом войны должен был пройти известный, не очень краткий период для того, чтобы сложились союзы, развились противоречия между государствами. Время конца войны также связано с датировкой одного из афинских архонтов — Антипатра. Антипатр правил до Арренида, в год которого умер стоик Зенон. Путем ряда расчетов Э. Роде и Т. Гомперц вычислили год смерти Зенона — 264/3. В этом случае Антипатр должен был помещаться в 265/4 г. до н. э. Но эта хронология вошла в противоречие с данными хроники Паросского Мрамора, начатой либо в 265/4, либо в 264/3 г. до н. э. при архонте *Диогнете*. Хронология жизни комика Филемона, умершего еще во время Хремонидовой войны, но во всяком случае позже 263 г. до н. э., также указывала на ошибочность расчетов Э. Роде и Т. Гомперца. К. Белох и А. Майер восстановили один из Филодемовских папирусов, где, в частности, было прочитано, что от афинского архонта Клеарха (301/300 г. до н. э.) до архонта Арренида «прошло тридцать девять лет и три месяца». Из этих данных Белохом было выведено мнение, что Арренид правил в 262/1 г. до н. э., а Антипатр — 263/2 г. до н. э.; Майер относил и Антипатра и Арренида к одному и тому же 262/1 году до н. э., исходя из указаний того же папируса о досрочном смещении Антигоном афинских властей по окончании Хремонидовой войны. С этим утверждением Майера не согласился Фергюссон; проблема сохраняется и по сей день, хотя Хайнен приводит еще одну попытку чтения Филодемовского папируса, где указано, что от Клеарха до Арренида «прошло... сорок лет». Попытка, как нам кажется, менее удачная, но она не меняет дела в принципе. Если свести все данные и все мнения, то наиболее вероятно считать, что Хремонидова война завершилась либо в конце 262 г. до н. э., либо в начале

261 г. до н. э. Сложность проблемы датировки Хремонидовой войны демонстрируется богатством литературы: Jacoby F. *Apollo-dors Chronik.* В., 1902; Jacoby F. *Das Marmor Parium.* В., 1904; Rhode E. *Die Chronologie des Zeno von Kitien.*—«*Reinisches Museum*» XXXIII, 1878, S. 622—625; Gomperz Th. *Zur Chronologie des Stoikers Zenon.*—«*Sitzungsberichte der keiserlichen Akademie...*» Abh. VI, 1903, S. 2; Jacoby F. *Die attische Archonten.*—«*Klio*» II, 1902; Kirchner J. *Attische Archonten.*—«*Hermes*», XXXVII, 1902; Beloch K. *Zur Chronologie des Chremonideischen Krieges.*—«*Klio*» II, 1902, S. 473—476; Beloch K. *Zur attischen Archonten des III. Jhdts.*—«*Hermes*» XXXVIII, 1903, S. 130—133; Mayer A. *Die Chronologie des Zenon.*—«*Philologus*», LXXI, 1912, S. 211—237; Ferguson W. *Hellenistic Athens.* L., 1911, p. 181; Tarn W. *Antigonos Gonatas.* p. 306. Tarn W. *The new dating of the Chremonidean war.*—*JHSt.* LIV, 1934, p. 26—39; Will E. *Histoire politique du monde hellenistique...* T. 1. Nancy, 1966, p. 196; Dinsmoor W. *The archonship of Pytharatos.*—«*Hermes*» XXIII, XXXIV, 1956, p. 252; Heinen H. *Untersuchungen zur hellenistischen Geschichte...* Wiesbaden, 1972, S. 201—202, 213 и с. w; Щукарев А. *Исследование в области каталога афинских архонтов.* СПб., 1889, стр. 162—167; Соколов Ф. Ф. *Антипатр — архонт.*—*ЖМНП*, январь, 1903, стр. 23. Ср. сведения источников: Plut., *Agis* 3; Diod. XX, 29; Trog., *Prol.* 26; FGH, 244, fr. 44; Luc. *Macrob.* 19; Val. Max. VIII, 7 ext. 11; Hieronym. ap. Euseb. II, 121;

Suidas. Φιλῆμων.

³⁶ Syll.³ 434/5 = Syll.² 214.

³⁷ Paus. III, 6, 4—5.

³⁸ IG II—III² 1217; Heinen H. *Op. cit.*, S. 155, 198.

³⁹ Heinen H. *Op. cit.*, S. 198.

⁴⁰ *Ibidem*, S. 200—201.

⁴¹ Paus. I, 1, 1; 7, 3.

⁴² *Ibidem*.

⁴³ SEG XXIV, 154; Heinen H. *Op. cit.*, S. 152—153.

⁴⁴ Mc Credie J. R., Steinberg A. *A Ptolemaic fort in Attica.*—«*American Journal of Archaeology*», 65, 1961, p. 191.

⁴⁵ Paus. I, 7, 3.

⁴⁶ Trog., *Prol.* XXVI.

⁴⁷ Just. XXVI, 2, 1—6.

⁴⁸ *Ibidem*.

⁴⁹ Polyae. IV, 6, 3.

⁵⁰ Paus. III 6, 4—5.

⁵¹ Mc Credie J. R., Steinberg A. *Op. cit.*, p. 191.

⁵² Just. XXVI, 2, 6.

⁵³ Plut., *Agis* 3; Diod. XX, 29; Trog., *Prol.* 26; Ael. III, 5; Plut.

Mor. 119c.

⁵⁴ Tarn W. *Antigonos Gonatas*, p. 301—302; Imhoof-Blumer. *Monnaies grecques*, p. 124, n. 68 et p. 127.

⁵⁵ Paus. VIII, 27, 11; Plut., *Agis* 3.

⁵⁶ Just. XXVI, 2.

⁵⁷ У Полиэна (Polyae. IV, 6, 20) речь идет именно о *мире*

с Афинами (ἐ'ιρήνην ἐ'πειτατο) а не о перемирии, как полагают многие историки. Критика концепции «перемирия» дана Хайненом (Op. cit., S. 179).

⁵⁸ Just. XXVI, 2.

⁵⁹ Euseb. I, 243 Schoene. Впрочем, П. Р. Франке думает, что Александр проник также и в Фессалию. См.: Franke P. R. Zur Geschichte des Antigonos Gonatas und der Oitaioi.—«Jahrbuch des Deutschen archäologischen Institut». Bd. 73, S. 38—62,

⁶⁰ Just. XXVI, 2.

⁶¹ Euseb. I, 243 Schoene. О Персее см.: Liv. XXXI, 28.

⁶² Polyæn. IV, 6, 20; Front, III, 4, 1—2.

⁶³ Strab. 624.

⁶⁴ Срав. в связи с этим указания на роль Сард в I Сирийской войне: Smith S. Babylonian historical texts. London, 1924, p. 156—157.

⁶⁵ Just., XXVI, 1, 1 Юстин сообщает, что Магас накануне своей смерти (ок. 260 г. до н. э.) примирился с Птолемеем, «чтобы покончить распрю». Отсюда ясно, что распря непосредственно предшествовала примирению и должна относиться к концу 60-х годов III в. до н. э.

⁶⁶ Welles C. V. Royal correspondence in the hellenistic period, p. 14.

⁶⁷ Но, разумеется, никоим образом не соправитель царя Египта.

⁶⁸ Во 2-ю Сирийскую войну Антиох II отнимал Ионию у египтян.

⁶⁹ BCH, 1911, p. 36, n. 17.

⁷⁰ Paus. III, 6, 6.

⁷¹ Just. XXVI, 3, 1—2.

⁷² Ibidem.

⁷³ Любопытный рассказ приводит Секст Эмпирик (Sext. Emp., Adversus gramm. 276). В этом рассказе говорится о посольстве от Птолемея к Антигону, возглавленном знаменитым архитектором Состратом. Этот Сострат, видя суровость и непреклонность Антигона на переговорах, сумел смягчить настроение царя цитатой из Гомера. Ср.: Fergüzet P. Sostrat...—«REA», 1899, t. 1, p. 265—266. К сожалению, до сих пор неясно, о каком Антигоне идет речь: об Антигоне Гонате или о его деде — Антигоне Монофтальме. Но если иметь в виду Антигона Гоната, то ситуация, изображенная у Секста Эмпирика, лучше всего подходит к периоду мирных соглашений 261 г. до н. э.

⁷⁴ SEG II, 261.=BCH, XLVII, 35.

⁷⁵ Paus. I, 1, 1, 30 4; II, 8, 5; III, 6, 6; Polyæn. IV, 6, 20; V, 18.

⁷⁶ Teles. περί φύγης, p. 23 Hence; Suidas. Φύγορος; FHG 244, fr. 44; Athen. IV, 167; Plut., Arat. 34; SEG III, 122; IG II, 5, 591b; Syll.² 220; Tarn W. Antigonos Gonatas p. 306—308; Ferguson W. Hellenistic Athens, p. 152, 183, 184.

⁷⁷ Diog. Laert. VIII 10—15; Paus. I, 29, 15; III, 6, 8; Polyb. I, 32, 1; XIII, 1; IG IX, 1, 97; Athen. XII, 597b; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 316—317; Beloch K. Griechische Geschichte, Bd. IV, Abt. 2, S. 419—421.

⁷⁸ Plut., Kleom. 18; Соколов Ф. Ф. Хариксен.—ЖМНП, 1906, отд. класс. фил., апрель, стр. 349—354.

⁷⁹ Trog., Prol. 26.

⁸⁰ Euseb. I, 237 Schoene; Athen. XIII, 593b; App., Syr. 65; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 316—318; Stern B. W. Ptolemaios «Der Sohn».—«Hermes», Bd. 15, 1915; S. 430—435; Heinen H. Op. cit., S. 97—98.

⁸¹ Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 316—318.

⁸² Athen. VIII, 334 a-b.

⁸³ Plut., Mor. 545 b; Plut., Mor, 183 c-d; Plut., Pelop. 2.

⁸⁴ Athen. V, 209.

⁸⁵ Trog., Prol. 27.

⁸⁶ Diog. Laert. IV, 39.

⁸⁷ Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3. М., 1893, стр. 256; Соколов Ф. Ф. Битва при Косе.—ЖМНП, 1902, сентябрь, стр. 406—410; Ferguson W. Hellenistic Athens, p. 198; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 378—380. Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 151; Beloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV, Abt. 2, S. 508—509; Bickerman E. Sur les batailles navales de Cos et d'Andros.—REA, XL, 1938, p. 369 ff; Felmann W. Antigonos Gonatas..., S. 92—99.

⁸⁸ Momigliano A. A new date for the battle of Andros? A discussion.—«The classical quarterly», XLIV, 1950, p. 109.

⁸⁹ Athen. XIII, 593 a-b.

⁹⁰ RC N 18—20.

⁹¹ Just. XXVI, 3. Время правления Деметрия в Кирене нельзя относить к 40-м годам III в. до н. э., как это делает Белох. Евсевий (Euseb. I, 237—238 Schoene) прямо указывает на дату смерти Деметрия: 130 ол. 2 год (259/8 г. до н. э.). Афиней тоже отмечает, что Магас правил в Кирене до своей смерти 50 лет; отсчитывая с 308 г. до н. э. (начало правления Магаса), мы получаем результаты, приблизительно сходящиеся с данными Евсевия.

⁹² Plut., Mor. 676 d.

⁹³ Tarn W. The dedicated ship of Antigonos Gonatas.—JHSt, 1910, p. 219.

⁹⁴ Из сообщения Диогена Лаэртского ясно, что Антигон полностью владел Косом в Афинах, когда состоялась его знаменитая *κρημύλη* (Diog. Laert. IV, 39).

⁹⁵ Head B. Historia numorum. Oxf., 1911, p. 231.

⁹⁶ Polyaeu. VIII, 70; Front. III, 2, 11; App., Syr. 65.

⁹⁷ Юстин ошибочно называет ее Арсиной.

⁹⁸ Just. XXVI, 3.

⁹⁹ Euseb. I, 237—238 Schoene; Suidas. Δημητρίως.

¹⁰⁰ Just. XXVI, 3.

¹⁰¹ Just. XXVI, 3. Ср.; Catull. 66. I, 26—28.

¹⁰² Athen. XII, 550 b; Plut., Philop. 1; Polyb. X, 22, 2.

¹⁰³ Plut., Arat. 12. Чтение «Адрия» в этом отрывке неточно; скорее всего, следует читать «Андрос».

¹⁰⁴ Homolle. Archives, p. 53, 59, 60; Durubach F. Choix, p. 39, 45; IG XII, 7, 221—222 -Michel, 381—382; OGIS 54; BCH, 1905, p. 97 ff; BCH, 1909, p. 481—482; Niese B. Op. cit., S. 371—373; Tarn W. The political standing of Delos.—JHSt, XLIV, 2, 1924, p. 141 ff; Bickerman E. Sur les batailles navales...—Op. cit., p. 371—373.

¹⁰⁵ Polyaeu. V, 18; Chronique de Lindos, ch. 37.

¹⁰⁶ Front. III, 9, 10.

¹⁰⁷ App., Syr. 65.

¹⁰⁸ Hieronym. ap. Daniel. XI, 8.

¹⁰⁹ Theocr. Idyll. 17; Strab. XVI, 754; Polyb. V, 63, 5; Joseph., Ant. XII, 3, 2; Libanius XI, 110—113; Athen. VII, 289 f; OGIS 54; 225; Syll. 166; 455; Babelon. Rois de Syrie, LVI, 26 f; Anc. Gr. inscr. Brit. Mus. III, p. 2, n. 403; II. von Effenterre. La Crete et le monde grec de Platon a Polybe. Paris, 1948, p. 252; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 324.

¹¹⁰ BCH, 1908, p. 57, n. 10.

¹¹¹ Paus. III, 6, 6; Euseb. II, 120—121 Schoene. Очень плохо сохранившаяся надпись в честь «освобождения»: SEG XXI, 380.

¹¹² Независимость Кирены приходится констатировать, шаче непонятно беспрятственное появление там Ликона, Эклема и Демофана. Впрочем, признание независимости Кирены Египтом не означало, что Египет прекратил вмешательство в Киренские дела.

¹¹³ Стратоника Старшая была женой Антиоха I, матерью Антиоха II.

¹¹⁴ Hieronym. ap. Daniel. XI, 585; Memn. 22; Beloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV, Abt. 2, S. 200; Bickerman E. Sur les batailles navales...—Op. cit., p. 375.

СНОСКИ К ГЛАВЕ «ОТВЕТ ПТОЛЕМЕЕВ»

¹ Memn. 21—24; Polyaeu. IV, 17.

² Polyaeu. IV, 16.

³ OGIS 54.

⁴ Memn. 23—24.

⁵ Михайлов Г. Иадшис намерени в Созопол през 1946 година.—Разкопки и проучвания. Т. 2 Аполония на Черно море. София, 1948, стр. 63—66.

⁶ Hansen E. Attalids of Pergamon. Ithaca—New-York, 1947, p. 22—24.

⁷ Бокшанин А. Г. Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960, стр. 177, 182—183. Совершенно ясные указания на этот счет содержатся у Юстини (Just. XLI, 4, 3—5), поэтому критика А. Г. Бокшаниным ряда буржуазных авторов вряд ли опровержима.

⁸ Trog., Prol. 26.

⁹ Соколов Ф. Ф. Труды. СПб., 1910, стр. 191 и далее; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 355, n. 35; Niese V. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 248.

¹⁰ Plut., Arat. 4; Polyb. II, 43, 1—10. В противоположность этому Г. Де Санктис неосновательно полагал, что Никокл был ставленником Антигона Гоната (G. de Sanctis. La ribellione d'Allesandro figlio di Cratero.—«Klio» IX, 1909, p. 1—9).

¹¹ Plut., Arat. 15—17; Suidas. εὐνοκλῆς; Athen. VI, 251 c.

¹² Euseb. I, 236 Schoene; Syll.³ 454; IG II, 5, 591 b; IG II, 5, 371 c; Соколов Ф. Ф. Труды. СПб., 1910, стр. 292—293, 301 и далее; Tarn W. Antigonos Gonatas, p. 370, n. 5.

¹³ Polyaeu. IV, 6, 1; Plut., Arat. 15—17.

¹⁴ G. de Sanctis. Op. cit.—«Klio» IX, 1909, p. 1—9.

¹⁵ Plut., Arat. 2—9; Philop. 1; Polyb. II, 43, 1—3; X, 22, 2.

¹⁶ Plut., Arat. 2, 9—17. Плутарха обычно читают так, что кораблекрушение было у Адрии (Адриатическое море). Но это невероятно. Не мог же Арат, отправляясь в Египет, плыть на запад. К тому же «побег» на Эвбею из Адрии — невозможная пятажка. Поэтому лучше принять другое чтение — Андрос.

¹⁷ Plut., Arat. 15.

¹⁸ Polyb. IV, 50.

¹⁹ Polyaeu. IV, 16.

²⁰ Just., XXVIII, 1. Действительно, Юстин настойчиво именует Стратонику «сестрой Антиоха» и даже ошибочно заявляет, будто, порвав с Деметрием, Стратоника уехала к брату, тогда как на самом деле Антиоха II в момент разрыва уже не было в живых. Ср.: Тагг W. Antigonos Gonatas, p. 348—349; Beloch K. Seleucos Kallinikos und Antiochos Hierax.—«Historische Zeitschrift», LX, S. 308; Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 164; Hollcaux M. Rome, la Grece et les monarchies hellenistiques... p. 7, n. 3.

²¹ Hieronym. ap. Daniel. XI, col. 585 sqq (vol. 25 Migne).

²² Just. XXVII, 1; Polyaeu, VIII, 50; App., Syr. 65; Val. Max. IX, 14; Euseb. I, 249 Schoene; Plin., N. H. VII, 12, 53; Hieronym. ap. Daniel. XI, col. 585 sqq.

²³ Athen. XIII, 64.

²⁴ Just. XXVII, 1, 6—9; Trog., Prol. 27.

²⁵ Polyaeu. VIII, 50.

²⁶ App., Syr. 65. Аналогичные сведения у Иеронима (Hieronym. ap. Daniel. XI, col. 585 sqq).

²⁷ Polyb. V, 58, 4.

²⁸ OGIS 54!

²⁹ Соколов Ф. Ф. Рассказ папируса о походе Птолемея III (ЖМНП, 1906, июль, стр. 391—392).— Ср.: Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. II, S. 146 ff; Cardinali G. Della terza guerra siriana e della guerra fraterna.—«Rivista di filologia...» Anno XXXI, 1903, p. 431 f.

³⁰ Just. XXVII, 1, 9; Hieronym. ap. Dan. XI, col. 585 sqq. (vol. 25 Migne).

³¹ Flinders Petrie Papyr. II, 29 e; Catull. 66. II; Beloch K. Op. cit., Bd. IV, Abt. 2, S. 538.

³² Just. XXVII, 2, 1—2.

³³ Just. XXVII, 2, 1—9.

³⁴ Euseb. I, 251.

³⁵ Chron. Pasch., p. 330 Bonn.

³⁶ Just. XXVII, 2, 1—9.

³⁷ Eutrop., III, 1.

³⁸ См. Соколов Ф. Ф. Птолемей Телмисский.— ЖМНП 1902, июнь, стр. 399 и далее.

³⁹ Здесь уместно в связи с личностью Птолемея, сына Лисимаха, из Телмисса уточнить, что это совсем не тот Птолемей, сын Лисимаха, о котором речь шла в связи с битвой при Андросе, а племянник Птолемея III Эвергета (у последнего был брат Лисимах). Другое уточнение относится сюда же, но касается более трудной проблемы, поставленной Г. Бенгтсоном в связи с расшифровкой надписей из Лабранды. Как известно, одна из надписей дала Бенгтсону повод думать, что Птолемей, поднявший мятеж в Эфесе

против своего отца, не умер в 50-е годы III в. до н. э., а жил еще и при Птолемее Эвергете (Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Dason. München, 1971, S. 5—12 ff).

В надписи, представляющей из себя письмо карийского династа Олимпиха в город Миласу, в частности, говорится: «Принесли нам послы (из Миласы.— В. Ж.) также другие документы, в особенности письма Софрона к Вам и Птолемею, брата царя Птолемея». (Op. cit., S. 6). Бенгтсон толкует этот отрывок так, что Софрон и Птолемей, брат царя Птолемея, есть те самые лица, которые одновременно, в период смут в начале III Сирийской войны, действовали в Ионии. Бенгтсон ссылается на Афиней (Athen. XIII, 593 в), где рассказы о гибели Птолемея, сына Филадельфа, от рук фракийцев и о спасении Софрона Данаей приводятся рядом. Из того, что Птолемей в надписи назван *братом царя Птолемея*, Бенгтсон как раз и датирует жизнь этого «брата» столь поразительно. Но каковы бы ни были эти аргументы, сами по себе они мало что доказывают и мало в чем убеждают. Гораздо яснее доводы исследователей в пользу того, что Птолемей, «сын» Филадельфа, погиб в Эфесе не позднее 253 г. до н. э. После открытия папируса Ларсена это вполне убедительная датировка. Как же, в таком случае понять странную формулировку цитированной выше надписи из Лабранды? Главной фигурой многих надписей из Лабранды является династ Олимпих, правивший в Карии, как достоверно известно по Полибию (Polyb. V, 90, 1), в 20-е годы III в. до н. э. Филипп V писал письмо к Олимпиху (надпись из Лабранды № 7); это свидетельствует о том, что Олимпих продолжал господствовать в Карии, по крайней мере, в 10-е годы III в. до н. э., если не позднее. Иными словами, активный период политической деятельности Олимпиха приходится на последние три-два десятилетия III в. до н. э. Возникает резонный вопрос: могли ли заинтересовать Олимпиха письма Софрона и Птолемея, брата царя Птолемея, если эти письма относились к периоду 50-х или начала 40-х годов III в. до н. э.? Нам это кажется сомнительным. Если эти письма имели какое-либо политическое значение для Олимпиха, то только в том случае, если они были написаны в хронологически том же самом интервале, который мы определили как время «акмэ» Олимпиха: т. е. в 30-е или скорее в 20-е—10-е годы III в. до н. э. Поэтому и время жизни Птолемея, брата царя Птолемея, по крайней мере, *может быть также отнесено и к 20-м, и даже к 10-м годам III в. до н. э.* В этом случае нет никакой нужды отождествлять этого Птолемея с Птолемеем, «сыном» Филадельфа, братом Эвергета. С гораздо большим успехом можно отождествить его с упомянутым выше *Птолемеем, сыном Лисимаха, правившим в Телмиссе и являвшимся двоюродным братом царя Птолемея IV Филопатора* (поскольку Птолемей Эвергет был дядей Птолемея Телмисского и отцом Птолемея Филопатора). Письмо Птолемея Телмисского в Миласу, доставленное потом Олимпиху, было написано, конечно, когда Филопатор стал царем Египта, т. е. не ранее 222/1 г. до н. э. Что касается письма Софрона, то и оно могло относиться к близким срокам; Софрон в это время был, конечно, не молод, так как битва при Андрозе с его участием состоялась примерно сорока годами раньше.

- ⁴⁰ Welles C. V. Royal correspondence ... N 25 (=Syll.³ 456).
- ⁴¹ Syll.³ 463.
- ⁴² SEG, 1, 366. Не совсем ясно, как в тот период обстояло дело с господством на Делосе и Кикладах. Возможно, Македония удержала здесь свои позиции.
- ⁴³ Memn. 25.
- ⁴⁴ Подробнее о принципах хронологии всех семнадцати стратегий Арата (Plut., Arat. 53) см. сноску 7 к главе «В преддверии кризиса».
- ⁴⁵ Plut., Arat. 16; Polyb. XX, 4, 4—6; Paus. II, 8, 3. Кстати, тот же Абеокрит упомянут в дельфийской надписи (Syll.³ 446). Дельфы предоставили Абеокриту, согласно надписи, различные привилегии за некие заслуги. Вероятно, надпись относится к временам, когда Беотия была еще в союзе с Этолией. Диттенбергер датировал Syll.³ 446 началом 50-х годов III в. до н. э.
- ⁴⁶ Plut., Arat. 24; Paus. II, 8, 5; VIII, 27, 12. Лидиад, видимо, стал тираном Мегалополя между возвращением Коринфа Антигоном (ок. 248/7 г. до н. э.) и новой потерей Коринфа (243/2 г. до н. э.).
- ⁴⁷ Plut., Arat. 18—24; Polyb. II, 43, 4; Polyae. VI, 5; Paus. II, 8, 5; Syll.² 231.
- ⁴⁸ Polyb. II, 45, 10; IX, 34, 6—7.
- ⁴⁹ Plut., Agis. 14.
- ⁵⁰ Plut., Arat. 31—32; Agis. 13—15.
- ⁵¹ Plut., Arat. 25, 33.
- ⁵² Plut., Arat. 24.
- ⁵³ Polyb. V, 34, 5—9.
- ⁵⁴ Just. XXVIII, 1.
- ⁵⁵ FGH II, 86, fr. 20 a.
- ⁵⁶ Just. XLI, 4—5; Strab. XI, 513; Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3, стр. 230—231; Бикерман Э. Хронология древнего мира, стр. 262.
- ⁵⁷ Бокщанин А. Г. Парфия и Рим, стр. 186—187.
- ⁵⁸ Plut., Mor. 489a; 184a; Euseb. I, 251 Schoene; Just. XXVII, 2—3; Trog., Prol. 27; Polyae. VIII, 61; Athen. VIII, 593 c; Niese В. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Т. 2, S. 153.
- ⁵⁹ Just. XXVII, 2—3.
- ⁶⁰ Euseb. I, 251 Schoene.
- ⁶¹ Niese В. Op. cit., Bb. 2, §. 155.
- ⁶² Just. XXVII, 3, 1—6.
- ⁶³ Trog., Prol. 27.
- ⁶⁴ Strab. XIII, 624; Paus. I, 4, 5, 6; 5, 5; 8, 1; Liv. XXXIII, 21; XXXVIII, 16; Polyb. XVIII, 4, 1, 7.
- ⁶⁵ Polyae. IV, 20; Front. I, 11; II, 13, 1.
- ⁶⁶ OGIS 269; 273—279.
- ⁶⁷ Niese В. Op. cit., Bd. 2, S. 157; Beloch К. Op. cit. Bd. IV, Abt. 2, S. 544—545.
- ⁶⁸ Trog., Prol. 27.
- ⁶⁹ Polyae. IV, 17.
- ⁷⁰ Just. XXVII, 3, 2—8; Trog., Prol. 27; Euseb. I, 251; Polyb. III, 43, 1; Strab. 754.
- ⁷¹ Beloch К. Op. cit. Bd. IV, Abt. 2, S. 544 ff; «Zeitschrift für Assyriologie», VII, 330, A2.

- ⁷² Euseb. I, 253 Schoene; OGIS 273—279.
- ⁷³ Euseb. I, 253 Schoene; Trog., Prol. 27; Just. XXVII, 3; Polyb. V, 74, 4; Plin., Nat. Hist. VIII, 42; App., Syr. 65.
- ⁷⁴ Trog., Prol. 27; Polyb. V, 90, 1.
- ⁷⁵ Polyb. II, 44, 1.
- ⁷⁶ Plut., Arat. 33.
- ⁷⁷ Feyel M. Polybe et l'histoire de Beotie au III S. a n. e. Paris, 1942, p. 100.
- ⁷⁸ Plut., Arat. 25; Just. XXVIII, 1—3.
- ⁷⁹ Polyb. IV, 3; Polyæn. II, 36; Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. I, S. 632; Niese B. Op. cit., Bd. 2, S. 271.
- ⁸⁰ Just. XXVIII, 1—3; Polyæn. VIII, 52.
- ⁸¹ Plut., Arat. 34.
- ⁸² Ferguson W. Hellenistic Athens, p. 202; Feyel M. Op. cit., p. 100; Beloch K. Op. cit. Bd. IV, Abt. I, S. 633; Manni E. Antigono Gonata e Demetrio II. («Athenaeum», 34, 1956); Niese B. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten... Bd. 2, S. 237.
- ⁸³ Syll.² 201—Hicks 155.
- ⁸⁴ Plut., Arat. 28.
- ⁸⁵ Ibidem.
- ⁸⁶ Plut., Arat. 29.
- ⁸⁷ Ibidem.
- ⁸⁸ Plut., Arat. 30.
- ⁸⁹ Ibidem.
- ⁹⁰ Paus. VIII, 27, 12—14.
- ⁹¹ Ср.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975, стр. 194. С 235 г. до н. э. в царском доме Агиадов после смерти Леонида пришел к власти Клеомен, но он был еще малолетним. Поэтому нет ничего удивительного, что первенство в Спарте перешло снова к дому Эврипонтидов, представителем которого и был «Агис».
- ⁹² Paus. II, 8, 5.
- ⁹³ Paus. VIII, 8, 11; 10, 5—8.
- ⁹⁴ Feyel M. Op. cit., p. 100.
- ⁹⁵ Polyb. IV, 25, 1—8; XX, 5, 1—3; Strab. X, 451; IG VII, 1.
- ⁹⁶ Polyb. II, 2—6; Just. XXVIII, 3; Polyæn. VIII, 52; Liv. XXXI, 28; Trog., Prol. 28.
- ⁹⁷ Just. XXVIII, 3; Plut., Arat. 34—35; Polyb. II, 44, 6; Trog., Prol. 28; Syll.³ 497; Жебелев С. А. Из истории Афин. 229—31 годы до Р. X. СПб., 1898.
- ⁹⁸ Polyb. II, 44, 3—4.
- ⁹⁹ Durrbach F. Choix, 48; Лепцман Я. А. О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э. (ВДИ, 1946, № 2, стр. 94).

СНОСКИ К ГЛАВЕ «В ПРЕДВЕРИИ КРИЗИСА»

¹ Trog., Prol. 28; Just. XXVIII, 3; Euseb. I, 238—240; Treves P. Studi su Antigono Dosone.—«Athenaeum». N. S. XIII, 1935, p. 24—25; Dell H. Antigonus III and Rome.—«Classical Philology», LXII, 1967, p. 96.—Ср.: надпись в честь Антигона и Филиппа V (SEG XII, 308).

² Front. II, 6, 5; Trog., Prol., 28; Just. XXVIII, 3; Liv. XXXVIII, 13.

³ Plut., Arat. 43—44; Kleom. 20. Polyb. II, 65, 2—4; IX, 41; XVIII, 21, 3.

⁴ Polyb. II, 45, 1—4; XX, 5, 6—14.

⁵ Васильевский В. Г. Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869; Бергер А. К. Социальные движения в древней Спарте. М.—Л., 1936; Каретников К. А. Социальные реформы Агиса и Клеомена в древней Спарте. Канд. дис. М., 1950; Шкляев Н. П. Социальные реформы в Спарте царей Агиса и Клеомена в III в. до н. э. Канд. дис. Казань, 1944; Schubert R. Ursprung und Anfänge des Kleomenischen Krieges.—«Jahrb. für klass. Philologie», Bd. 153, 1896, S. 397; Kazarow G. Zur Geschichte der sozialen Revolution in Sparta.—«Klio», VII, 1907; Bux E. Zwei sozialistische Novellen bei Plutarch.—«Klio», XIX, 1923—1924. Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971.

⁶ Polyb. II, 46, 1—3.

⁷ Plut., Kleom. 3—4; Polyb. II, 46, 5—6. Мы относим Аристомаха к 228/7 г. до н. э. Датировка эта зависит от общей оценки последовательного ряда ахейских стратегов. Долгое время предполагалось, что Арат был стратегом Ахейского союза каждый второй год примерно после 245 г. до н. э. Chrimes недавно удалось доказать, что в первые годы после своей первой стратегии Арат избирался ежегодно. Поэтому у Chrimes ряд ахейских стратегов выглядит следующим образом: 244/3 — Арат 1; 243/2 — Арат 2; 242/1 — Арат 3; 241/0 — Арат 4; 240/39 — Арат 5; 239/8 — Арат 6; 238/7 — Арат 7; 237/6 — Диодот; 236/5 — Арат 8; 235/4 — Лидиад 1; 234/3 — Арат 9; 233/2 — Лидиад 2; 232/1 — Арат 10; 231/0 — Лидиад 3; 230/29 — Арат 11; 229/28 — Аристомах; 228/7 — Арат 12; 227/6 — Эгиалей; 226/5 — Арат 13; 225/4 — Гипербат; 224/3 — Тимоксен 1; 223/2 — Арат 14; 222/1 — Тимоксен 2; 221/0 — Арат 15; 220/19 — Тимоксен 3; 219/8 — Арат 16; 218/7 — Эперат; 217/6 — Арат Младший; 216/5 — Тимоксен 4; 215/4 — Арат 17 (Chrimes К. М. T. Ancient Sparta. Manchester, 1952, p. 431—433). Поскольку Арат действительно 17 раз избирался стратегом (Plut., Arat. 53), то размещение Chrimes приблизительно верно. Наиболее сомнительный пункт его хронологии — стратегия Эгиалея, которую Chrimes ставит на 227/6 год до н. э., основываясь только на исчисленных данных надписи Syll² 471 и не учитывая, что Плутарх и Полибий ни слова не говорят об Эгиалесе. Видимо, Эгиалея нельзя ставить на 20-е годы III в. до н. э. С некоторыми перемещениями ряд ахейских стратегов может поэтому принять следующий вид: 244/3 — Арат 1; 243/2 — Арат 2; 242/1 — Арат 3; 241/0 — Арат 4; 240/39 — Арат 5; 239/8 — Арат 6; 238/7 — Арат 7; 237/6 — Арат 8; 236/5 — ?; 235/4 — Арат 9; 234/3 — Лидиад 1; 233/2 — Арат 10; 232/1 — Лидиад 2; 231/0 — Арат 11; 230/29 — Лидиад 3; 229/8 — Арат 12; 228/7 — Аристомах; 227/6 — Арат 13; 226/5 — Гипербат; 225/4 — Тимоксен; 224/3 — Арат 14; 223/2 — Тимоксен 2; 222/1 — Арат 15; 221/0 — Тимоксен 3; 220/19 — Арат 16; 219/8 — Эперат; 218/7 — Арат Младший; 217/6 — Тимоксен 4; 216/5 — Арат 17. Эта схема меньше противоречит имеющимся источникам, поэтому мы принимаем ее в качестве «рабочей гипотезы». Ср.: Reuss E. Chronologie der Regierung Kleomenes III von Sparta.—«Jahrb. der klass. Philologie». Bd. 107, 1873, S. 595; Niese B. Beiträge zur Ge-

schichte und Chronologie des Hellenismus.—«Hermes», XXXV, 1900, S. 68—70; — Bettingen W. Antigonos Dason... Jena, 1912, S. 42 ff.

⁸ Plut., Kleom. 5; Polyb. II, 46, 5—6.

⁹ Plut., Kleom. 6—7, Arat. 36—38; Polyb. II, 51, 3; Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323—30 av. J. C.) T. I. Nancy, 1966, p. 338. Декрет в честь Лидида: Syll.³ 504.

¹⁰ Oliva P. Sparta and her social problems. Prague, 1971, p. 234.

¹¹ Plut., Kleom. 7—11.

¹² Plut., Kleom. 12—14, Arat. 38—39; Polyb. II, 51, 3.

¹³ Plut., Kleom. 16.

¹⁴ Polyb. II, 47—48.

¹⁵ Polyb. II, 48—49.

¹⁶ Polyb. II, 50, 1.

¹⁷ Bettingen W. Antigonos Dason... Jena, 1912, S. 36; Bloch K. Griechische Geschichte. Bd. IV, Abt. I, S. 706.

¹⁸ Polyb. II, 50, 5—12; 51, 1.

¹⁹ О хронологии первой стратегии Тимоксена см. прим. 7 к настоящей главе (Plut., Arat. 38; Kleom. 15).

²⁰ Polyb. II, 51, 5.

²¹ Plut., Kleom. 15.

²² Ibidem.

²³ Polyb. II, 51, 4—7; Plut., Kleom. 15—17, Arat. 39. О позиции Клеомена на переговорах см.: Heuss A. Stadt und Herrscher des Hellenismus.—«Klio», Beiheft, N. F. XXVI, 1937, S. 44 f; Will E. Histoire politique... T. I, p. 344; Oliva P. Op. cit., p. 250—251.

²⁴ Plut., Kleom. 17.

²⁵ Plut., Kleom. 17—19, Arat. 39; Polyb. II, 52, 1—2.

²⁶ Polyb. II, 52, 1.

²⁷ Plut., Arat. 40.

²⁸ Plut., Arat. 41.

²⁹ Plut., Arat. 40.

³⁰ Plut., Arat. 40—42, Kleom. 17—19; Polyb. II, 52, 4.

³¹ Plut., Arat. 40—42, Kleom. 19; Polyb. II, 52, 5.

³² Polyb. II, 52, 6—9; Plut., Kleom. 20, Arat. 43.

³³ Plut., Arat. 43—44, Kleom. 20.

³⁴ Хронология второй стратегии Тимоксена продолжает быть предметом дискуссий. Некоторые исследователи отрицали правомерность принятия этой второй стратегии. Но Bettingen, например, обосновал ее необходимость. (Bettingen W. Antigonos Dason... S. 42 ff).

³⁵ Plut., Kleom. 20.

³⁶ Plut., Arat. 44, Kleom. 20; Polyb. II, 53, 1—2.

³⁷ Plut., Kleom. 21.

³⁸ Polyb. II, 53, 5; Plut., Kleom. 21.

³⁹ Plut., Kleom. 21; Polyb. II, 54, 1.

⁴⁰ Plut., Arat. 44, Kleom. 21—22; Polyb. II, 53, 6; 54, 1—2.

⁴¹ Plut., Kleom. 22.

⁴² Plut., Arat. 44; Polyb. II, 59, 1—8.

⁴³ Plut., Arat. 45.

⁴⁴ Plut., Kleom. 23; Polyb. II, 54, 2—10.

⁴⁵ Plut., Kleom. 23, Arat. 45; Polyb. II, 54, 11—12; 56, 6—7;

Paus. VIII, 8, 11.

⁴⁶ Polyb. II, 54, 13—14.

⁴⁷ Plut., Philop. 5, Kleom. 23—24; Polyb. II, 55, 1—7; 61, 4; 64, 1—7; Paus. IV, 29, 7—8; VIII, 27, 15—16; VIII, 49, 4.

⁴⁸ Polyb. II, 65, 1—10; 66, 5—10.

⁴⁹ Polyb. II, 67, 1—3.

⁵⁰ Polyb. II, 67, 4—8.

⁵¹ Plut., Philop. 6—7, Kleom. 28; Paus. II, 9, 2; III, 10, 7; IV, 29, 9; VIII, 27, 15—16; VIII, 49, 4. Данные Павсания, конечно, весьма неточны.

⁵² Polyb. II, 68. Плутарх (Plut., Kleom. 28) приводит здесь несколько иные данные: он сообщает, что Евклид был еще до битвы фактически окружен, так как Антигон направил в тыл ему какие-то войска.

⁵³ Polyb. II, 69, 8.

⁵⁴ Polyb. II, 69—70; Plut., Kleom. 28. Хронология битвы при Селласии в нашей работе дается на основе анализа последовательности ахейских стратегов. Есть также мнение, что битва произошла в 222 г. до н. э. См., напр.: Niese В. Beiträge...—«Hermes» XXXV, 1900, S. 68—70; Michell H. Sparta. Cambridge, 1952, p. 328; Geyer F. Makedonia.—RE, XIV, 1, Stuttgart, 1928, Sp. 740—745; Piraino M. Antigono Dosone, re di Macedonia. Palermo, 1954, p. 341. Спор идет уже свыше столетия, но единой точки зрения в науке пока нет (ср. прим. 5, 7 в настоящей главе).

⁵⁵ Polyb. II, 70; Plut., Kleom. 30.

⁵⁶ Paus. II, 9, 2.

⁵⁷ Plut., Kleom. 30. Плутарх почти дословно списывает у Полибия (Polyb. II, 70, 1), симпатии которого к Антигону известны. Ср.: Just. XXVIII, 4.

⁵⁸ Plut., Kleom. 30; Polyb. II, 70; IV, 6, 4—6; 9, 3—4; 25, 1—8; 87, 6—10; V, 93, 8; XX, 5, 12. О позиции Этолии и Афиц в Клеоменовской войне и в последующих событиях см.: Plut., Agat. 41; Polyb. IV, 3, 1—3; V, 106, 6—8. Более подробный анализ в трудах Фергюсона (Ferguson W. Op. cit., L., 1911) и Жебелева (С. А. Жебелев. Из истории Афиц. 229—31 гг. до Р. Х. СПб., 1898). Надпись в честь победы Антигона при Селласии: Syll.² 518.

⁵⁹ Plut., Kleom. 30; Polyb. II, 70, 6.

⁶⁰ Trog., Prol. 28.

⁶¹ Polyb. XX, 5, 11.

⁶² У Дройзена об этом см.: Дройзен И. Г. История эллинизма. Т. 3. М., 1893, стр. 237.

⁶³ Bengtson H. Die Inschriften von Labranda... München, 1971, S. 19, 25—27, 31.

⁶⁴ IG XII, 3, 221; 222, Newton A. Grec insscr. of Brit. Mus., n. 247; BCH, III, 1879, p. 292.

⁶⁵ SBCH, XIII, 1899, p. 47, 52; Piraino M. Antigono Dosone, re di Macedonia. Palermo, 1954, p. 313—319.

⁶⁶ Polyb. V, 88—90; Paus. II, 7, 1.

⁶⁷ Polyb. II, 47, 1—2.

⁶⁸ Polyb. II, 51, 2.

⁶⁹ Plut., Kleom. 22.

⁷⁰ Polyb. II, 63, 1.

⁷¹ Polyb. V, 34; Plut., Kleom. 32—33.

- ⁷² Polyb. V, 35.
⁷³ Polyb. V, 36—39; Plut., Kleom. 34—38.
⁷⁴ Euseb. I, 253, 263—264; Trog., Prol. 27; Polyb. IV, 48, 2—13.
⁷⁵ Polyb. IV, 48, 11—12.
⁷⁶ Polyb. IV, 49.
⁷⁷ Polyb. V, 48—50.
⁷⁸ Polyb. V, 42, 7; 57, 1—2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Теоретические проблемы международных отношений и эллинизм	13
§ 1. Некоторые общие вопросы теории	13
§ 2. Эллинизм и закономерности международных отношений рабовладельческой формации	21
Глава 2. Средства внешней политики эллинистических государств	29
§ 1. Армия и флот	29
§ 2. Дипломатия. Элементы международного права	48
Глава 3. Начало эпохи	60
§ 1. Вторжение галатов	60
§ 2. Первая Сирийская война	69
§ 3. Последние походы Пирра Эпирского	74
Глава 4. «Герои» Греции и «авантюристы» Востока	84
§ 1. Накануне Хремонидовой войны	84
§ 2. Хремонидова война	92
§ 3. Вторая Сирийская война	101
Глава 5. Ответ Птолемеев	113
§ 1. Новое освободительное движение	113
§ 2. Эпоха Третьей Сирийской войны	121
§ 3. «Темное» десятилетие	132
Глава 6. В преддверии кризиса	146
§ 1. Начало Клеоменовой войны	146
§ 2. Антигон Досон и Греция	154
§ 3. Крушение египетской гегемонии	159
Заключение	165
Сноски и примечания	168

Владимир Данилович Жигунин

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

в 280—220 гг. до н. э.

ИБ № 414.

Редактор Р. Г. Биктанов. Техн. редактор Г. М. Семенова. Обложка художника Б. А. Чуколина. Корректор С. А. Петрова. Сдано в набор 5/VI-1979 г. Подписано к печати 17/XII-80 г. 11Ф 10072. Формат бумаги 84×108/32. Печ. л. 6,0 (10,08). Учет. изд. л. 10,75. Заказ А-371. Тираж 1250 экз. Цена 1 р. 61. Издательство Казанского университета. Казань, ул. Ленина, 2. Полиграфический комбинат им. Камилля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Казань, ул. Баумана, 19.